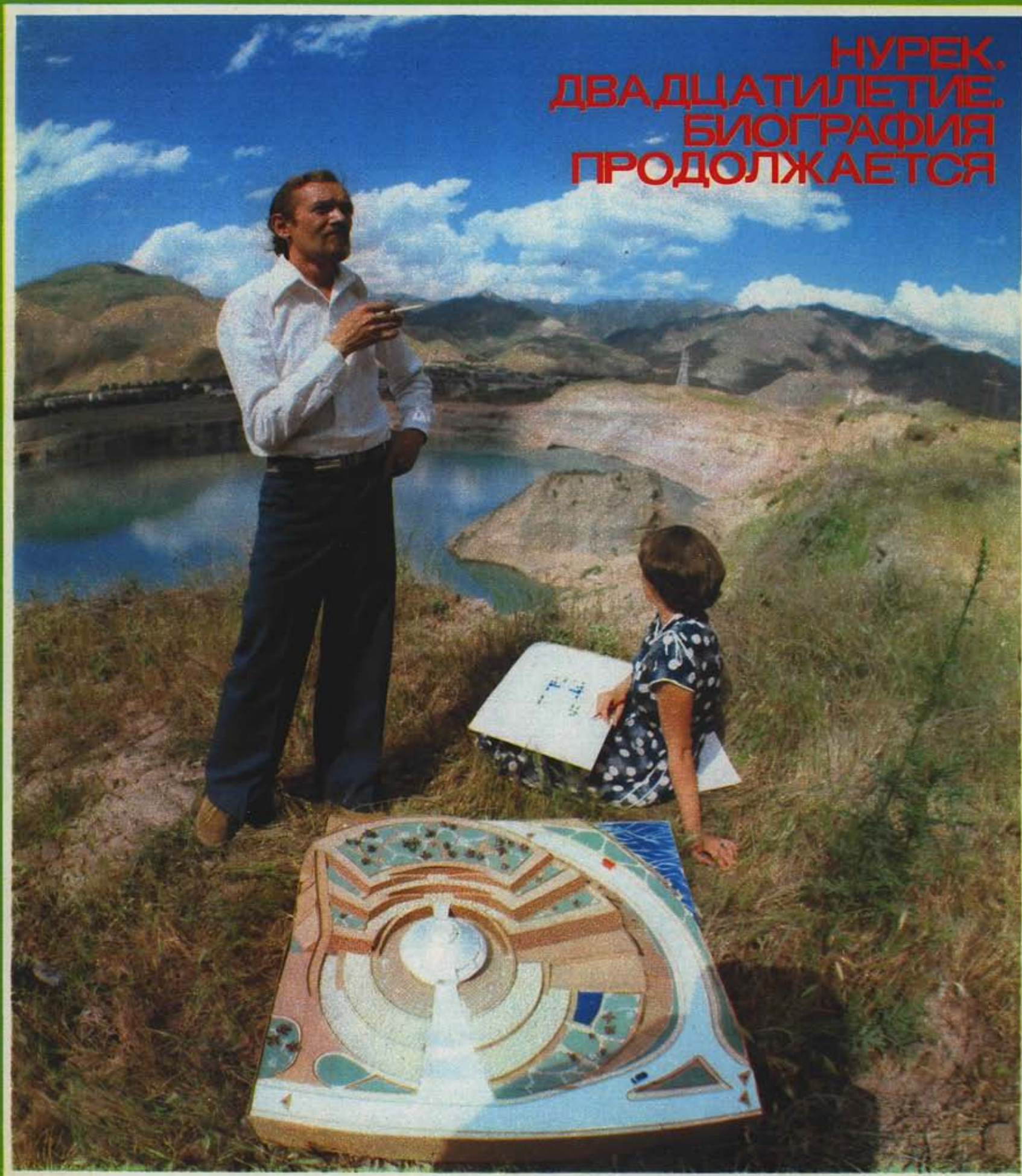

СМЕНА

№ 10 МАЙ 1981

**НУРЕК.
ДВАДЦАТИЛЕТИЕ.
БИОГРАФИЯ
ПРОДОЛЖАЕТСЯ**

РЕШЕНИЯ СЪЕЗДА КПСС — В ЖИЗНЬ! ГОРЯЧИЙ ПОЛЮС

Накануне XXVI съезда КПСС гидростроители Нурека рапортовали о завершении строительства самой высокой в мире плотины ГЭС. Сейчас многотысячный отряд строителей сосредоточил усилия на возведении Байпазинской и Рогунской ГЭС — очередных мощных энергетических звеньях Южно-Таджикского территориально-производственного комплекса.

На берегах Вахша рядом с гидроузлом вырос город. Теперь ему 20 лет. Нурек стал крупным административным, культурным, демографическим центром, которому отныне предстоит жить самостоятельной жизнью, идти по своему пути, хорошесть. Это не всегда просто — выбрать верный путь. Но это необходимо.

О том, насколько важно, решая задачи промышленного освоения новых регионов, решать одновременно проблемы закрепления кадров на новых предприятиях, в новых городах, строил в достаточном количестве объекты социально-культурного комплекса, шла речь на XXVI съезде партии.

В этом смысле стоит проанализировать опыт и проблемы Нурека. О непростой истории молодого города, о его сегодняшнем дне, о том, с чем он идет в день завтрашний, рассказывается в этом очерке.

Митинг был назначен на жаркий послеполуденный час, когда солнце, обойдя синезубый перевал Шар-Шар, белым раскаленным шаром повисло, казалось, над самой плотинной. Наверное, можно было перенести торжество и на завтра, на более удобное для всех и не столь жаркое время, но строители рассчитали точно — последний кубометр суглинка в тело плотины приходился именно на тот послеполуденный час, и искусственно отодвигать его не захотели.

Накануне начальник участка основных сооружений Иван Харитонович Безуглов позвонил в Нурекский горком партии и сказал, что все, баста, бригада Гагулаева вышла на предельную отметку и завтра в 2 часа дня бульдозеристы разровняют последнюю горсть суглинка на верхней оконечности ядра плотины. Событие, конечно, не самое главное за время строительства, особенно если учесть, что впереди работы еще ой сколько (Безуглов имел в виду бетонную шубу плотины, которую нужно закончить), но все-таки отметить надо, как-никак последний кубик грунта. Мурад Еров, секретарь горкома, поблагодарил Безуглова за радостную весть и сказал, что все понял.

С обеда из города наверх, к плотине, потянулись седые от пыли автобусы, «газики», обтянутые брезентом полутурки. Рядом с пожилыми аксакалами в праздничных халатах на сиденьях теснились пионеры, музыкальные работники, швейники, строители, садовники — словом, все те нурекчане, от мала до велика, кому обстоятельства позволили принять участие в торжестве. Город, привыкший мутко откликаться на любые события, происходящие на строительстве, готовился всем миром порадоваться еще одной трудовой победе. Их у нурекчан было уже немало, этих побед: вспоминались и закладка первого кубометра бетона в ядро плотины, и перекрытие бурной речки, ввод в строй гигантских тоннелей, поочередный пуск всех девяти агрегатов станции, первый миллиард киловатт выработанной энергии и много, много других.

Были свои праздники и у города, пусть не столь значительные в масштабах страны, но не менее радостные для самих нурекчан: ввод в строй первой котельной, первого многоквартирного жилого дома, первого кинотеатра, присвоение наименования первым улицам, пуск знаменитых нурекских фонтанов...

Впрочем, неверно было бы разделять историю города и историю строительства Нурекской ГЭС. Потому что два-

дцать лет город жил ритмом стройки и любая победа была победой общей, творением ума и рук нурекчан и тех, кого связала с молодым городом на Вахше рабочая эстафета.

И вот последний кубометр суглинка. По-настоящему постигнуть, что значил он для тех, кто год за годом воздвигал самую высокую в мировой практике плотину, можно, лишь стоя здесь, на ее гребне, на самой верхней отметке трехсотметровой насыпи, преградившей путь неистовому Вахшу. Величавым и спокойным кажется отсюда рукотворное море, застывшее в каменных ладонях гор. На 70 километров пролегло оно по дну ущелья, омывая своими водами крутые скалистые берега, окрашенные по весне алым маковым цветением. Невозможно представить, что в иных местах глубина водохранилища достигает 200 метров: так прозрачна и тиха бирюзовая чаша. Зато по другой стороне плотины клокочет, пенится, бурлит Вахш, вырвавшийся на волю, отдавший мощь свою гигантским турбинам. Уносится река дальше со скоростью поезда, сплетая водовороты, бьется о пороги, звенит галькой по нешироким разливам, прозрачная, чистая, сохранившая прохладу ледников. Один берег реки вырастает к небу горными вершинами, а на другом, вдоволь напоенном водой, зеленеет рощами, звенит фонтанами, рокочет гулом автомобильных моторов город Нурек.

История его, теперь уже перешагнувшего порог своего двадцатилетия, схожа в общем-то с историей многих городов энергетиков. Немало в этой истории событий важных и радостных, немало и моментов, прямо скажем, драматических. Это и понятно, строительство подобных городов никогда не было делом легким и не обходилось без проблем. Перелистаем же некоторые страницы истории Нурека.

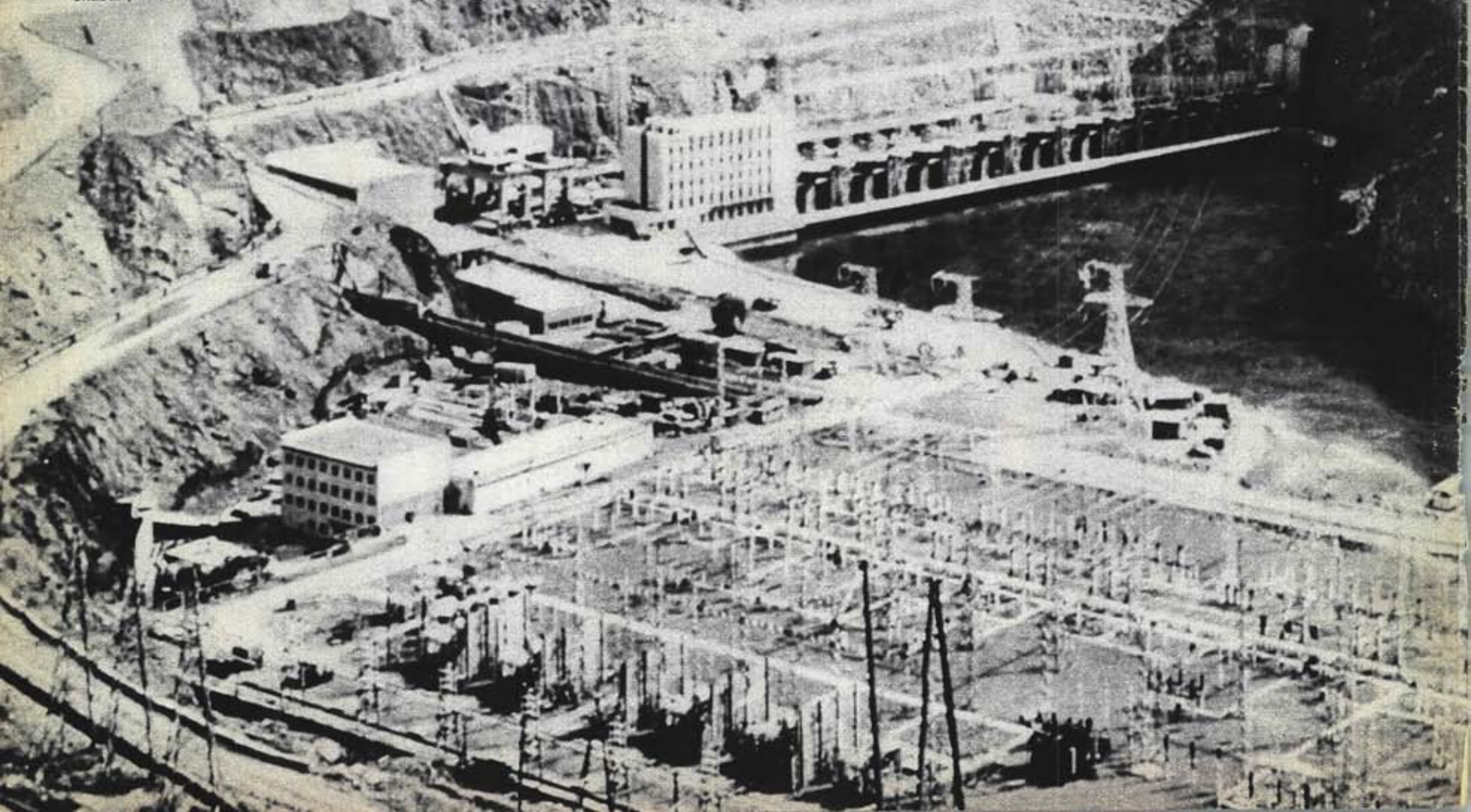
Страница первая... Впрочем, быть ей лишь предисловием.

Рассказывают, что первый начальник

строительства в Нурек Семен Константинович Калижнюк, человек легендарной судьбы, бывший конармеец, в далеких двадцатых годах преследовал на склонах Пулисангинского ущелья басмаческие банды. И при коротких передышках, глядя вниз с каменных уступов Вахшского хребта на стремительный бег реки, командир конного эскадрона не однажды говорил своим товарищам по оружию, что бьются они с бандитами на берегах будущего моря и недалеко то время, когда в этом самом месте даст электричество в горные кишлаки самая мощная в красном Таджикистане электростанция. А рядом с ней вырастет белокаменный город, в котором будут жить счастливые люди, и будет у них всего вдоволь. И бойцы, сидевшие на взмыленных лошадях, верили каждому слову своего командира. Впрочем, тогда это были только мечты, пусть даже рождавшиеся в сердцах сильных и смелых.

Но как же много вместила в себя наша эпоха, если Калижнюк все-таки дожил до начала воплощения своей мечты, когда проснулась от рокота тракторов и бульдозеров Вахшская долина и началось великое и трудное преобразование этой выжженной солнцем, раскаленной земли!

С тех пор минуло двадцать лет. Чего только не пережито Нуреком за два десятилетия: палаточно-барачная юность, градостроительные всплески, периоды затишья и сомнений. Сомневались, ставить ли город современным и

НУРЕКА

капитальным или оставаться ему временным, скроенным из деревянных котеджей и другого малорослого и недорогого жилья. Проектировщики из Гидропроекта стояли поначалу за то, чтобы, как говорится, обойтись малой кровью. Доказывали, что надобность в большей части капитального жилья после ввода всех очередей гидроузла отпадет, впустую окажутся израсходованными небольшие средства. Городские власти придерживались точки зрения противоположной — Нурек должен быть под стать гидроузлу, этому величайшему творе-

**Владислав ЯНЕЛИС.
Фото Сергея ПЕТРУХИНА.
Специальные
корреспонденты
«Смены»**

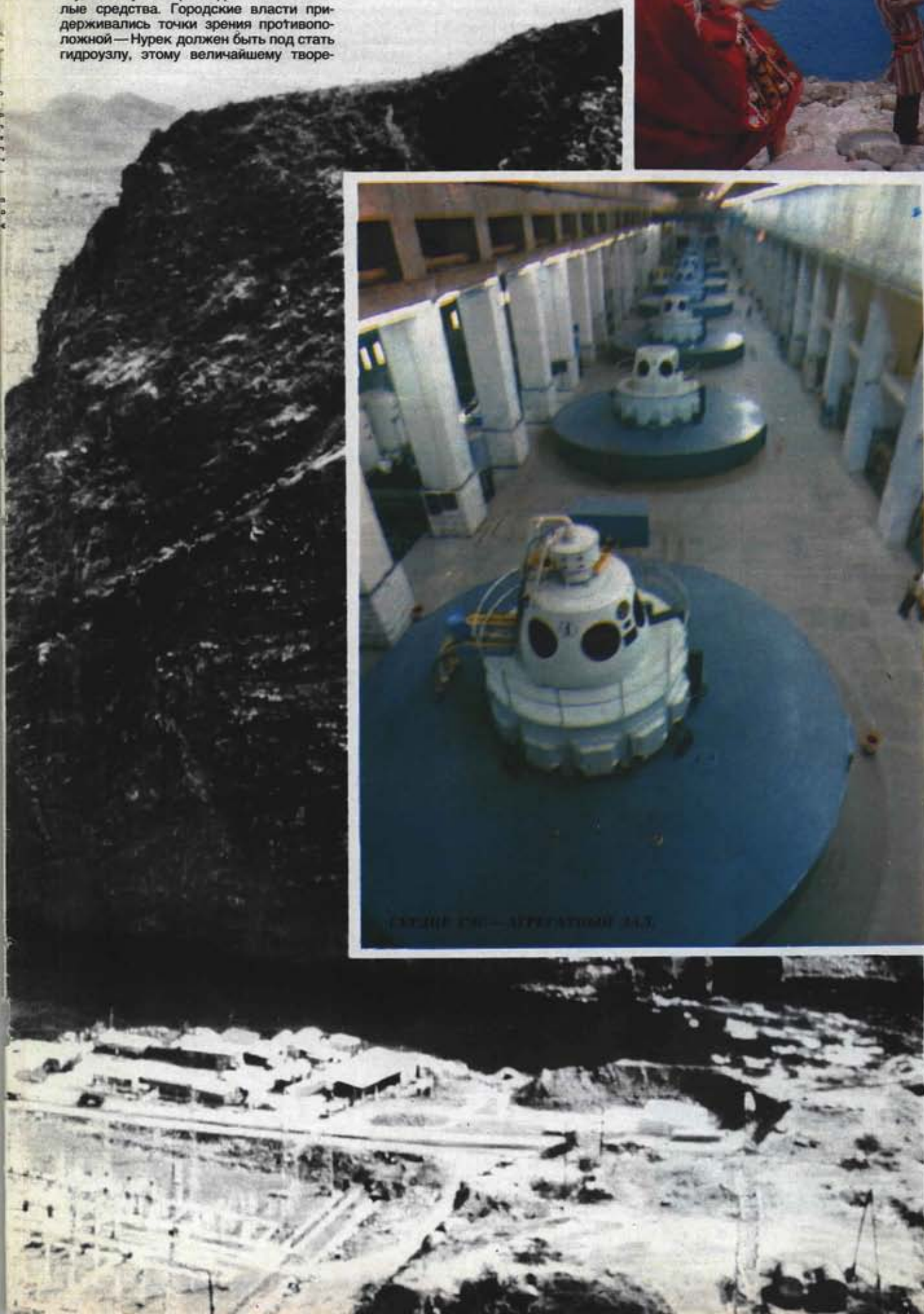

**ПОЕТ КАРНАЙ НАД БЕРЕГОМ
РУКОТВОРНОГО МОРЯ,
ВОЗВЕЩАЯ О НОВОЙ
ПОБЕДЕ СТРОИТЕЛЕЙ.**

**ТКАЦКАЯ ФАБРИКА
ОЛИЦЕТВОРИТ
ЗАРОЖДАЮЩУЮСЯ
НУРЕКСКУЮ ИНДУСТРИЮ.**

**ПАМЯТНИК МУЖЕСТВУ
ПОКОРИТЕЛЕЙ ВАХША.**

Наша обложка:
молодые
архитекторы
Нурека
Татьяна БОЖКОВА
и Валерий ИСИЧЕНКО.

Фото
Сергея ПЕТРУХИНА.

1 РЕШЕНИЯ XXVI СЪЕЗДА КПСС — В ЖИЗНЬ!
МОЛОДЫЕ ГОРОДА. «ГОРЯЧИЙ ПОЛЮС НУРЕКА».
Фотоочерк Владислава ЯНЕЛИСА и Сергея ПЕТРУХИНА.

6 ПОСЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЙ «СМЕНИ», «ОБЩЕЖИТИЕ».

8 Рассказы Георгия ГУЛИА
«ВИВАЦА-МЛАДШИЙ» и «НАВСТРЕЧУ ОГНЮ».

11 АВТОБИОГРАФИИ.
Леонид КАРТАУЗОВ, первоцелинник, Герой
Социалистического Труда. «ОПРЕДЕЛЕНИЕ ВЫСОТЫ».

13 ФЕСТИВАЛЬ ПОЭМЫ.
Татьяна КУЗОВЛЕВА. «ОБРАЩЕНИЕ К ДОЧЕРИ».

14 ЛАУРЕАТЫ ПРЕМИИ ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА.
«И НЕТ НАМ ПОКОЯ». Биография студенческого коллектива.

17 ЧЕЛОВЕК СРЕДИ ЛЮДЕЙ.
Юрий ФЕОФАНОВ. «ОСОБОЕ МНЕНИЕ».

19 СПАСИБО ЧИТАТЕЛЯМ. НОВЫЙ УРЕНГОЙ:
КНИГИ СОБРАНЫ — БИБЛИОТЕКА РАБОТАЕТ.

20 КАК СПОРТ СТРОИТ ЧЕЛОВЕКА.
Леонид ПЛЕШАКОВ. «ЭТА ТРУДНАЯ ШТАНГА».

22 МАЙСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ.
Обзор зарубежной печати.

24 Виталий МЕНЬШИКОВ.
«ТАЙНЫЙ ПРИКАЗ ИЗ «ВОЛЧЬЕГО ЛОГОВА».

27 Стихи Игоря ТАРАСЕВИЧА.

28 РЕПОРТАЖ ОБ ИНТЕРЕСНОМ.
«ОТКРЫТИЕ: ВОЛНЫ СЕРДЦА».

30 ДАЛЕКИЕ БЛИЗКИЕ. «УРОК, НУЖНЫЙ ВСЕМ».

31 КОНКУРС ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ «ПОЮ МОЕ ОТЕЧЕСТВО».

32 КОНКУРС ЭРУДИТОВ.

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. ГЛЕБОВ, Б. Л. ДАНОШЕВСКИЙ,
В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ
(заместитель главного редактора), Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ,
Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, Г. С. ТЕРЗИ-
БАШЬЯНЦ (главный художник), Б. А. ФАИН, Д. Н. ФИЛИППОВ,
Г. Н. ЧЕБОТАРЕВ, В. В. ЧИКИН, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник А. В. Крикунов. Технический редактор Л. И. Курлыкова.

нию человеческого разума и воли, городом будущего, промышленным и культурным центром региона.

В конце концов решили строить город на века. Но к тому времени не был готов генеральный план застройки, а ставить город немедленно заставляла жизнь. И начали строить, поручив проектирование жилья Ташкентскому отделению Гидропроекта, организации более сведущей в разработке гидросооружений, нежели городов.

Скоро всем стало ясно, что поручать проектирование города следовало организации, на этом специализирующейся. Только в этом случае застройка жилых кварталов была бы подчинена какой-то системе, а сам город обрел бы ему лишь свойственное архитектурное лицо. Но переигрывать что-либо было поздно, четырех- и пятиэтажными домами оказались застроены основные улицы города, сложилась и его центральная площадь, выходящая к Вахшу. В Нуреке, казалось бы, было все функционально необходимое городу — школы, магазины, общественные здания, КБО, больничный комплекс и прочее, но и сами нурекчане и их гости чувствовали, что из-за стереотипных архитектурных форм, бессистемности застройки облик города многое потерял.

И остаться бы таким Нуреку еще надолго, если бы не вмешательство самых высоких инстанций. Случилось это в 1968 году. Комиссия, побывавшая на строительстве гидроузла и города, отметила низкий уровень именно градостроительства. Были намечены меры для приведения уже построенных зданий в надлежащий вид, исправления ранее допущенных ошибок. Нурек заслужил право не только называться энергетической столицей, но и быть ею.

Последующие несколько лет стали для города периодом возрождения, его архитектурного, социального преобразования. Нурекчане, отнюдь не лишённые чувства юмора, даже называют эти годы нурекским Ренессансом. Тогда же был наконец завершён и утверждён генеральный план города, учитывающий требования современного градостроительства. И вскоре украсился фресками Дворец культуры энергетиков, на фасадах зданий, выходящих на улицы, появилась ажурная вязь, выполненная в национальных традициях, были реконструированы балконные ограждения. На центральной площади забили знаменитые нурекские фонтаны, там же встала ажурная белокаменная галерея, архитектурный рисунок которой перекликается с галереями древнейших городов республики. Нурек возмужал за счёт солидных пяти- и девятиэтажек с глубокими лоджиями, вытянулся вверх, оделся в зелень садов и парков. Одних только деревьев в Нуреке сейчас более 70 тысяч. Это не считая цветников, газонов, кустов. Улицы, прежде покрытые густым слоем пыли, были заасфальтированы, зашелестела на ветру зеленая кипень садов там, где прежде земля рассыпалась от зноя.

В центре Нурека встал современный универмаг, открылись новые кафе. Детские сады, пусть даже построенные по типовым проектам, смотрятся как украшение города благодаря солнечным мозаичным панно, одетым в гранит фонтанам. Не поскупились строители и на пионерский лагерь, выбрав для него место на самом берегу Вахша, и, насколько не преувеличив его достоинств, называли «Горной сказкой».

Впрочем, никого и не удивить сейчас современными магазинами, кафе, музыкальной школой, комбинатом бытового обслуживания, спортцентром, детским садом. Это стало нормой для наших городов. Да что городов, в иных селах, поселках люди пользуются теми же благами цивилизации, что и горожане. В самих же нурекчанах подметил я одну черту. Как бы критически ни отзывались они об отдельных недостатках планировки микрорайонов, уместности той или иной постройки, отсутствия, с их точки зрения, в городе чего-то необхо-

димого, в целом они оставались беззаветно преданными своему Нуреку, такому, как он есть. Они очень удивляются, если кто-то из приезжих заговаривает о фонтанах в Навои, сравнивая их с нурекскими, или о красотах гор возле Алма-Аты, или о садах Ташкента. Они твердо убеждены, что их фонтаны самые лучшие, их горы и ущелья самые красивые и не имеют себе равных так же, как их сады и парки.

Впрочем, тут необходимо пояснение. Перелистывая страницы истории Нурека, можно, пожалуй, многое опустить. Но нельзя даже в самом коротком повествовании о городе не сказать о том, как одевался город в зеленое убранство, потому что упорство людей, сражавшихся с бесплодием выжженной земли, превращая ее в оазис, граничило с подвигом.

На основных сооружениях работа не прекращалась ни днем, ни ночью, в пиковые периоды люди спали возле своей техники, не возвращаясь домой, чтобы утром не терять времени на дорогу. Нуреку не хватало жилья, бань, детских учреждений, пунктов питания, да мало ли чего. Но три раза в месяц город выходил от мала до велика на воскресники и сажал сады, аллеи, парки. Нурекчане спешили превратить свой начинавшийся город в сад, влить зеленую жизнь в горячую землю, на которой отныне им предстояло работать и растить детей.

Со всех концов республики везли в Нурек саженцы, десятки тысяч молодых деревьев, кустарников — чинары, платаны, ивы, тополя, дуоки. Все лучшее отдавал городу ботанический сад в Душанбе. Жители Нурека вдруг все поголовно стали садовниками, спорили, даст ли плоды чудом оказавшаяся в городе черноплодная рябина из Подмосквы, приживутся ли пять березок, привезенных секретарем горкома партии Горбачевым из Харькова, или крымский бамбук, который он раздобыл в Ялте. Целыми делегациями ходили вечерами к Горбачеву любоваться невиданным в тех краях лавровым деревом. А Горбачев радостно потирал руки и щедро одаривал всех лавровым листом. И полгорода варило потом с ним борщи.

Но сам Павел Иванович скромно именвал себя лишь подручным главного зеленого архитектора города — Исы Ивановича Караманяна. Сухой, насквозь выжаренный солнцем, уже немолодой, этот человек был не просто цветоводом, он был художником, десятилетиями составлявшим зеленую палитру города. Это Караманян вывел знаменитую нурекскую розу, скрестив местные сорта с армянскими; это он ладонями перетер едва ли не всю землю города, отданную под цветники. Это он однажды простоял всю ночь под дождем и градом, укрывая своей курткой едва принявшийся, еще очень слабый, волшебной красоты куст азалии.

Как-то мы спустились на машине с перевала к Нуреку. За рулем «Волги» сидел ветеран стройки, знаменитый в республике бригадир, Герой Социалистического Труда Мухаббат Шарифов. Улыбаясь в черные усы, он рассказывал о прошлом кишлака, на месте которого вырос город. Мухаббат родился в Нуреке, окончив десятилетку, начал на строительстве свою рабочую биографию, прошел путь от разнорабочего до руководителя крупной комплексной бригады. Он поднимал плотину от нуля, заливал бетоном фундаменты первых многоэтажных домов в городе, вел монтаж блоков здания ГЭС. Без всякого преувеличения можно сказать, что именно такие, как Шарифов, творили историю Нурека своими руками.

— Что было здесь? — спрашивал себя вслух Мухаббат. — Летом долина превращалась в раскаленный котел. Старики говорили: «Зачем нужен ад на небе, если есть Нурек на земле?» Уже в июне солнце сжигало всю зелень. На землю невозможно было ступить босой ногой. Это сейчас тут хорошо, потому что море свое создали, совершенно

климат изменился. А стройка как началась? Оборудование на ишаках возили — дорог не было, а потом на себе несли в горы, предварительно разобрав на узлы. Кажется, не так уж и давно это было. А сейчас едем: чай можно в пути пить — и не расплескаешь. Да что сравнивать, земля стала другой, люди — другими. А город... Да разве есть еще такие города!

Судьбу Мухаббата разделили и шесть его братьев. Один за другим приходили они на стройку, растворялись в ее многолюдье, постепенно привыкая к рабочему коллективу, мочуемому своей монолитностью, жившему, казалось, одним дыханием. Стройка преображала не только долину. Тысячи и тысячи людей, съезжавшихся сюда из дальних кишлаков, учились новым коллективным формам труда, владению сложной техникой; земледельцы становились высококвалифицированными рабочими современной формации.

Шарифов остановил машину у родника, чтобы по традиции выпить прохладной чистой воды, пахнущей льдом и травами. Внизу, на дне горной чаши, белел город. Как бы между прочим спросил у Мухаббата Шарифова, где бы он предпочел жить, если бы не было Нурека. Он сузил глаза, вытер ладонью губы и тихо произнес:

— Значит, если бы не было?.. Ну тогда мы бы его построили. И, может быть, еще лучше.

Нуреку 20 лет. Возраст уже даже не отроческий. Возраст, в котором город должен выбрать свой путь, свое будущее. Есть ли оно у Нурека? Теперь об этом можно говорить более определенно. И самое главное, говорить нужно.

Но сначала о настоящем. Состоявшись как современный город очень не просто, Нурек тем не менее обрел свой социальный, архитектурный и демографический облик. Перешагнув границы, отведенные ему проектировщиками когда-то, он сложился не только как город энергетиков (что предполагалось ранее), но и как промышленный, экономический центр района, в котором развиваются новые, не связанные напрямую с энергетикой отрасли. И это закономерно. Если в пиковые периоды строительства ГЭС на основных сооружениях работало почти 10 тысяч человек (причем преимущественно мужчины), то сейчас стройка почти завершена. В свое время здраво рассудили: даже когда основной контингент строителей уедет на другие объекты, их место в городе должны занять представители других профессий. Но для этого нужно развивать местную промышленность, и в первую очередь производства, на которых можно использовать прежде всего женский труд. Ведь нецелесообразно же строить современный город, дающий кров десяткам тысяч жителей, обеспечивающий их всем необходимым, а потом оставлять его только придатком ГЭС, с эксплуатацией которой справляется всего около тысячи человек.

В 1975 году в соответствии с генеральным планом развития города в Нуреке было введено в строй первое крупное предприятие — швейная фабрика по пошиву детской одежды. Высокое, светлое здание, просторные цехи, новейшее оборудование, собственное общежитие на 200 мест. Производственные мощности фабрики были предначинаны для работы 1600 человек. Казалось, предусмотрено все. Но внезапно город столкнулся с новой для него проблемой. Уже седьмой год фабрика не в состоянии набрать необходимый штат. Число работающих швейников не превышает 800 человек, к тому же предприятие постоянно лихорадит огромная текущая работа, за год обновляется больше чем 50 процентов состава работниц. И это там, где, казалось бы, должен существовать избыток женских рук, где по традиции едва ли не все женщины — природные рукодельницы.

В чем же дело? Оказывается, главная причина одна — это диспропорция меж-

ду вводом в строй производственных объектов и объектов так называемого социокультбыта. У фабрики нет своих детских учреждений, а городские не в состоянии принять детей швейников, ибо сами задыхаются от тесноты.

Что же в итоге? Истрачены миллионы на строительство современного предприятия, в продукции которого остро нуждается республика. Но потому, что в смету вовремя не были заложены ясли и сады, стоимость которых по сравнению со стоимостью производственных цехов очень невелика, фабрика обречена на нерентабельность, простаивает дорогостоящее оборудование из года в год срысывается план. Не спасает дело и широкое привлечение на предприятие молодежи. Окончив десятилетку, девушки из города и ближайших кишлаков приходят на фабрику, учатся профессии, а через год-два выходят замуж, рожают детей и увольняются. По одной простой причине — не с кем оставить ребенка. И фабрика вновь набирает девушек.

При сложившейся ситуации урон наносится не только самому предприятию, и выражается он не только в количестве недоданной государству продукции. В этом случае нельзя не говорить и о потерях нравственного порядка для самих девушек, о просчетах демографического характера.

Таджикистан — одна из среднеазиатских республик, где население городов растет медленнее, чем это необходимо развивающейся в них промышленности. Сказывается традиционная привязанность людей к земле, к обжитым местам, к семейному единению. Но земля, обработку которой все больше берут на себя машины, уже не требует столько человеческих рук, сколько требовала прежде. Зато острая нужда в этих руках испытывают города. Эта нужда велика сегодня, завтра будет еще больше. Поэтому приближение сельской молодежи, в особенности женщин, к новым формам современного производства, к современному укладу жизни можно и нужно рассматривать как задачу государственную. И решать ее продуманно, видя в каждом рождающемся предприятии не только экономическую единицу, но и мощный очаг новой жизненной формации, генератор, вырабатывающий у людей современную психологию, современное мироощущение.

Что же происходит в Нуреке? Сотни женщин и девушек, которых удалось привлечь на фабрику, вынуждены возвращаться опять в село. И это происходит, когда они уже начали справляться с рабочей нормой, научились управлять машинами, освоились в коллективе, почувствовали себя его составной частью. Когда они уже увидели в себе творцов, восприняли новую психологию города, сами едва ли не стали ее носителями. Не слишком ли дорогая плата за проектировочные промахи, за нерезультативность руководителей швейной отрасли республики, которые, рассчитывая мощности новой фабрики, забыли о человеческих нуждах будущих повелителей этих мощностей?

Проблема устройства детей стоит в городе вообще чрезвычайно остро — Нуреку хронически не хватает яслей, садов, школ. В иных школах на партах сидят по трое, учатся в несколько смен. И все это на фоне, казалось бы, удовлетворительного, близкого к среднему числу мест в детских учреждениях. Парадокс, не правда ли? По норме, которая выводится из общего числа жителей города, с детскими садами и школами все обстоит благополучно, а на деле их не хватает. Но в том-то и суть, что нормы эти справедливы для давно сформировавшихся городов с населением, которое пропорционально распределено по возрастным категориям. А для молодых городов, где население все время растет за счет рождающихся детей и приезжающей молодежи, средние нормы, как показывает практика, не годятся. И уж тем более для Нурека, который бьет все рекорды рождаемости

в республике, а стало быть, и в стране, ведь Таджикистан занимает по рождаемости первое место.

Каждый год в городе появляется на свет почти тысяча юных нурекчан. Кроме родительских забот, они настоятельно требуют забот государственных. И если этих забот детям недостает, страдают не только и не столько они. Страдает производство, которое вынуждено оставлять матери, чтобы посвятить себя воспитанию детей, страдает город, лишенный части производительных сил, страдают родители, испытывающие затруднения разного рода, в том числе и материальные.

И все-таки проблемы, с которыми сталкивается город сегодня, вполне преодолимы, стоит только взглянуть на них трезво, по-хозяйски. Тем более, что ни раньше, ни сейчас развитию Нурека не мешали и не мешают, как это порой случается с молодыми городами, межведомственная разобщенность и, как следствие ее, несогласованность. У Нурека один главный застройщик — Министерство энергетики и электрификации СССР, оно принимает решение и выделяет фонды. Так что адрес ведомства, в которое можно обратиться в случае нужды, известен. Да к тому же Нурек еще далеко не исчерпал средств, отпущенных на его строительство по генеральному плану.

Этих средств (а их не так уж мало — около 10 миллионов) хватало бы и на строительство дополнительных детских садов и на ликвидацию других узких мест в городском хозяйстве. Но мало, оказывается, иметь средства, надо иметь фонды — стройматериалы, технику. Словом, не просто деньги на счету в Госбанке, а гвозди, железо, бетон, кирпич и прочее. Надо иметь, наконец, рабочую силу. А вот ее-то, как часто объясняют представителям Нурекского горисполкома в Министерстве энергетики и электрификации СССР, и нет. Ну не удивительно ли? Строили мощнейший гидроузел — фонды были; городские жилые кварталы — тоже находились; кинотеатры, бани, кафе — откуда-то брались. А на школы, детские сады и ясли фондов нет.

Но проблемы сегодняшнего Нурека — это проблемы не только материального, градостроительного порядка. Есть и иные, может быть, даже более сложные, которые не решить никакими капитальными вложениями. Речь идет о психологической перестройке города. И перестройка эта прежде всего должна затронуть организации, дающие импульс общественной жизни города, его молодежи.

Не раз в разговорах со старожилыми города мы касались темы свободного времени, духовной жизни горожан — и тогда, в период активного строительства, и сейчас, когда наступило затишье. И, странное дело, сравнение оказывалось не в пользу «сейчас». «Раньше мы жили интереснее, богаче духовно», — заключали старожилы. Интереснее почему? Ведь тогда не было почти ничего: ни Дворца культуры, ни спортгородка, ни парка, кино — и то под открытым небом. Уже не говоря о том, что не было нормального, благоустроенного жилья.

— Все правильно, — соглашались старожилы, — ничего этого не было. Зато были диспуты, споры о книгах, конкурсы песен, теннисные турниры, в которых участвовали едва ли не все жители города. А главное, нам не давали покоя наши комсомольские вожаки. Они буквально будоражили город — субботники, рейды бережливых, сатирические выпуски газет, «огоньки», вечера самодеятельной поэзии, да разве все перечислишь... А сейчас молодежь проводит свободное время вяло, неинтересно.

— Вы говорите, не было жилья, — задумчиво произносит секретарь парткома «Нурекгэсстрой» Анатолий Николаевич Гвоздев (пионер стройки, человек яркой рабочей судьбы). — Действительно, с жильем было не густо — палатки, бараки, порой в одной комнате жили

человек по семнадцать, причем семейных. Или вот вспоминаю: руководитель участка инженер Виталий Желнорчук несколько месяцев, например, ночевал в шкафу, на улице; ставил его набок, открывал одну дверцу и спал. Но зато он просыпался первым и будил остальных песней. Мы проводили конкурсы на лучшую палатку, сражались в волейбол, натянув вместо сетки веревку, в бараках на сон грядущий устраивали бригадные летучки. Или только, бывало, городок затихнет, врывается наш секретарь горкома комсомола Хамид Хамидов: «Ребята, пополнение прибыло, айда на митинг, а потом новичков крестить!». И шли и «крестили» их вахской водой. А какие были диспуты! «О твоём месте в жизни». «Каким быть Нуреку?» Комсомол города был вездесущ, без комсомола не решалось ничего, даже вопросы производства. А уж в организации соревнования бригад и экипажей комсомол был первым всегда. Да, к примеру, бригада проходчиков две нормы, возвращается после смены в город, а ее встречает с транспарантом другая бригада. «Поздравляем! Завтра ответим рекордом». И начинается состязание. Все это было делом рук комсомола.

Записываю рассказ Гвоздева и ловлю себя на том, что слишком уж часто попадаются в нем глаголы прошедшего времени: «был», «были», «было». В другом контексте они, возможно, и не так быстораживались, но там, где идет речь об участии комсомола в жизни города, все-таки хочется чаще употреблять глаголы в настоящем времени.

И вместе с тем нельзя сказать, что комсомольская организация Нурека на плохом счету в республике. Вся та работа, за которую отчитывается горком перед вышестоящими органами, ведется. Порядок со взносами, с документацией, своевременно проходят собрания, есть рост рядов, пусть и скромный.

Но вот как-то первый секретарь Нурекского горкома ВЛКСМ Александр Кульков заметил:

— Приходят иной раз ребята в горком и спрашивают: «Ну что будем делать, секретарь, чем займемся?» Я им в ответ: «Предлагайте, несите идеи, мы их обсудим на бюро». Но никто ничего не предлагает, да и приходят в горком все реже. А ведь раньше, бывало, кипела комсомольская жизнь, каждый день происходило что-то интересное...

Прав секретарь, раньше кипела. Да и не так уж давно комсомол Нурека перестал быть активной, организующей силой крупнейшего в стране строительства. Он объединял тысячи сердец в едином трудовом порыве, шел впереди. Так было в работе, так было во всем остальном. За героический труд, за подвижничество, за воспитание у молодежи гражданственности, интернационализма, коммунистической убежденности комсомольская организация города была награждена орденом Трудового Красного Знамени.

Но вот стройка стала затихать, место прежних комсомольских вожаков заняли другие. Где-то на этом этапе и начался спад активности. Тут бы и задуматься, почему это происходит, поднять тревогу, собрать актив, посоветоваться сообща, как жить дальше, ведь скоро стройка уйдет. Вместе с ней уйдут привычные формы работы комсомола, а взамен им надо найти что-то другое, направить энергию молодежи на решение иных задач. Но горком продолжал жить старым багажом. По инерции он еще организовывал молодежь на субботники, занимался соревнованием комсомольских бригад и экипажей, но все меньше молодежи выходило на субботники, все чаще горком запаздывал поздравить победителей им же организованного соревнования.

Тихо в горкоме комсомола. Зато шумно у фонтанов, где вечерами собирается молодежь и бесцельно убивает время. Шумно бывает и в парке, где та же молодежь начинает иногда от нечего делать не совсем мирно выяснять между собой отношения. А может быть,

ПОСЛЕДНИЙ КУБОМЕТР СУТЛИНКА
В ТЕЛО ПЛОТИНЫ.

ОН ЕЩЕ ПОМНИТ СТАРЫЙ НУРЕК,
ЕГО БЕСПЛОДНУЮ ГОРЯЧУЮ ЗЕМЛЮ.

НА БЕРЕГ ВАХШСКОГО МОРЯ
ПРИЕЗЖАЮТ И ЧТОБЫ ПРОСТО
ОТДОХНУТЬ.

ТРАДИЦИОННЫЙ КОНКУРС
ЮНЫХ ХУДОЖНИКОВ.
ИХ ПОЛОТНО —
ВСЯ ЦЕНТРАЛЬНАЯ ПЛОЩАДЬ.

потому и шумно там, что тихо в горкоме, что скучновато там стало с идеями, что не идут с ними к Кулькову?

А что, если пойти к тем самым ребятам самим работникам горкома? Пойти с идеей, да не с одной. Пойти, несмотря на то, что, по выражению самого Александра, «заела текучка и проблематично вырваться на объект, в первичную организацию». Но вырваться надо, пока еще не очень поздно. И я убежден — идеи появятся. И есть реальные возможности их осуществить, нужно только горкому проявить максимум настойчивости.

Давно уже открыто в городе кафе, по вечерам, кстати, пустующее. Почему бы не превратить его в арену «огоньков» и диспутов, место встречи с интересными людьми, да мало ли что можно придумать, главное, чтобы была крыша над головой и желание. А горком уже который год не может договориться с гортор-

гом о передаче кафе хотя бы в вечерние часы под опеку комсомолу для проведения молодежных мероприятий.

Как говорится, созрела идея открытия своей дискотеки с цветомузыкой. Попробовали, благо городской Дворец культуры не отказывает в помещении. Но дискотека под эгидой ГК ВЛКСМ просуществовала очень недолго и только потому, что комсомол не смог поддержать должный порядок во время ее работы. Примеров подобного рода можно привести немало. Взять тот же парк, который давно пора привести в порядок, строительство современного спортцентра, зоны отдыха. Не следовало бы направить энергию молодежи на решение этих задач? Может быть, тогда рассеются праздные компании, ежевечерне собирающиеся у городских фонтанов. И горкому комсомолу не придется ломать голову над тем, как создать боеспособный комсомольский оператив-

ный отряд, чтобы поддержать в городе должный порядок. А самое главное — вырастет авторитет горкома как идейного авангарда городской молодежи во всех добрых начинаниях.

...У Нурека была беспокойная, трудная юность, когда город стоял перед лицом куда более сложных проблем, чем нынешние. Так или иначе, они решались, не могли не решаться. Даже те просчеты, которые были допущены при строительстве города, научили многому, главное — комплексному подходу при строительстве производственных и жилых объектов, умению смотреть вперед, в будущее, программировать это будущее с первых шагов. Нурек стал испытательным полигоном, школой рабочей зрелости кадров гидростроителей республики. Не случайно бывшие нурекчане возводят сейчас еще более мощный гидроузел в Рогуне, строят Байпазинскую ГЭС, не случайно бывшему руково-

дителю стройки Ю. К. Севенарду поручено возглавить строительство защитных сооружений, которые должны оградить Ленинград от ежегодных наводнений, — работа огромных масштабов и огромной ответственности.

И все-таки что же ждет город в будущем, ведь биография его только начинается, каким будет его производственный потенциал, какие задачи предстоит решить градостроителям? Я попросил ответить на эти вопросы председателя горисполкома Яхья Мирфозилова Мирфозилова.

— Теперь мы, пожалуй, можем говорить об этом более определенно. Времена колебаний миновали. Принято решение построить в Нуреке довольно крупные промышленные предприятия, организовать ремонтные базы для техники, участвующей в строительстве Вахшского каскада. Естественно, это потребует возведения новых жилых районов.

ПРОСЫПАЮЩИЙСЯ ГОРОД.

Это тем более важно, что Нурек не первый город, сталкивающийся с проблемами подобного порядка, возникающими после завершения масштабного строительства. Достигнут главный рубеж, к которому шли долго и трудно. Что дальше? Задачи, которые продолжает ставить жизнь, кажутся молодежи малозначительными по сравнению с той, что уже решена. Если раньше любое мероприятие, организованное комсомолом, в итоге работало на главную цель, то где эта цель сейчас? Нет слов, трудный период.

Да, в бою бывает легче, чем во время тактической передышки. В бою все ясно: вот мы — вот высота, которую надо взять. И ее берут. А чем заняться во время затишья? Готовиться к новому бою, учиться побеждать в малом. Ведь без побед в боях местного значения нет побед крупных, стратегических. Конечно, возведение гигантской плотины и та же реконструкция жилых кварталов — вещи далеко не равнозначные для молодых людей. И возбудить в них сейчас энтузиазм теми же средствами, что и прежде, — занятие практически бесполезное. Комсомольским органам нужна вся их изобретательность, твердость, дисциплинированность, чтобы направить порыв молодежи на решение задач будничных. Впрочем, разве идея превратить свой город в город будущего, город без всяких изъянов, так ли уж незначительна?! И здесь первое слово за молодежью.

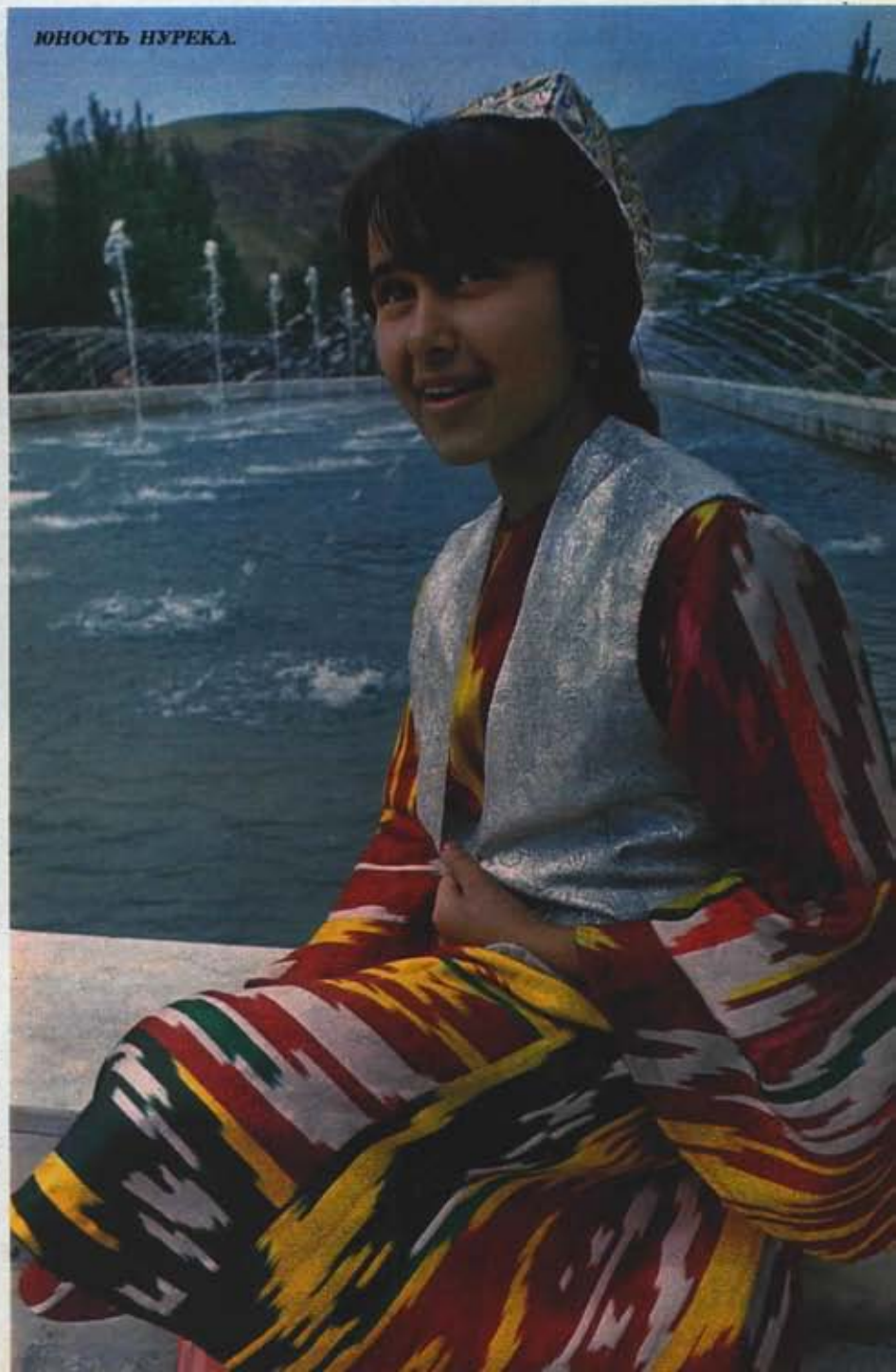
Как-то мы заговорили об этом с первым секретарем Нурекского горкома партии Анатолием Николаевичем Малиновым.

— Комсомол Нурека — огромная сила, и мы далеки от мысли считать ее даже частично демобилизованной, несмотря на завершение основных объектов строительства. Впереди новый этап в жизни города, этап хозяйственного, культурного становления. Без комсомольского энтузиазма тут не обойтись...

...Три бульдозера, накренив стальные щиты, разом двинулись на трехгорбый валик только что ссыпанного с «БелАЗов» грунта. Они подмяли его под себя, разровняли, съехали в сторону. Потом по суглинку, еще свежему, не обожженному солнцем, прошлись тяжелые катки, впредссывая грунт в тело плотины, навечно соединяя этот последний кубометр с миллионами других, уже слитых в монолит рукотворной гигантской насыпи. За катками шли люди, которым хотелось ступить на последние метры суглинка, как бы испробовать его на прочность, почувствовать теплоту последних горстей земли, которые венчали почти двадцатилетнюю их работу. Последним на площадку вышел музыкант. Он высоко поднял карнай, и над плотинной и голубым Вахшем, над уходящими вдаль линиями ЛЭП взвилась песня. Это была песня о трудном счастье строителей, о преображенной их руками земле, о белом городе, объятom солнечным светом.

Пройдет время, и люди сложат новые песни. И вновь запоет карнай над голубыми водами Вахша. Будут ли эти песни только повторением старых или поведают нам о прекрасном будущем города — зависит от самих людей.

ЮНОСТЬ НУРЕКА.

Получит развитие и наше форелевое хозяйство, мы уже сейчас можем обещать город рыбой в изобилии. Не дадим угаснуть и садоводческим талантам нурекчан: на левом берегу Вахша их руками будут разбиты гранатовые рощи, оранжереи, плодовые сады, бахчи, виноградники. Ведь у нас на редкость щедрое солнце, а землю мы научим быть щедрой. Есть и проект превращения пока пустующих пляжей на наших искусственных озерах в зоны отдыха республиканского, может быть, даже союзного значения. Вводится в строй новая центральная телефонная станция, практически завершено строительство городской библиотеки, рассчитанной на 120 тысяч томов, золотой фонд которой составят книги с автографами авторов. Как бесценный дар будет храниться в ней Нурек книги Леонида Ильича Брежнева с его дарственной надписью. В перспективе строительство Дворца

пионеров, Музея истории сооружения ГЭС, проект которого создан местными архитекторами. Все возможное будет сделано нами для реконструкции капитальных жилых домов, они украсятся национальным орнаментом, станут более современными. Постепенно избавится Нурек от временного жилья. Так что впереди работы немало, но мы, нурекчане, народ закаленный, своего добьемся.

Таким будет Нурек завтра. Теперь уже ни у кого не возникает сомнений в том, нужен ли был город на Вахше. Нужен! Город доказал это сам, своим настоящим, своей устремленностью в день завтрашний. Но вот вопрос, обретет ли и как скоро свое былое подвижничество комсомол города, чтобы активно влиять на переустройство Нурека и впредь обогащать жизнь города творчеством, энергией, идеями?

После
выступлений
«Смены»

ОБЩЕЖИТИЕ

«Ваше отношение к «Правилам проживания в общежитии»? Что бы Вы вычеркнули из них? Что предложили внести?» — таков один из вопросов анкеты, опубликованной в «Смене» № 23 1980 года.

«Нужны более строгие правила». Жилец общежития № 7, Краснодар.

«Мне все равно, какие они! Это должен быть дом, в котором я живу, какие тут правила?!» И. Гецевич, Тюмень.

«К правилам в общежитии относимся положительно. Желательно, чтобы можно было свободно ходить к девушкам». Учащиеся техникума, пос. Адамовка Оренбургской области.

«Ничего не надо вычеркивать, выполнять только надо добросовестно». Жилец общежития, Уфа.

«Придерживаемся». Пилоты, Нижнеудинск.

«Отношение мое обычное — нужна тишина, не более». Е. Михайлов, СГПТУ-39, Нукус.

«Отменить все правила и регламенты в жизни общежитий! Ликвидировать должности воспитателей и комендантов». Е. Ситников, прораб, Зеленоград.

«Предлагаем пускать в общежитие только по документу с фотографией». 212-я группа Ирибитского совхоза-техникума Свердловской области.

«По-моему, нужно ввести жестокий контроль. Чтобы комендант и воспитатель устраивали ежедневно проверку вместе с дружинниками». В. Шмурьева, инструментальщица, Саяногорск.

«Правила нам не показывали. Я их не видел». Н. Чумаков, слесарь, Яранск Кировской области.

«Многое в правилах нужно вычеркнуть. Многое переменить. Нужно переработать многие вопросы». С. Лисица, электрообмотчица, Тирасполь.

Всего несколько примечательных и характерных ответов на один из вопросов анкеты, которой заканчивался блок материалов под общим заголовком «ОБЩЕЖИТИЕ: гости или хозяева?». Ответы на другие вопросы в общем-то менее разноречивы. И тем не менее практически каждый раз создается впечатление, что, высказываясь, наши читатели, жи-

вущие в общежитиях, спорят. С журналом, с соседями, с воспитателем или комендантом, а то и просто с каким-то незнакомым, но заведомо некомпетентным и непримиримым оппонентом. Зато уж и сами они решительно неуступчивы и непокладисты. Хотя иной раз подетски запальчивы, ершисты.

Ничего неожиданного тут нет. Объяснение этому здесь же — в письмах.

«Рабочее общежитие... Трудно непосвященному человеку понять, что это такое: семья или чужие люди, временное пристанище или родной дом, тихая заводь или бурная река? Множество вопросов возникает при входе в рабочее общежитие, и невольно думается: кто же управляет этой густонаселенной машиной в несколько этажей? Кто сдерживает три сотни вместе живущих людей, таких разных и внешне и внутренне? Ведь и живут-то они не в аквариумах, где все насквозь просматривается, а в комнатах при закрытых дверях (с замками), и работают эти люди в три рабочих смены, и, самое главное, все они совершенно взрослые... Они пришли в общежитие с грузом определенных привычек, со своими прочно устоявшимися понятиями о нормах поведения, со своими твердыми представлениями о жизни. И характеры этих людей давно сложились...» (Е. Лисицкая, Харьцызск Донецкой обл.).

«Болевых точек» действительно более чем достаточно, а возможностей избежать соприкосновения ими при совместной жизни практически нет. Отсюда и неуступчивый тон писем. К тому же среди откликнувшихся на анкету — и это закономерно — большинство те, кто по тем или иным причинам не считает, что его жизнь в общежитии складывается благополучно.

«Мне просто неловко перед друзьями, что живу в общежитии. Я бы их ликвидировала (кроме тех, где живут учащиеся, студенты). По-моему, общежитие — это что-то из далекого прошлого, у которого не должно быть будущего». (В. Николаева). Еще более решительно настроен против общежитий токарь А. Шастин из Ленинграда, он уже не допускает для них никаких исключений.

А рядом письмо А. Вострякова (Химки Московской обл.): «Общежитий должно быть больше, потому что в общежитиях не хватает мест тому, кто хочет жить в общежитии». И следом несколько красноречивых фактов на тему, во что обходятся частные квартиры или просто койка на ночь в них.

Большинство читателей подходит к вопросу об общежитиях разумно, трезво: думают не над тем, быть им или не быть, а какими они должны быть, чтобы, будучи временным жильем, все же служить человеку на это время домом?

Да, такая постановка вопроса, очевидно, разумнее, и все-таки хочется обратиться к читателям, в чьих письмах все жизненные неудачи, трудности как-то уж слишком прямо связываются с необходимостью жить в общежитии. Когда думают лишь об одном: жил бы в своей квартире — все было бы иначе, лучше, умнее, добрее. Такое можно и нужно по-человечески понять. Но ведь стоит иной раз вспомнить и о том, что и в отдельных квартирах случаются жизненные драмы. И там ссорятся, ругаются, пьют, не разговаривают друг с другом, скучают у телевизора, не находя себе места после работы. Так, наверное, не всегда и не во всем виновато общежитие? И попробовать построить свою жизнь на иных, более добрых и светлых началах, можно, не дожидаясь переезда в отдельную квартиру?.. И не случайно не подписавший своего письма студент Ростовского института народного хозяйства, рисуя весьма неприглядные нравы, сложившиеся в общежитии этого института, в конце признается: «Не скажу, что ничего такого не было, когда я жил дома...»

Теперь о том, в каком общежитии хотели бы жить наши читатели. И сначала о комфорте, уюте, тепле. О том, без чего просто нет человеческого жилья. Не говоря уже о доме.

«Хочу сказать о первоочередном: прежде чем думать о каком-либо воздействии на моральную и культурную атмосферу общежития, необходимо привести в порядок хозяйственную часть». И. Охотюк, Павлодар.

«Живем мы хорошо, дружно, но и плохо: нет горячей воды и неважно топят, так как поставляют плохой уголь и в малом количестве». Учащиеся техникума, 22 человека, Свердловская обл.

«Мы бы очень хотели иметь горячую воду на этаже, другую мебель. Хотели бы, чтобы душ работал весь день». Студентки Рижского института инженеров гражданской авиации.

«Самый лучший вид общежития на любой характер и возраст — гостиница с двухместными номерами, холл с телевизором, нормальные бытовые условия, буфет, где можно перехватить горячего, душ обязательно». Г. Титов, Ленинград.

«Чем больше комфорта и уюта, тем меньше поломок, очередей к плите и раковине на кухне по утрам, к телевизору по вечерам и т. д. Это как в хорошем поезде, где образцовый порядок. Пассажирам там и в голову не приходит вести себя незтично. Культура повышается не только от образования, но и от среды». А. Востряков, Химки.

К сожалению, простая эта логика словно и недоступна руководителям предприятий, которым принадлежит общежития. Отсутствие элементарных бытовых удобств, ремонты, которых ждут годами и которые потом чуть ли не на годы затягиваются, не приспособленность для общежитий дряхлая мебель, нерегулярная смена постельного белья — все это нервирует, утомляет людей. Временами приводит к эмоциональным выплескам, накаляющим атмосферу в общежитиях. И, конечно, несерьезно выглядят рядом отговорки «Руки не доходят», «Выпустили из виду» и т. п. От серьезного дела отделяются прибаутками, пожиманиями плечами, а потом снова приходится пожимать плечами: «Кто знает, как навести там порядок?»

«Индивидуализация быта, устройство жилой зоны по своему вкусу, несомненно, способствуют возникновению чувства бытовой устроенности, бытового комфорта» («Смена» № 23, 1980 г.).

Это наблюдение в принципе разделяют все наши авторы. Не испытывают желания «индивидуализировать» свое жилье лишь несколько человек. Назовем причины: «Нет смысла. Все это временно», «Заканчиваю институт, так что переделывать уже ничего не хочу».

У всех остальных более или менее сильное желание сделать что-то по своему вкусу, но... «Останавливает комендант». «Останавливает то, что за это выселяют». «Не разрешает воспитатель». «Хотелось бы украсить комнату хотя бы любимыми картинами. Да воспитатель все срывает». Ясно чувствуется обида, разочарование, еще один пункт в счете администрации, действующей «по одному только принципу — запрещается». Еще один горький вывод: «Все здесь для удобства администрации, а не для удобства жильцов» (Борис Т., Тольятти).

Между тем проблема не так проста. И не всегда вбивать гвозди в стены запрещают только потому, что комендант или воспитатель считают, что у жильцов не хватит вкуса повесить на стену картину достаточных художественных достоинств.

«Да, возникает порой желание в своей комнате повесить коврик, хорошую картину, но это, к сожалению, не разрешается,— пишет студент Минского финансово-экономического техникума О. Бранковский.— Но ведь если каждый начнет вбивать гвозди в стены и разными способами крепить ковры и картины, то очень скоро комната превратится, образно говоря, в какой-то блиндаж, изрешеченный пулями.

Я предлагаю и прошу архитекторов не только от своего имени, но и от имени большинства проживающих как-то пересмотреть планировку комнат общежитий, если надо, дооборудовать комнаты специальными крепежными материалами, чтобы можно было что-то повесить. Надо, мне кажется, в этом направлении серьезно подумать. Все-таки уют в комнате создают не только стол и кровать, но и что-то другое...»

Сказано конструктивно. Только, на наш взгляд, так ли уж необходимо привлекать к решению этой задачи архитекторов? Неужели в многосотенных

Этого никто не предложил. Не захотели? Или просто не задумывались?

Даже в большом и умном письме В. Карповой из Днепрпетровска на эту тему сказано:

«Я жила в рабочем общежитии в Ташкенте. Общежитие было смешанное. Воспитатель там был, вернее, числился. Совета не было. Вахтеры следили лишь за тем, чтобы не выносили мебель. Конечно, система «открытых дверей» имела свои минусы: иногда было чересчур шумно на мужских этажах. Но помню, приходила я с работы как домой, могла пригласить гостей на кофе.

Считаю необходимым узаконить разумную пропускную систему, а ее соблюдение сделать обязательным как для жильцов, так и для администрации».

Думается, ответа на свои вопросы «Как пропускать ребят в женское общежитие? По каким документам?» работница тамбовского общежития № 2 В. Краснослова в этом письме так бы и не нашла. В других письмах тоже. То есть не узнают о том, какой должна быть разумная система, и читатели «Смены». Не узнают и те, от кого могло зависеть введение такой системы в общежитиях, откуда пришли письма. И она не будет там введена. Потому что нельзя ввести того, чего еще не существует. Догадаться, кто в результате этого окажется в самом большом проигрыше, нетрудно: те, кто живет в общежитиях.

«Культурно-массовые мероприятия? Это же общежитие, а не балаган. Здесь нужно жить и работать, а все остальное — лишнее». В. Син-Ли, Бийск.

Скажем сразу, с таким взглядом на жизнь в общежитии строгий товарищ из Бийска оказался в решительном и абсолютном одиночестве. Остальные читатели с ним не просто не согласны, не согласны категорически. «Больше интересных вечеров отдыха!», «Больше диспутов на актуальные темы!», «Больше дискотек! Встреч с интересными людьми!», «Ну почему же так скучно бывает в общежитиях?!», «Почему так много обязательных, но скучных, без выдумки подготовленных мероприятий, на которые собирают по приказу?»

Все эти вопросы живо волнуют и тех товарищей, которые сначала безапелляционно заявили, что они во всех случаях предпочитают проводить свободное время за пределами общежития. А потом в их письмах ясно чувствуется: не во всех случаях, а тогда, когда ничем интересным занять себя в общежитии нельзя.

Жаль только, опять за этим позиция, которую трудно назвать иначе, чем иждивенческой: сделайте нам интересно — мы придем и с удовольствием повеселимся. Славно отдохнуть готов каждый. Славно потрудиться для этого желающих много меньше. Как же так, товарищи? Ведь верно пишут ребята с КамАЗа: «Нужно искать новое, уходить от стереотипности».

Права молодой мастер профтехучилища из Вязьмы А. Хомякова: «У нас не пользуются популярностью лекции и вечера поэзии из-за слабого интереса к ним, а также из-за несерьезного отношения к подготовке подобных мероприятий». Но кто же мешает отнестись серьезно? А может, правильнее спросить — что? И подумать о своей позиции в этом вопросе?

«Смыться» от опостылевшей скуки общежития в кино или на танцы, в пивную или просто шататься по улицам достаточно просто. Ну, а если задуматься: что человек при этом находит, а что теряет? Что находит — пусть каждый ответит себе честно сам. А вот что теряет...

«Высказавшись с позиции человека уставшего, мечтающего о праве на уединение, на невмешательство в личную жизнь», В. Карпова затем пишет:

«Иногда же в порыве оптимизма я думаю, что в специфике общежития есть и положительное — это широкие возможности контактов с людьми, контактов непринужденных, полезных. И возможности эти есть в любом общежитии. Значение свободного общения у нас недооценивается, а стоит за ним, по моему, очень многое: отсутствие ханжества, сознание ограниченности собственных знаний, потребность в их пополнении, необходимость думать и высказываться, возможность самоуверждения. Но такими признаками, по моему, характерно лишь общение, основанное на взаимном интересе друг к другу. И мне кажется, именно интерес к людям — это путь, уводящий от бездуховности. А откуда берется интерес к людям? Можно ли воспитать его в человеке? Для меня это очень сложный вопрос. Как растопить лед предубеждения, недоверия многих ко многим? Как убедить, что радость творчества не выдумка, а наслаждение словом, строкой не кривлянье?»

Трудные вопросы. Но искать ответы на них необходимо. А найти, видимо, можно, лишь идя навстречу людям, не пряча от них своих радостей и сомнений, в общении, основанном на взаимном интересе. Не собираемся подводить к тому, что оно возможно лишь в стенах общежития. Мысль не о том. А о том, что общежитие, где собираются люди, занятые одним делом, то есть имеющие прочную основу для общения, такую возможность дает. И как обидно, когда она не замечается, не используется. Безвозвратно и бесцельно теряется.

А как это много и здорово для жизни, когда взаимообогащающее человеческое общение становится повседневной реальностью. Очевидно, потому и наполнено спокойной уверенностью в настоящем и будущем своего сына (живущего в одном из общежитий Смоленска) письмо А. И. Мошнякова, что, побывав в общежитии, он убедился: рядом с сыном хорошие, интересные парни, которые и поддержат всегда и помогут, не дадут замкнуться в себе, научат жить навстречу людям.

Читательская почта еще раз убеждает в справедливости старой истины: «Заниматься какой-то воспитательной работой среди людей — тем более людей взрослых! — попытаться повлиять на них, попробовать заставить задуматься о жизни и пересмотреть неправильные взгляды на окружающий мир можно лишь при соблюдении принципа уважения их личностей». Иначе такая воспитательная работа становится не просто бесполезной и безрезультатной, но и вредной. И это закономерно.

«Потому что именно формирование личности, человека с развитым чувством собственного достоинства, с высокими нравственными качествами — и есть, собственно, конечная цель воспитания» (В. Хализев, Альметьевск).

Но эта же почта подтверждает и другое: во многих общежитиях так и не решена проблема человека, который

должен заниматься воспитанием — и занимается! — воспитателя. Среди воспитателей по-прежнему много случайных людей, не имеющих не то что педагогических знаний, но и склонностей к педагогике. Не пустить, запретить, проконтролировать, а то и подслушать или даже обыскать — вот их методы. Совет общежития? Подчинить полностью, подмять под себя. Полная тишина, полный порядок, послушные глаза — их идеал. А что за этим? «Девушка, притворно потупив взор, выслушает нотацию воспитательницы (так хочется поставить это слово в кавычки!), вслед ей скажет недоброе слово» (К. Валентинова, Днепрпетровск).

Как оценить такую воспитательную работу? Между прочим, речь идет об образцовом общежитии. Выходит, работу уже оценили и оценили щедро. Только радости живущим здесь эта щедрость не принесла. Потому что оценивалось состояние комнат и помещений общего пользования — и только. Состояние людей оказалось фактором, который можно не учитывать.

До сих пор вся работа в общежитиях, в том числе и культурно-воспитательная, зачастую сосредоточена в руках только работников жилищных контор и управлений, хозяйственных отделов предприятий. Другие в стороне. У этих работников, понятно, свои критерии. Видимо, такой порядок нужно менять. Во всяком случае, направлять культурно-воспитательную работу, оценивать и помогать вести ее должны более компетентные организации.

И главная роль тут должна принадлежать комсомолу. Райкомам, комитетам предприятий. А пока лишь в нескольких письмах мы нашли сообщения о том, что комитет комсомола играет в жизни общежития заметную, руководящую роль. Чаще встречались другие: «Этой роли не чувствуем», «Не замечаем», «Очень слабую». А наша читательница И. Охотюк выразилась так: «Комитет в общежитии играет роль сочувствующего». Думается, роль малопочтенная. Выбрать место в стороне от событий и вздыхать, когда они идут не так хорошо, как хотелось бы, — не в традициях комсомола. «Вдвойне обидно, когда такое происходит на Всесоюзной ударной комсомольской стройке», — пишет из Нерюнгри В. Лопаткин.

Чем прежде всего следовало бы заняться комитетам комсомола, подсказывают опять же наши читатели: создавать в общежитиях крепкие, инициативные советы, поддерживать их в случаях конфликтов с администрацией (если они, разумеется, правы), работать с ними в постоянном контакте. Через них идти к людям, чтобы знать всегда их настроения и нужды.

Чтобы общежития были тем, чем их хотят видеть люди. И теплым, уютным жильем с разумными, расширяемыми на всех правилами совместной жизни. Одновременно местом, где можно хорошо, интересно и с толком отдохнуть после работы. И своеобразным центром общения разных, но и во многом близких людей. Общения, которое обогащает, формирует взгляды, учит нравственному отношению к жизни. Общения, без которого скучна и скучна жизнь.

Несколько особо тревожных писем редакция направила в соответствующие органы. Вместе с нашими читателями будем ждать на них ответа. Таким образом, наш разговор об общежитии на этом обзоре анкет и писем не заканчивается.

ОТДЕЛ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ

ВИВАЦЦА-МЛАДШИЙ

Цирюльник ловко взбил белоснежную мыльную пену.
— Сеньор маэстро,— сказал он весело, с театральным жестом,— прошу!
Пока Россини усаживался перед маленьким зеркальцем, сеньор цирюльник правил бритву на широком ремне.
— Сеньор, как ваше имя?— спросил Россини.
— Франческо Пироли, маэстро.— У цирюльника хитровато поблескивали глаза-маслины, занятно прыгали густые усы на подвижном коричнево-матовом лице. Он был значительно старше заезжего композитора, которому исполнилось двадцать три года или что-то около того.
— Прекрасные бакенбарды,— сказал Пироли,— и мы их сохраним.— И он подмигнул, как истый римский цирюльник.

— Благодарю вас.
Вскоре легчайшая пена покрыла щеки композитора чуть ли не до самых бровей. Брадобрей склонился, приняв изящную позу, и приступил к делу с величайшим мастерством. Одновременно начал свой монолог:

— Сеньор герцог прекрасно знает свое дело. У него особый нюх на таланты. Уж поверьте мне! Театр «Торре Д'Арджентина» давно бы прогорел без него. И еще скажу, сеньор маэстро: ваша опера «Торвальдо и Дорлиска» непременно понравится римской публике. Уж поверьте мне! Да, да! Это самое: «тра-тра-тра-ля-ля-ля!» В первом акте. Просто бесподобно! А еще скажу...— Брадобрей понизил голос:— Мы знаем, что вашего отца в Пезаро прозвали Вивацца. И это хорошо! Человек должен быть весельчаком, живчиком. Замечательное прозвище, сеньор маэстро!— и уже почти заговорщически:— А в театре вас уже прозвали Вивацца-младший. Да, да! Они все знают о вас! Уж поверьте мне!
Обычно цирюльники обо всем хорошо осведомлены. И Россини приписал и эту осведомленность профессии Пироли. Но, кажется, на сей раз немножечко ошибся. Это вскоре выяснилось...

Закончив свое дело и щедро надушив маэстро, цирюльник отошел на два шага назад и, любуясь своей работой, произнес:

— Великолечно, сеньор маэстро!
Потом уложил цирюльнические приборы в кожаную коробку.
— Сеньор Пироли,— сказал Россини, доставая из кошелька монету,— вы мне нравитесь. И мне в голову пришла счастливая мысль: если импресарио предложит мне написать оперу,— а дело идет именно к этому,— я напишу оперу-буффа...

— Потрясающе, маэстро! Именно опера-буффа. Уж поверьте мне!
— Это не все.— Россини посмотрел на себя в зеркало, причесал волосы.— Но это будет опера-буффа на пьесу сеньора Бомарше «Севильский цирюльник».
— Как?— Брадобрей аж подпрыгнул от удивления.
— Да, сеньор Пироли, только Бомарше.

Вдруг Россини задумался, глядя на изумленного Пироли: уж очень много знает этот цирюльник. Знает наверняка, что «Севильского цирюльника» уже написал Паизиелло, написал прекрасно. Этот цирюльник понимает, сколь дерзко писать снова «Севильского цирюльника». Да еще кому? Молодому композитору! Или этот Россини собирается затмить славу великого Паизиелло? Но главное, пожалуй, не в этом: разрешит ли импресарио сеньор герцог Чезарини выбирать либретто. Несомненно, Чезарини уже заготовил либретто... Да и труппу подобрал соответственно...

— Сеньор маэстро,— сказал Пироли,— слышать все это просто удивительно. Но вам виднее. До встречи!
Россини насторожился:
— Как— до встречи?
— До вечера.
Россини не понял брадобрея. Тот улыбнулся и многозначительно сообщил:
— Я же первый трубоч в театре «Торре Д'Арджентина», сеньор Россини.
— Вот оно как!..

Брадобрей как в воду глядел: сеньор герцог Сфорца-Чезарини предложил написать именно оперу-буффа. Импресарио был очень мил с молодым маэстро. Он вполне уверен в успехе оперы «Торвальдо и Дорлиска». При всех обстоятельствах прекрасная музыка вывезет. Гарантией этому предыдущие оперы Россини, например, фарс «Вексель на брак», «Странный случай», веселая мелодрама «Итальянка в Алжире»... Не довольно ли? У сеньора импресарио удивительный нюх на таланты прямо-таки собачий...

— Сеньор Россини,— сказал импресарио,— считайте, что с «Торвальдо и Дорлиска» все покончено. В ее успехе я уверен. Готов держать пари. Поэтому давайте думать о будущем. У меня к вам предложение: напишите для нас оперу-буффа.

Разговор происходил в просторном кабинете герцога Чезарини в театре «Торре Д'Арджентина», что значит «Серебряная башня».

Россини сел в кресло и, не думая, ответил:
— Ваше предложение принимается, сеньор Чезарини.
— Прекрасно. Мы понимаем друг друга с полуслова. Я полагаю так: веселая опера, задорная. Я уж и труппу подобрал. Во главе ее— превосходный тенор Мануэль Гарсиа. Испанец. Ему сорок лет. В соку. В расцвете сил.

Россини согласно кивнул. Разговор этот происходил 14 декабря 1815 года. Это важно отметить, ибо от сего числа, собственно говоря, и пойдет отсчет времени до того дня, когда на сцене «Торре Д'Арджентина» зазвучит музыка новой оперы.

— Сегодня на дворе...— говорит герцог,— декабрь... Если не ошибаюсь... Россини кивает.

— А число четырнадцатое...
Снова кивок.
Герцог глядит на композитора, будто собирается пронзить его гипнотическим излучением черных-пречерных глаз. Другой, пожалуй, и съехал бы под таким взглядом, но перед ним сидит не просто маэстро, но Вивацца-младший, истинный живчик, истинный весельчак, сын своего отца— городского трубоча из Пезаро. Живчик не спускает глаз с герцога, он не пасует, он плюет на вельможный гипноз с высокого дерева.

Герцог берет со стола перо и размашисто что-то пишет на чистом листе бумаги.
— Итак, сеньор Россини... Премьера «Торвальдо и Дорлиски»... Та-ак... 26 декабря. То есть через двенадцать дней.

— Верно, сеньор.
— Далее. Во время карнавала будущего года... То есть пятого февраля.— И— жирная линия через весь лист.

Вивацца-младший говорит в тон импресарио:
— Не трудитесь, сеньор герцог,— обычный кабальный срок для итальянских композиторов. Итого: один месяц и десять дней. Какие же мы несчастные!

— Несчастные?— Герцог сердито сдвинул брови.— Мне кажется, что сеньор Джоаккино Россини должен быть польщен...

— Несомненно!— Россини продолжил мысль импресарио:— ...польщен тем, что удостоивается чести быть приглашенным театром «Торре Д'Арджентина».

— Вот!— воскликнул герцог.— Попали в самую точку! Вы, молодой человек, вижу, очень смекалисты. Это поможет нашему разговору. Сроки, я полагаю, мы обговорили. Дальше: сеньор Россини обязуется внести все изменения, которые окажутся необходимыми для успеха оперы и для удобства певцов.

— Разумеется!
— А для этого требуется...— восклицательный знак на бумаге.— Требуется: вручить копиисту совершенно готовый первый акт оперы двадцатого января нового года.

— Чудесно!
— А первое представление назначается на 5 февраля.

— Браво!
— В противном случае,— жестко сказал импресарио, словно читая готовый договор,— маэстро Россини терпит убыток, ибо должно быть так, а не иначе.

— Брависсимо!
Герцог глянул на маэстро из-под нахмуренных бровей:

— Вы изволите шутить?
— Ни в коем случае!
— Значит, вы очень покладисты, сеньор Россини, вы мне нравитесь еще больше.

Россини улыбнулся:

Рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА

— Но мы не обо всем еще договорились. Что же остается?
Герцог что-то прикидывал в уме... Сроки есть... Оплата уже согласована. Еще вчера. Что же еще? Этот молодой человек полон сил, он может горы своротить, земной шар с места сдвинет — дай ему только точку опоры. Недаром его прозвали в театре живчиком. Настоящий живчик! Если надо, пройдет сквозь игольное ушко подобно библейскому верблюду... Живые глаза. Живой ум. Настоящая хватка опытного мастера — тертого-перетертого калача.

Россини сказал:
— Не было разговора о либретто.
— Это верно.
— Он, я полагаю, впереди?
— О нет, почему же? На этот счет имеется вполне устоявшаяся формула. Извольте, маэстро: либретто, новое или старое, которое ему будет предложено герцогом-импресарио. Чем плоха формула?
— Очаровательная формула, синьор герцог. Однако на этот счет у меня есть свое предложение, от которого не отступлюсь.

Это было сказано столь твердо, что импресарио на миг смутился. Молодой композитор показал зубы, нет — клыки.
— Я, синьор Россини, повторил формулу вполне рутинную, знакомую всем композиторам.

— Итальянским, синьор, итальянским!
Герцог поправил галстук, словно ему стало душно, встал из-за стола, отошел к высокому окну, за которым лил нудный дождь.

— Синьор герцог, я разрешил вам взять меня в железный обруч, как берет бондарь дубовую бочку. Вы слышали и видели, как я соглашался со всеми вашими условиями. Но вот сейчас я желаю, чтобы была нарушена традиция: то есть либретто предложу я сам.

— Вы это уже продумали?
— В некотором роде — да.
— С кем же, если не секрет? С вашим либреттистом синьором Стербини?
— Нет, не с ним.
— А с кем же?
— С одним брадобреем.
— С кем? С кем?
— Брадобреем, который был нынче у меня в гостинице. Прекрасный знаток оперы. Кстати, ваш первый трубач.
— И что же он?
— Поразился, как и вы.

Герцог отпер шкаф, подделанный под книжный, и достал бутылку вина и два венецианских бокала. Молча поставил один перед композитором, другой — перед собою. Откупорил бутылку, налил багрово-красного вина.

— Это крестьянское, маэстро. Вам понравится. Я не люблю, когда меня орошывают. Поэтому я хочу чуточку подкрепиться. Ваше здоровье!
Они выпили. Россини похвалил вино. Герцог снова налил.

— Теперь я слушаю вас. Какое же либретто вы предлагаете?
Было неприлично сидеть, когда старший стоит, и Россини поднялся.
— Значит, мы твердо улавливаемся в одном, — сказал он, — я буду писать оперу-буффа. Насколько возможно веселую, соответствующую современным представлениям об опере.

Он замолчал. Герцог ждал продолжения речи маэстро.
— Синьор герцог, я хочу, чтобы вы обратили внимание на мои слова.
— Какие?
— Соответствующую современным представлениям об опере. Вы с этим согласны?

— Еще бы!
— Но это не все. Соответствующую величественности этого римского театра, его размерам, в первую очередь.
— Как это понимать?
— Очень просто: требуется новый подход к опере, и в смысле фабулы и в смысле усиления хорового начала.
Герцог пригубил вино:
— Я слышу особенно четко слова «новый», «современный». Как это понимать в данном случае?

— Только в прямом смысле. Искусство не может жить только с оглядкой на традицию. Требуется новое, все время новое.

— Ладно. Допустим. А как с либретто? Оно имеется?
— Речь идет о пьесе синьора Бомарше.
— О какой?

— Той самой: «Севильский цирюльник, или Тщетная предосторожность».
Герцог не совсем понимает, о чем речь. Он спрашивает:

— Вы говорите об опере Паизиелло?
— Нет, о моей, которую хотел бы назвать так: «Альмавива, или Тщетная предосторожность». Ибо не хотел бы в какой-либо мере задевать чувства страстных поклонников Паизиелло, не хотел бы делать что-либо, смаживающее на противопоставление. Это было бы не к лицу нам. И в то же самое время, как уже говорил, хотелось бы учесть новые достижения оперного искусства, современные вкусы и величественные размеры театра. Я полагаю, что это вполне естественно.

Герцог думал. У него в шкафу лежало готовое либретто. Он не предполагал, что маэстро сделает свое предложение, притом столь дерзкое. Этот молодой человек, несмотря на все оговорки, — на хитроумные защитные оговорки, — решил потягаться с самим Паизиелло. В этом есть нечто привлекательное, как во всяком азартном предприятии...

— А если я попытаюсь отговорить вас? — сказал герцог.
— Я тут же откланяюсь!

Герцог усмехнулся:
— Этот пируэт соответствует характеру Виваццы?
— Вполне!

Герцог снова налил вина. Поднял бокал.
— Вы молоды, — сказал он. — Вы имеете все основания для дерзких поступков. Мне по моим годам полагалось бы сделать все, чтобы отговорить вас от опасного шага... Но... — герцог подвинулся в сторону маэстро, — но отговаривать не стану. Более того: я принимаю ваше предложение. — И он протянул бокал.

Они чокнулись.
— В случае провала, синьор Вивацца-младший, я сбегу куда-нибудь подальше.
— И я! — воскликнул Россини. — Но скажу вам: едва ли!
— Bravo, Вивацца-младший!

20 февраля 1816 года на подмостках римского театра «Торре Д'Арджентина» началось мировое шествие оперы-буффа «Севильский цирюльник». В письме к прекрасной певице Изабелле Анджеле Кольбран, своей будущей жене, Джоаккино Россини писал из Рима: «Мой «Цирюльник» с каждым днем пользуется все большим успехом... Серенада Альмавивы распеваеся здесь по ночам на всех улицах, большая ария Фигаро... стала коронным номером всех басов, а каватина Розины... — вечерней песней, с которой каждая красотка ложится спать...»

НАВСТРЕЧУ ОГНЮ

Глубая чаша Кумского (Неаполитанского) залива обращена к западу. Ее северный край выдвинут еще далее на запад, как бы притягиваемый к себе островом Исчия. На востоке, если стоять на виду острова, в Мизенуме, — Везувий, возвышающийся почти на семь стадий над морем. А прямо, на той стороне залива, город Геркуланум, а еще дальше — Помпеи и Стабии. Южный выступ залива отделен от острова Капреи неширокой полосой воды.

От Мизенума до Везувия почти семьдесят стадий. Отсюда хорошо видна конусообразная гора, окрашенная в серо-голубой цвет.

В августовский день семьдесят девятого года нашей эры Везувий был особенно красив. Его точно нарисовали прилежные художники на огромном ярко-синем холсте. Чистота воздуха была необыкновенной.

Командующий римской эскадрой, бросившей якоря в Мизенуме, тучный Гай Секунд Плиний принимал ванну. Способный грек по имени Архелай записывал мысли флотоводца и ученого. Но по воле богов этот сегодняшний диктант не вошел в его знаменитую «Естественную историю», в которой заключены чуть ли не два десятка тысяч выписок из ученых трудов почти пятисот авторов. Плиний Младший свидетельствует: «...у него был острый ум, невероятная усидчивость, редкая способность бодрствовать». И еще: «Он ничего не читал без выписок и любил говорить, что нет такой плохой книги, которая в чем-нибудь не оказалась бы полезной».

Итак, ученый не терял зря ни единой минуты. Он отдыхал только во время сна. И это тоже было временем отдыха писца Архелая. Все, что видел достопримечательного, все, что могло заинтересовать современников и потомков, все, что удивляло воображение, Плиний заносил в свою книгу.

И когда его племянник Гай Плиний Цецилий Секунд (в отличие от дяди — Плиний Младший) потревожил командующего эскадрой, Плиний Старший нахмурил брови. Ему было пятьдесят шесть, морщины покрывали лицо густой сеткой, однако энергией и выдержкой мог потягаться со своим племянником, которому всего семнадцать лет.

— Дядя, — сказал племянник, служивший младшим офицером в эскадре.
— Что тебе? — недовольно проворчал дядя.
— Мама говорит, что Везувий ведет себя странно...
— Гора, что ли?
— Она самая.
— Что значит «ведет себя странно»? — удивился Плиний Старший. — Она пустилась в пляс, что ли?

— Может статься, и так...
Плиний Старший приподнялся, удивленно взглянул на писца:
— Что это значит, Архелай?
— Может, то самое, что и семнадцать лет назад? — ответил писец.
— Ты хочешь сказать?.. Впрочем, что там стряслось?

Племянник сообщил, что его мать встревожена: из Везувия валит дым. Валит столбом. То белый, то бурый. И он доходит до неба. А наверху разветвляется наподобие раскидистого дерева.

Плиний Старший всполошился:
— Скорее полотенце! Дайте мне одежду! Это вулкан заговорил...

Вскоре он стоял на берегу. Перед ним расстилалась гладь залива. Вдали красовался Везувий, особенно привлекательный сегодня: из него действительно валит дым, поднимался высоко-высоко и там, под синим куполом, распускался пыльным белопестковым букетом. Земля колебалась не более обычного, и это здесь случалось довольно часто. Море было спокойно. Все дышало спокойствием, один лишь Везувий пофыркивал, словно горячий конь, и белый дым особенно украл летний пейзаж.

— Семнадцать лет назад, — сказал Плиний Старший, — он погорячился. Геркуланум был наполовину разрушен. Меня в то время не было здесь, я был в Галлии. Увидеть вулкан собственными глазами — большая редкость. Пиши, — обратился он к писцу. — Не ленись.

— И долго он будет так? — спросил племянник.
— Этого никто не знает. Пиши, Архелай: двадцать третьего августа в час пополудни я увидел дымящуюся гору... Казалось, от нее шел пар. Но это был дым, ибо время от времени он становился бурным, как если бы в очаг подбросили сырых поленьев. Легкое шипение доносится в Мизенум. Я отдал приказ снарядить шустрого либурику, чтобы направиться поближе к вулкану. Ибо виденного глазами ничто не заменит, особенно если разглядываешь с близкого расстояния.

— Как?! — воскликнул племянник. — Ты собираешься туда?
— А куда же еще? Только туда!
— Сейчас, дядя, наверняка все бегут оттуда, а ты торопишься туда?
— Выходит, так. Ты тоже поплывешь или останешься доканчивать сочинение?
— Если можно, я останусь с мамой.
— Оставайся.

В это время командующему подали записку. В ней излагалась просьба о помощи. Пришла она от тех, кто жил недалеко от Везувия, — из Стабий.

Плиний Старший немедленно отменил свое распоряжение о либурнике и приказал снарядить пять кораблей-квадрирем, чтобы вывезти из Стабии побольше людей. В нем заговорил уже воин — настоящий герой...

Корабли пересекали залив. Командующий стоял на носу головного корабля. Он подбодрял рулевого:

— Вперед! Только вперед! Ведь такое случается в жизни раз.

По левую руку от него находился Архелай. Ему, говоря откровенно, было страшновато: по морю начинали ходить волны — сначала маленькие, но с каждой минутой все большие. И вместе с волнами рождался некий гул, гул морской пучины, подобно дыму, возносящийся к самому небу.

— Беда, — прошептал Архелай, — может, повернуть назад?

— Это еще почему? Разве не интересно тебе взглянуть на это огнедышащее существо? Посмотреть ему в глаза и запомнить на всю жизнь. Только вперед! Эй, рулевой, право руля! Правь на Стабии!

Писец широко раскрыл глаза: то ли от любопытства, то ли от испуга. Плиний точно определил — от испуга. И, положив ему на плечо тяжелую руку, продолжал диктовать:

— По мере приближения к Стабиям дым над Везувием становился бурым, его снизу кто-то словно бы освещает ярким пламенем. Можно подумать, что дым валит из огромной печи, в которой нестерпимый огонь...

— Вот! — вскричал писец. — Я поймал его.

На его ладони лежал матово-черный пепел. Слово лепесток черной розы — нежный, легкий, слегка колеблемый воздухом.

— Да, пепел, — подтвердил Плиний. — А вот и еще...

Немного спустя квадриремы шли сквозь пепельный дождь. Они могли потерять друг друга из виду, ибо начинало смеркаться по вине этого самого пепельного ливня.

— Курс на Стабии! Маяк по левому борту!

Рулевой передал приказ на корабли, шедшие кильватерной колонной.

Плиний Старший с большим интересом рассматривал приближающийся берег сквозь пелену сплошного — или почти сплошного — пепла. Море заметно изменилось: по нему пошли хмурые волны. А над конусом Везувия загорелся настоящий огонь, как в хорошей греческой пекарне. Огромные языки пламени, казалось, силлись взметнуться до самого солнца. Но пока для этого, как видно, им не доставало силы. И гул тоже стал явственней — такой четкий, предупреждающий гул, исходящий из недр земли.

— Ты когда-нибудь слышал что-либо подобное, Архелай?

Писец отвечивал:

— Нет.

— Так запиши же! А на берегу видишь людей?

— Они куда-то бегут. Им, должно быть, страшно.

— Запомни и это! — И командующий продолжал диктовать: — Люди метались.

Их было плохо видно сквозь пепельную мглу, но все же видно. Лица их выражали ужас... Они почему-то смотрят вверх... Ах, да! Это падали небольшие осколки пемзы... Они горячие. Один из них у меня в руке. Он легок, красив на вид, едва ли может причинить вред — в худшем случае жди небольшой царапины... Мы подвигаемся вперед осторожно, солнце скрылось, оно все реже появляется из-за плотной завесы. Потом снова скрывается...

Командующий сжимает глаза на писца. Тот явно скис. Наверное, поджилки у него трясутся, и Плиний решает подбодрить его:

— Послушай, землетрясение — бедствие. Согласен? И я так думаю. В таком случае, это бедствие надо знать. Досконально. Надо изучить его. Описать его. Знать начало его и конец. Это опасно? Думаю, что да. Я боюсь, ты убоишься, Архелай... Кто же будет описывать? Кто же людям поможет? Кто расскажет обо всем правдиво? Вот я и полагаю: надо идти навстречу грозному огню, постоять рядом с ним и понять, кто он и что он. И только так! Ну, посмотри на меня: не бойся! Видишь? Я совсем не боюсь...

Так говорил Плиний Старший в день двадцать третьего августа, когда наступили сумерки взаправдашние, а не как следствие многочисленного пепла и пемзы.

Командующий направил квадриремы к судам Помпониана — боевого помощника, имевшего постоянную стоянку в Стабиях.

На берег сошли благополучно. Корабли выстроились в двух стадиях от него. Стабии оказались пустынными — ни души, не было даже собак и кошек. Все живое сбежало — благо море рядом, а многие просто на повозках уехали в сторону Рима, только бы подальше от этих мест.

Для командующего подыскали приличный дом, в котором еще не погас очаг. Устроились уютно.

Плиний Старший вышел на улицу. Отсюда хорошо был виден Везувий. Гора удесятерила свое огненное дыхание, все вокруг шипело и свистело, пепел сыпался сверху пуще прежнего, и пемза — тоже. Словом, стоял невообразимый хаос. В довершение жуткой картины засверкали молнии вокруг дымового столба Везувия. А раскатов грома пока не слышно было.

Архелай стоял рядом с восковой дощечкой и стенографировал.

— Это будет новая книга, — говорил Плиний Старший. — Надо все описать правдиво, а прежде того — все досконально узнать и понять.

Помпониан держался возле командующего, чтобы не сочли его трусом, ибо невозможно при здравом рассудке наблюдать происходящее хладнокровно да к тому же еще и диктовать свои впечатления стенографу.

Помпониан дивился: чего больше в Плинии Старшем — безрассудной военной храбрости или неподражаемого любопытства? И в том и в другом случае Помпониан не находил оправдания. Зачем лезть в пасть жестокому зверю? Зачем совать голову в гудящее и горящее жерло? Неужели в пятьдесят шесть лет надоела жизнь? А может быть, все это не так уж и опасно? Ведь Плиний Старший — настоящий ученый, многоопытный... Значит, надо довериться ему, не бежать от огня. Уверенность — большая защита в беде. И все-таки...

Помпониан говорит:

— Мне не нравится, что куски пемзы становятся все тяжелее. Голова у нас одна, и мне...

Командующий перебивает его, громко смеясь:

— Представь себе, и мне они тоже не по нутру. Один из них даже поцарапал мне руку. До крови. Но я думаю, что по ошибке.

— Ты хочешь сказать, что ему хотелось просто отрезать руку, но это не удалось?

— Да, примерно так. Видишь ли, отсюда совсем другое впечатление, нежели из Мизенума. Издали все это слишком красиво. Когда к этой красоте прибавляется страх — дело совсем другое. Должен сказать, что сами по себе ни огонь, ни

дым не вызывают трясения почвы. Возможно, сильного трясения и не будет. Архелай, отметь это...

Однако Архелай не успевает сделать этой записи — огромный булыжник падает у самых его ног. А вслед за ним другой. Также поблизости от первого.

— Войдем в дом, — советует рассудительный Помпониан.

— Лучше под кровлей, — соглашается с ним Архелай.

— Ну что ж, в дом так дом!..

Что же было потом?

Назло всем трусам командующий неторопливо поужинал и улегся спать. А ведь по кровле уже стучали настоящие камни вкупе с пемзой. Молнии сверкали все чаще и чаще, по улицам текли потоки воды, выливающиеся неведомо откуда.

Рано утром один из матросов сообщил, что наружная дверь не открывается — она завалена камнями. Что делать? Будить командующего? Кто рискнет разбудить?

— Я, — сказал Помпониан, человек худощавый и жилистый, пропитанный морской солью.

— В чем дело? — спросил недовольный командующий, щуря заспанные глаза.

— Может быть, нам лучше удалиться отсюда?

Объяснять что-либо уже не требовалось: земля тряслась, как сумасшедшая. Дом мог развалиться в любое мгновение.

— Ну, что ж, — проговорил командующий. — Пойдем на берег.

— Темно, — сказали ему. — Темно от пепла.

— Зажгите факелы!

— Каменный дождь не унимается!

— Накройте головы подушками! Живо!

Так и пошли. С подушками на головах. С факелами в руках. Почти в полной темноте, хотя утро было позднее.

Решено идти к морю. А на берегу ждет неожиданное и очень неприятное: ветер гонит волны на сушу, и кораблям не прорваться на волю...

— Ничего, — успокаивает командующий. — Принесите мне свежей воды, тащите парус, постелите его вот здесь. Я вздремну немного.

Подчиненные разводят руками: вот так храбрец этот командующий!

Земля все ходит ходуном, по улицам бегут потоки воды и вливаются в море, предварительно наполнив все подвалы, комнаты и дворы в Стабиях. Над Везувием — настоящая гроза: с молниями, с раскатами грома.

Командующий встает. Делает несколько шагов к воде и вдруг валится на песок, как подкошенный, — это налетело на него небольшое тяжелое серное облачко. И убило.

Позже Плиний Младший так объяснит случившееся Тациту: «Он... упал задохнувшись, как я предполагаю, от плотных паров, закрывших ему дыхательные пути, которые у него от природы были слабы, узки и часто сжимались...»

И в ту минуту, когда огнедышащая лава несется по склонам Везувия прямо на Стабии, моряки кое-как преодолевают могучий прилив и достигают квадрирем.

Леонид КАРТАУЗОВ,
первоцелинник,
Герой Социалистического Труда

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ВЫСОТЫ

Рисунок Виктора ТОЛЧИНСКОГО

Зимы у нас, в Северном Казахстане, по-сибирски долгие, суровые, и потому всегда с особым нетерпением ожидается приход весны. Когда под лучами щедрого весеннего солнца сходят снега и обнажается сырая, в серой шетине стерни земля, я чувствую большую, переполняющую сердце радость оттого, что снова ступаю по открывшейся, оттаивающей почве, жадно впитывающей снежную чистую влагу. Вязнешь в этой разбухшей массе, тяжелые комья прилипают к обуви, а вот отрадно и щемяще хорошо в груди: кто-то скажет, что это грязь непролазная, а для хлебороба это земля, мать-кормилица. И хотя ноги мои не чувствуют ее размякшей от талых вод поверхности, я ощущаю это весеннее поле «своей душой», как точно выражаются мои друзья-механизаторы, то есть нутром человека, отдавшего ниве лучшие годы своей жизни, свои силы и любовь.

Юной смене, как известно, присуще стремление мечтать, дерзать, добиваться исполнения желаний и планов. Во все времена эти качества отличали и старшее поколение. Оно, как и прежде, устремлено в завтрашний день, четко видит перспективы целины, но у нас есть и еще одна черта, которой пока нет у молодых: сравнивать, соотносить настоящее с минувшим на основании собственного опыта. Воспоминания—это не только признак прошедшей молодости, но и верный способ еще раз проверить, как жил, работал, все ли делал так, как нужно, был ли активен и полезен людям, верный ли путь выбрал в жизни, достаточно ли твердо следовал этим курсом, что еще можешь совершить на общее благо.

Вот и я, оценивая себя в прошлом, могу признать: в главном поступил правильно—выбрал профессию хлебороба, полюбив всей душой землю, нашел в себе силы встать вровень с другими и очень благодарен и обязан целине—она меня поддерживала, воспитывала, здесь я нашел свое место в жизни.

Вот почему я и начал «Автобиографию» с отступления, с этих вот размышлений.

Матери я почти не помню: она умерла от тяжелой болезни, когда было мне пять лет. Отец работал на вагоноремонтном заводе, был слесарем-лекальщиком высокой квалификации. Одному со мной ему было трудно, и поэтому он часто увозил меня из Ленинграда в деревню Стехново, что под Ржевом, Калининской области, к бабушке. Видимо, тогда-то и вошла в меня, пока еще неосознанно, любовь к природе, к деревенской жизни, к сельским далям. В общем-то у меня, как и у моих сверстников, было счастливое детство. Но его круто оборвала война.

Маленькая, затерянная среди лесов и полей деревенька Стехново оказалась в полосе ожесточенных боев на ржевском направлении. Помню первую бомбежку. Я как раз помогал стаскивать в погреб мешки с картошкой. Тяжело ухают взрывы, свистят осколки, а я, обливаясь потом от непосильного груза, все-таки волоку мешок за мешком. И как пригодились впоследствии эта картошка, ставшая нашим спасением, на-

шим единственным «хлебом», когда нам с бабушкой пришлось сидеть в погребе, а по Стехнову и окрестностям много дней и ночей подряд перекатывался огненный вал.

Тогда же пришлось узнать, что такое смерть близкого, родного человека. Прошло немало времени, прежде чем через Большую землю дошла до меня весть об отце. Оставаясь в блокадном, голодающем Ленинграде, он по двадцать часов в сутки стоял у станка: вагоноремонтный завод выпускал продукцию для фронта. Обессиленный и изможденный, он, видимо, упал в одну из метельных ночей сорок второго года где-то на улице и умер. Нет его могилы. Но мемориал Пискаревского кладбища в Ленинграде—это и в память о моем отце.

В марте 1943 года деревня Стехново была освобождена частями 185-й стрелковой дивизии. Партизанский отряд расформировали: кто помоложе—пошел воевать, влившись в состав армейских подразделений, а старики да неспособные к строю остались налаживать жизнь. Решили вопрос и со мной: взяли воспитанником одной из частей. Так в десять лет стал я сыном полка, чем очень гордился. Конечно, от участия в боевых действиях меня старались оберегать, но, как говорится, запах пороха был мне хорошо известен. Слышал свист пуль, видел разрывы снарядов, гибель фронтовых товарищей.

Подстерегла меня еще одна беда. Весной 1944 года наша дивизия вела бои на земле Эстонии. Однажды под городом Тарту колонна штабных машин, в одной из которых находился и я, попала под бомбежку внезапно налетевших «юнкерсов». Ну и началось...

— Прыгай!—крикнул мне кто-то из бойцов. Я прыгнул, побежал к лесу. И попал на минное поле. Это были мои последние шаги на собственных ногах...

Не знаю, сколько прошло времени—долго был в беспомоществе,—не помню ни медсанбатов, ни санитарных поездов, но знаю, что в себя пришел в госпитале города Сокол Вологодской области. Ног чуть ниже колен у меня уже не было, и, поняв это, я снова потерял сознание. Как мне потом сказали, ничего сделать было невозможно, кости стоп оказались совершенно раздробленными, начался «антонов огонь»—гангрена, и у хирурга просто не оставалось иного выхода.

Надо было жить... Так уж получилось, что мне всегда везло на добрых, отзывчивых людей. Так было и в госпитале. Всячески опекали меня в палате раненые—тоже в общем-то увечные, с жестокими отметинами боев,—чтобы я держался, не падал духом, не дал горю сломить себя. Рассказывали о Николае Островском, читали вслух «Как закалялась сталь». На всю жизнь заломилась мне медсестра тетя Нина. Заботливая, участливая, внимательная, редчайшей душевной доброты, она относилась ко мне, пожалуй, как к младшему братишке. Это она первая принесла в палату журнал, в котором рассказывалось о летчике-герое Алексее Маресьеве, сразу и навсегда полюбившемся мне, на которого и хотелось походить, который всегда был и останется для меня великим примером.

Постепенно встал я на «новые ноги». Прошел через различные детские дома от города Кадниково Вологодской области до Ейска Краснодарского края. Откровенно говоря, не раз сбегал, рвался в родной Ленинград. В конце концов там и оказался. Устроили меня в профтехшколу инвалидов Отечественной войны и стали обучать сапожному делу. Подростком я был жизнерадостным, несмотря ни на что, о будущем думал с оптимизмом. Очень уж хотелось чувствовать себя полноценным человеком, безо всяких скидок. Я научился ездить на велосипеде, играть в футбол—на воротах стоял, один раз даже прыгнул на ходу с подножки трамвая на брусчатку Литейного моста. В общем, по-мальчишески, но твердо испытывал себя «в разных режимах». Получил специальность, работал в сапожной артели. Не понравилась атмосфера. Ушел на фабрику «Скорострой». А потом дядя—брат матери—«переманил» меня в Каунас, на обувную фабрику.

Так прошло несколько лет. Работой в принципе был доволен, коллектив дружный, интересный. Работал я на совесть и чувствовал себя полноценным человеком-тружеником. Но тут как раз раздалось призывное, набатное, обжигающее сердце: «Даешь целину!» И тогда я понял, что мое место там, среди комсомольцев-добровольцев. Снова задал себе вопрос: а хватит ли сил, выдержки, воли работать в тех трудных условиях? К окончательному решению пришел не сразу. Признаюсь честно, какое-то время преодолевал собственные, имеющие под собой почву опасения и другие, не зависящие от меня преграды.

Пришлось, чтобы пройти медицинскую комиссию, применить «военную хитрость»—на прием к хирургу вместо меня сходил знакомый парень. Так и появилось необходимое заключение: «Здоров. На целину годен». Упорно «осаждал» я и горком комсомола. В конце концов там меня правильно поняли и вручили комсомольскую путевку. В чемоданчик вместе с пожитками уложил и свой нехитрый сапожный инструмент, а приятелям сказал так: «Понимаю, что может и не получиться задуманное. Но, как бы ни повернулось дело, в тягость не буду. Сапожники на целине тоже нужны».

Прибыл наш эшелон на станцию Бреды Челябинской области, оттуда приехали на автомашинах в Джетыгаринский район Кустанайской области. Мороз в тот день стоял за 30 градусов. А было—я запомнил это число—первое апреля. Вот уж действительно хочешь—верь, хочешь—нет.

От Джетыгары, где нас встретил директор создаваемого совхоза Кузьма Митрофанович Селиванов, до места назначения добирались санным поездом. Вокруг голая, необозримая степь, перемежающаяся редкими березовыми колками, засыпанными серовато-белым, искрящимся на холодном солнце снегом. Вот какая она, настоящая степь! Глазу не за что зацепиться! Белое безмолвие от горизонта до горизонта.

В книге воспоминаний Л. И. Брежнева есть такие слова: «Целина сразу, «с порога» испытывала новоселов, обрушивала на них свой крутой, неласковый нрав. Не умолкая, завывали пронизывающие ветры, и

каждый рейс по степи был необычайно трудным, а морозы и опасным. Между тем тысячи тракторов, сотни автопоездов должны были пробиваться к еще не существующим совхозам по бездорожью, сквозь ветер и снег».

Да, было именно так. Но не унывали новоселы. Поставили палатки на берегу речушки Желкуар. Палатки были большие, на 32 человека. Обогревались «буржуйкой». Рядом сидишь — тепло, чуть ли не изнемогаешь от жары, а отойди куда-нибудь в угол — сразу «колотун» затрясет. В одной из палаток выкроили закуток для моего «салона», и стал я заниматься своим сложным делом: ставил набойки, подметки, каблучки... Обувь, как говорится, «огнем горела», и без починки пришлось бы туговато. А я радовался: как же, при деле, всем нужен, никто косо смотреть не будет. Но, признаться, прицел у меня был дальний. Завидовал ребятам. Весна в конце концов взяла свое, и началась распашка земли. Буквально за палаточным городком брала свое начало первая борозда, которую провел по неоглядной степи на несколько километров вдалеке тракторист Анисим Сироткин. Я иногда отрывался от своей работы, подходил к черному полю и с наслаждением вдыхал воздух: в нем были и дикий привкус степных трав, и тепло майского солнца, и пар, идущий от свежей земли, и острый запах солянки.

А вечером парни, вернувшись с пахоты, в спецках, перепачканных автотомом и машинным маслом, припорошенные первой пылью, вели нескончаемые разговоры о вспашке и плугах, запчастях и горючем. Я видел, чувствовал, что именно у них, моих ровесников, усталых и измученных нелегкой работой, настоящая, интересная, неведомая и недоступная мне жизнь. Чего скрывать: завидовал. Именно они первопроходцы, пахари целины. А я вроде бы и рядом с настоящим делом, а все-таки в стороне от него.

Осмелился, пошел к директору. Совхоз одновременно с распашкой земли начинал ставить первые дома будущего поселка. Вот я и попросился в разнорабочие, зная, что в строительной бригаде люди нужны позарез. Обещал, что починкой обуви буду заниматься в свободное время по-прежнему, никому не откажу.

Кузьма Митрофанович Селиванов — добрая и чуткая душа! — вначале не соглашался. Он мне свои доводы, я ему — свои. Мои «козыри» оказались сильнее. Стал я подсобником. Наравне со всеми, взяв тяжелый лом, день-деньской долбил бутовый камень для фундаментов. И был счастлив, что выдерживаю напряжение, не уступаю другим.

А наши трактористы сделали великое дело: распашали восемнадцать тысяч гектаров веками спрессованной земли, на новых полях провели сев, вырастили и убрали урожай. Первый хлеб... Какой это был праздник! Мне ведь навсегда врезалось в память, что дед мой погиб, потому что не было хлеба, отец мой погиб, потому что ему тоже не хватило, может быть, одного ломтика хлеба... Видимо, мысли эти и были моим внутренним двигателем, направляли мои поступки. Хотелось быть поближе к земле, к хлеборобскому делу. И когда освободилось место весовщика на зернотоку и мой «опекун» Иван Сторожук предложил мне эту работу, я согласился с великой радостью.

Леонид Ильич Брежнев писал в «Целине» о «планировании человеческого счастья». Так вот, еще весной, во время разлива Желкуара, всполошился наш «мужской монастырь»: услышали мы вдруг девичьи голоса на другом берегу. Сперва, правда, подумали, что показалось. Но не могли же ослышаться все сразу! Устремились к реке. Точно, группа девчат со всеми пожитками. Кличут нас. А еще до этого приставали ребята к Селиванову и Сторожуку, чтобы девчат выписали. А те отшучивались: ждите, мол, скоро посылки с невестами придут наложенным платежом. Хлопцы наперебой заторопились к лодкам. И я туда же — разве отстанешь? Кое-кого сумел обогнать, вскопчил в лодку — и вперед. Причалил к другому берегу, смотрю во все глаза: красавицы — да и только. А одна хохотушка смело так говорит: «Не меня ли высматриваешь?» — и смеется.

— Тебя, — в тон ей отвечаю. — Садись. Откуда будешь?

— Из Дагестана, — отвечает. — Строить дома приехала. А зовут меня Аней. Анна Коновалова.

Совсем уже осмелев, спрашиваю, вроде бы шутя: «Жених-то есть?»

— Будет!

Так и познакомились. Сразу скажу, что та шутка правдой оказалась. Именно Аня Коновалова и стала вскоре моей женой и доброй помощницей. Теперь уже четверо детей у нас. Сейчас почти все взрослые, самостоятельные, со своими дорогами в жизни.

...И снова пришла весна в ковильную нашу степь. Много новых забот принесла она нам: надо было и с севом поторапливаться и распашку земель продолжать. Техника есть, а механизаторов недостаточно. Решено было некоторых прицепщиков посадить за

рычаги тракторов, чтобы хоть как-то выйти из положения.

Все, решил я, пробил мой час. Упускать этот шанс нельзя. Надо сказать, что примерно в то же время попала мне на глаза небольшая книжечка, брошюрка даже, которая произвела на меня неизгладимое впечатление. В ней рассказывалось о механизаторе из Оренбуржья Нектове. Был он на фронте. В одном из боев получил тяжелое ранение, и в результате одну ногу ему ампутировали выше колена, другую — ниже. Однако меня особенно потрясло то, что Нектов сумел встать в трудовой строй: работал на тракторе, убирал хлеб на комбайне, а тогда еще были прицепные, управляться с ними было не очень-то легко.

«Как же так?! — думал я. — Нектов может, а я нет? Молодой, здоровый, сильный — неужели не сумею?»

В общем, это подтолкнуло меня, решение созрело окончательно. Уговорил я Кузьму Митрофановича Селиванова. Дозволил он мне пойти в прицепщики. Определили меня к Анисиму Сироткину — молчаливому увалюно, отличному механизатору, душевному человеку. Тот быстро ввел меня в курс дела, и мы хорошо сработались. Хотя я и уставал основательно, но на полевой стан возвращались довольные работой и друг другом. «Раскусив» мой замысел, Анисим стал приобщать меня к трактору, учил и в двигателе разбираться, и пахоту вести, и машиной управлять. Только выжимать ногами педали я все не решался. Но постепенно и этот рубеж взял. Как-то отправился Сироткин на полевой стан нарядами закрывать. Сейчас мне кажется, что сделал он это не случайно, а с тайным умыслом. Посидел я немного и решил: чего простаивать, время-то идет. Попробую-ка сама пахать, без Анисима. Не справлюсь, так свидетеля моего позора не будет рядом. Пересел на место тракториста и почувствовал, как поджилки затряслись. Подбадриваю сам себя, успокаиваю. Немного добавил оборотов двигателю. Трактор натужно дрогнул, затрясся всем корпусом, тогда я еще увеличил обороты, и ДТ-54 медленно пошел вперед. И тут только я почувствовал, что пот заливал все лицо. Перевел дыхание, понемножку успокоился. Да какой там — успокоился! Радость волнами в сердце ходит, грудь распирает. Это же надо! Я, я сам пашу, сам веду трактор, и он мне подчиняется как миленький! Значит, могу, значит, все можно осилить. Так я и пахал до самого вечера, боясь трактор остановить, расстаться со своей радостью.

Когда выключил мотор у края поля, подошел Анисим Сироткин и как ни в чем не бывало сказал: «Ну вот и хорошо. Ты теперь в день будешь работать, а я в ночь. Я уже договорился». И рассмеялся: «Ну и чумазый же ты!»

Вылез я из кабины, спрыгнул на вспаханную землю, а ноги неожиданно подкосились, и я свалился, словно куль, у самых гусениц, уткнувшись лицом в теплую мякоть земли. Я чувствовал себя безмерно счастливым — был хлеборобом.

И вдруг новый крутой поворот в моей судьбе. Из-за тяжелой болезни вынужден был оставить должность директора и уехать с целины Селиванов. Как много, оказывается, может зависеть от одного человека! Пришел на его место другой — и отношение ко мне изменилось. Может быть, и добрые побуждения были у нового руководителя — оберечь меня от тяжелой работы, подыскать более легкое дело, но меня это здорово обидело. Ведь никаких скидок себе я не делал и ни у кого их не просил, на особые условия не рассчитывал. Разве работал хуже других, не справлялся с обязанностями? Но меня и слушать не стали: нельзя, не можем доверить технику, мол, время Маресьевых прошло. В общем, отлучили меня от техники.

И уехали мы с женой в колхоз «Победа» Целинского района, Ростовской области, к родственникам Аннушки. Устроились неплохо. Там мне без разговоров дали трактор. Но разлука с целинной степью переживалась тяжело и болезненно. Признаюсь откровенно, я даже и подумать не мог, что оно так получится. Хоть и хороши места под Егорлыком, куда как лучше Притоболья, земля добротна и ухожена, щедря и цветуща, а вот, поди ж ты, сердце принадлежало казахстанской степи — с ее белопенными ковылями, алыми тюльпанами по весне, с огромным, поистине космическим размахом пшеничных полей. Перед глазами все чаще вставала целинная степь — то заснеженная, метельная, буйная, то спокойная, умиротворенная в хлебной бескрайней позолоте. И эта земля звала, томмила сердце, будила в душе столько добрых и неповторимых воспоминаний. Ведь именно в казахстанских далах я почувствовал себя таким же человеком, как все.

Жена сказала мне: «Что ты изводишься? Езжай обратно, определяйся».

Короче говоря, вернулись мы на целину, только не на старое место. а — забралась еще дальше на восток — в Целиноградскую область, в совхоз «Родина». Директорствовал здесь Николай Гаврилович Тимошенко — прекрасный человек старой большевистской закалки, в войну бесстрашный летчик-истребитель,

характером напомнивший мне Селиванова. Правда, опять приходится признаваться, и его я при оформлении на работу в заблуждение ввел, наученный горьким опытом. Когда он спросил, отчего прихрамываю, я, опасаясь, как бы он вежливо не «завернул» меня обратно, беспечно ответил, что купил ботинки в Целинограде, а они оказались тесноваты, жмут, проклятые, вот и натер ноги. Тимошенко не усомнился, даже посочувствовал. Потом, конечно, узнал, как оно на самом деле, но корить не стал: «Значит, жмут, говоришь?» — и покачал головой.

В совхозе «Родина» я с шестидесять пятого года. Здесь моя земля, друзья, с которыми, как говорится, и хлеб-соль делим, и трудности преодолеваем, и урожай собираем, и учимся, чтобы с каждым годом богаче, щедрее был гектар степной нивы, полновеснее пшеничный колос. А обеспечивает это прежде всего почвозащитная система земледелия, разработанная целынскими учеными во главе с академиком ВАСХНИЛ, лауреатом Ленинской премии, Героем Социалистического Труда Александром Ивановичем Баярбаевым.

Немало преград было на пути почвозащитной агротехники. Внедрялась она с большим трудом и на полях нашего хозяйства, так как не сразу мы могли отрешиться от традиционных приемов земледелия, настолько крепко влезла в поры привычка пахать землю, оборачивать пласт.

Теперь никого не надо убеждать в преимуществах и достоинствах почвозащитной системы земледелия: давно уже понятно, что такая агротехника не только надежный щит от ветровой эрозии почвы, но и ключ к высокому урожаю.

Естественно, собственный опыт — тоже не последнее дело. И вижу я это на примере своей бригады. Коллектив у нас сплоченный, дружный. Но пусть хорошо поставлено дело, пусть спорится, ладится работа, однако всегда можно найти новые, дополнительные резервы для дальнейшего улучшения эффективности труда. И хотя в природе идет своеобразный круговорот, сельскохозяйственный календарь четко разделен на несколько крупных циклов, однако день сегодняшний ничем не похож на предыдущий, как и страда на страду, не повторяет его, а, наоборот, ставит новые задачи, выдвигает новые проблемы, все более сложные, более масштабные. И тут без творчества, без поиска не обойтись ни бригадирю, ни рядовому механизатору, не говоря уже, допустим, о специалисте с агрономическим или инженерным образованием.

Сошлось на такой случай из прошлых лет. Осень, как это часто у нас бывает, выдалась ненастной, с нудными, затяжными дождями. Жатва затянулась. Из-за непогоды наша бригада слишком долго провозилась с уборкой и полностью зябь поднять до снега не сумела. Оправдание вроде бы было: нехватка механизаторов, техники и так далее — причины в принципе объективные. Но соседняя бригада находилась точно в таких же условиях, однако каким-то образом все-таки вывернулась из трудного положения, успела подготовить всю зябь. И в результате на следующую осень урожай собрала с каждого гектара на центнер больше, чем мы, а посевная площадь в каждой из бригад — по пять тысяч гектаров земли. Вот так, куда уж нагляднее.

Надо сказать, что отнеслись мы к этому самокритично, корили тогда себя немало. Признавались, что «прошляпили», что могли бы все-таки еще поднапрячься, и не было бы подобного. Получилось, что сами себя обокрали.

Это был для нас поучительный урок. Конечно, ошибки, упущения могут быть у каждого, без этого, к сожалению, не обойдешься в повседневной практической работе, особенно такой сложной, как земледелие. Но главное в том, чтобы вовремя исправлять их.

Запомнился мне еще один факт из «биографии» нашей бригады. Шла посевная. Ну и, как водится, с первых же часов сева началась борьба за первенство. Молодой тракторист Иван К. (не хочется называть его фамилию), отставший в первый день, на следующий решил наверстать упущенное. Только путь для этого выбрал сомнительный, в ущерб качеству: взял да и уменьшил у саялок глубину заделки семян. И трактор сразу пошел, конечно, резвее. Мой трактор шел за ним. Допускать такое, понятное дело, было нельзя. Подал я сигнал, остановил его агрегат.

— Что же это ты, Ваня? — говорю. — Ты ведь не только нас обманываешь, но и себя. Знаешь, совершишь иногда по глупости ошибку, сначала значения не придашь, даже забудешь. Но пройдет время — и казнить себя начнешь, а уже поздно. Не вернешь того, что было.

Парень, однако, непонимающее лицо делает: о чем, мол, ты? Тут уж пришлось прямо говорить:

— Вот приподнял ты сошники. Для тебя — выигрыш во времени плюс в оплате, похвала и все такое прочее, а будущему урожаю ты уже, сам понимаешь, нанес урон. Ну, пусть об этом никто не узнает, дадут тебе красный флажок, будет он перед глазами у тебя

ОБРАЩЕНИЕ К ДОЧЕРИ

Какая ясность в лицах у детей!
 Какая смесь восторга с удивленьем!
 И вся земля сияет обновленьем,
 Лишь стоит детям потянуться к ней.
 И снова бродит май из края в край—
 С той синевой, с которой нету сладу,
 С той утренней, пронзительной прохладой,
 Летящей испокон из мая в май.
 Сколь праздничности в майских холодах!
 Салюта россыпь в небе яркозвездном...
 ...Мы были и бледнее и серьезнее,
 Рожденные в сороковых годах.
 Я помню май—
 Тревожный в небо взгляд,
 Информбюро нерадостные сводки,
 Тряпичной куклы блеклые обмотки
 И продуктовых карточек квадрат.
 И—тишина над городским двором.
 И—мальчик, умиравший в подвале...
 ...Ребенок мой, ты выжил бы едва ли
 В голодную весну, в сорок втором.
 Но помни о былом. Не как вину
 Неси его, а как пароль тревожный:
 И твой отец от голода в Поволжье
 Мальчонкой трижды опухал в войну.
 Он сверстников бесцельно хоронил
 В земле, не поддававшейся лопатам...
 Все, что сумел он пережить когда-то,
 Ради тебя тогда он пережил.
 Ради тебя... (А самому семь лет.)
 Ради тебя... (В семье один мужчина).
 Ради тебя... (Коренья, да мякина,
 Да жмых—на завтрак, ужин и обед).
 Ради тебя...
 (А дома—мать с сестрой).
 Ради тебя... (Пора бы в школу—не в чем.
 Да и писать и не на чем и нечем...)
 Ради тебя он выжил той порой.
 А мне не позабыть: Москва. Народ,
 Что вдоль кольца Садового теснится.
 И пленных немцев сумрачные лица.
 Как позабыть сорок четвертый год!
 Рисунки на газетной полосе
 Являли их звериное обличье.
 Но, головушку выткнув по-птичьей,
 Я вижу: это как бы люди—все.
 Все—люди. Как же совместить смогу
 С их видом ту, убийственную славу?
 Знай, девочка, у памяти есть право
 Нас окликать на дальнем берегу.
 Ты помнишь снимок? Зоя на снегу...
 И страшно мне, как будто дочь мою
 Враги казнят такой же лютой казнью
 Под Вереей, под Гжатском
 Иль под Вязьмой...
 Нет! Заслону, прикрою, отстою
 От лютых бед. Огорожу крылом.
 Сама пройду босой по всем пожарам,
 Но дети пусть живут. Земному шару
 Мы нежность в них свою передаем.
 ...И снова бродит май из края в край—
 С той синевой, с которой нету сладу,
 С той утренней, пронзительной прохладой,
 Летящей испокон из мая в май.
 И вот он—Май Победы! Сколько раз
 Мне возвращала яственная память:
 Флажков и флагов радостная замаять,
 Улыбки, смех, обрывки громких фраз,
 Метушная к площади толпа.
 И родственность всех тех, кто с нами рядом.
 Одна семья. И общая судьба.
 И неделимая на части радость.
 Ладонь мою сжимает крепко мать.
 (За кадром кадр—то бешено, то плавно.)
 Сжимает, чтоб меня не потерять,
 А мне пять лет, и я лещусь о главном:
 Увидеть бы салют у стен Кремля!

Или дойти с толпой до Манежа...
 Но вот от залпов дрогнула земля.
 И слезы мне и маме горло режут.
 И слезы... (Я ей не родной была).
 И слезы... (В детстве не было роднее).
 И слезы... (Я повинна перед нею—
 Как мало возвратила ей тепла!)
 И я была причастной в вечер тот
 И радости, и грусти, и надеждам.
 Я—капля. Я—ребенок. Я—Народ...
 Я, что худа, застенчива, прилежна
 О, чувство единенья! Вместе с ним
 Мы прозреваем рано или поздно.
 И дышим с ним—от маленьких до взрослых—
 Одним порывом, временем одним.
 И двери раскрываются в домах,
 И взгляды устремляются ко взглядам.
 Все общее: и праздничность в словах,
 И сострадание чужим утратам.
 И тот ломоть, лежащий на столе,
 Прикрытый полотняною салфеткой,
 И этот май, идущий по земле,
 Чтоб прошуметь черемуховой веткой.
 Он снова бродит, май, из края в край—
 С той синевой, с которой нету сладу,
 С той утренней, пронзительной прохладой,
 Летящей испокон из мая в май,
 Летящей через тыщи мирных дней,
 Касающейся нежно обелисков,
 Летящей и над общим и над близким—
 Над Родиной твоею и моею.
 Ты, девочка, услышь весенний код
 В поступках, в настроениях, в причудах.
 Ты знаешь ли, зачем, куда, откуда
 Тебя ведет восьмидесятый год?
 Четырнадцать. Вступленья в комсомол.
 Подстрижена, худа и длиннонога.
 Ты—символ ожидания. И дорога
 Лынет к дому твоему, к тебе самой.
 В тебе пока на равных сплетены
 Торжественность речей и вера в сказки,
 И детский говор, и потребность в ласке,
 И яростная жажда новизны.
 И ты робеешь пред своей судьбой,
 Присматриваясь пристальнее к людям,
 Болезненно боясь, что кто-то будет
 Несправедлив с подростком—с тобой,
 Что с прочими путями путь твой схож...
 Мне все знакомо. Все со мною было:
 И я когда-то в ожиданье стыла,
 И я бежала под весенний дождь,
 И я... И я... Ты собственной судьбой
 Откроешь счет падениям и взлетам.
 А я с тобой дойду до поворота.
 Остановлюсь. Махну тебе рукой.
 — А дальше?—обернешься ты, бледна.
 — А дальше?—(И меня страшили дали...)
 — А дальше?—(И меня ветра пугали...)
 — А дальше ты должна идти одна.
 Туда, где бродит май из края в край—
 С той синевой, с которой нету сладу,
 С той утренней, пронзительной прохладой,
 Летящей испокон из мая в май.
 А я махну тебе рукой. А я
 Любовь свою пошлою вслед за тобою.
 И ты, ведомая моей любовью,
 Крылатой станешь, девочка моя.
 Тревога. Боль. Любовь. Когда-нибудь
 Незримо за спиной твоей растаю.
 И девочка иная, подрастая,—
 «А дальше?»—вздрыгнет,
 Твой продолжив путь.
 И я ее узнаю по следам...
 И я над вами облаком спокойным
 Качнусь, уйду за горизонт,
 Но война—
 Я все же вас обеих не отдам!

развеваться. А сердце разве не дрогнет, не почувствует, что ты нечестно поступил, а?

— Не подумал я,—прошептал парень.

Пусть простит меня Ваня, что вспомнил я этот давний случай. Он стал потом отличным, толковым механизатором. Долгое время спустя, уже после службы в армии, сказал мне как-то: «Спасибо за науку. До сих пор помню».

...Повторяются ежегодно одни и те же заботы: снегозадержание, закрытие влаги, подготовка паров и подъем зяби, посев, уборка возвращенного урожая. В общем, я живу этой рабочей повседневностью, будничными хлопотами и нахожу радость в любой работе на поле. Но самым любимым делом для меня, как, впрочем, и для каждого землепашца, была и остается все-таки жатва. Хотя это и самая напряженная, самая сложная и трудная пора—слово «страда» говорит само за себя,—однако мила она сердцу, мила. Люблю вести комбайн по пшеничному раздолю, когда солнечные волны колосьев переливаются от горизонта к горизонту. Мой старший сын, Сергей, тоже освоил профессию механизатора—на комбайне со мной не одну осень управлялся, и скажу, что достаточно толково.

Рассказывая о своей жизни, я нередко определяю свои чувства словом «счастье». И в этом нет никакого преувеличения. Хотя и немало было горьких и тяжелых моментов в моей судьбе да и сейчас без сложностей не обходится, однако радостных, отмеченных ощущением полноты жизни гораздо больше. Может быть, я повторюсь, но самым счастливым для меня стал тот день, когда я впервые почувствовал себя настоящим, полноценным человеком. И этим я обязан в своей судьбе целине. Все остальное как бы производное, как очередные ступеньки одной лестницы.

Нет-нет да и приходится мне слышать о себе такое: Картаузов подвиг совершил. К этому у меня отношение вполне определенное: ничего особенного я не совершил, просто работал. Я как-то запомнил такие слова академика Сергея Павловича Королева: если космонавт убежден в том, что идет на подвиг, значит, он еще не готов к полету. Потому что космонавт должен уяснить для себя: он отправляется в космос работать. Так же и на целине, да и в любом другом деле, за которое берется человек. Он прежде всего исполняет свой долг. Исполняли его и мы, целинники. И делали это вовсе не ради наград. Поэтому в конце 1972 года, когда я был удостоен высокого звания Героя Социалистического Труда, прежде всего подумал наедине с самим собой: а ведь ничего особенного ты, брат, не совершил. Да, работал, да, было тебе нелегко, только кому же просто идти от высоты к высоте, от рубежа к рубежу? И что это тогда за высоты, если они легко покоряются? И определять для себя надо такую высоту, чтобы для ее достижения необходимо было хоть чуточку приподняться над собой, чтобы было это буквально на грани возможного. Значит, работать нужно еще больше, еще напряженнее, чтобы хоть как-то ответить на такое величайшее доверие, всенародное признание скромного твоего труда.

Я не хочу и не могу останавливаться, как говорится, на достигнутом, меня привлекают все новые и новые дела. Продолжаю постоянно учиться: у жизни, у своих товарищей по сельскому труду. Не скрою: я похорошему завидовал тем механизаторам, которые осваивали мощные тракторы-красавцы «Кировец». Думал, что мне самому не удастся справиться с этой современной и очень сложной машиной. Мое мнение разделяли и другие. И все же решил попытаться. И что вы думаете? Осилит! Досконально изучил теорию, сдал экзамены по вождению и получил трактор К-701, о работе на котором давно мечтал.

Леонид Ильич Брежнев написал в своих воспоминаниях и обо мне. Это меня по-человечески глубоко взволновало и растрогало. Но я снова подумал о той высочайшей ответственности, которая лежит на моих плечах. Делом, только делом можно в какой-то степени ответить на все добрые слова, высокие оценки. Нельзя жалеть сил для того, чтобы оправдать звание хлебороба-целинника. Верилось, что впереди у меня еще много прекрасных хлебных зорь в раздольной казахстанской степи.

Но так уж получилось—очередной поворот,—что по состоянию здоровья пришлось недавно оставить прежнюю работу. Сейчас я живу в Целинограде. Но механизатором все-таки остаюсь—определился в пригородный совхоз имени Кирова. Хотя совхозная усадьба и расположена буквально в черте областного центра, но многоотраслевое хозяйство, в основном поставляющее свою продукцию городу, является еще и зерновым—десять тысяч гектаров посевов занимает пшеница.

Так что я по-прежнему остаюсь на целинной земле. Продолжается работа на урожай, на хлеб. Великий хлеб Отчизны.

Литературная запись
 Владимира ГУНДАРЕВА.

Лауреаты
премии
Ленинского
комсомола

И НЕТ НАМ ПОКОЯ

Биография студенческого коллектива

Александр НАДЕЖДИН.
Фото Владимира ВАСИЛЬЕВА

Роля перемещался по сцене явно на недозволенной скорости. Мало того, на нем в это время умудрились играть... Все перепуталось в веселой чехарде. Двадцать студентов падали в обморок при виде одного привидения, а само привидение теряло сознание, увидев одного студента... Ни на секунду не замолкал смех в зале. Шел юмористический спектакль «Так умирают легенды».

...Резкие аккорды электрогитар, и фигуры актеров начинают ритмично двигаться в пантомиме на стихи А. Безьменского «Бахают бомбы у бухты». Встает на сцене ВРЕМЯ — время яростное, резкое,

молодость страны, 30-е годы. Спектакль о ВРЕМЕНИ, о СТРАНЕ. Романтико-героическое представление «Шестая часть земного шара».

Это фрагменты из спектаклей Народного агиттеатра «Россия» Дворца культуры Московского авиационного института.

Время рождения коллектива можно определить по-разному. С 1970 по 1975 год коллектив существовал как факультетская самодеятельность, собиравшись в основном для очередного институтского фестиваля искусств. Нерентабельно? Может быть. Но привлечь студентов к постоянной, регулярной работе в самодеятельности трудно. Слишком коротко студенческое время, много дел, много соблазнов. В таких условиях состав участников от фестиваля к фестивалю сменяется процентов на восемьдесят.

В 1975 году встретились два студента — два активных участника художественной самодеятельности института: Михаил Задорнов и Александр Четверкин. Встретились и поняли, что у них одна забота: КАК сделать, чтобы студенческий самодеятельный коллектив хотя бы в течение нескольких лет имел постоянную труппу? Чтобы этот коллектив показывал свою работу если не постоянно, то уж, во всяком случае, не один раз? Они решили попробовать

создать такой коллектив. По счастливому стечению обстоятельств, руководство Дворца культуры института предложило им попытаться осуществить свою идею на базе ДК. Вот это время и можно считать временем второго рождения театра.

Продолжение следует» — первый спектакль коллектива. Поэтическое представление по произведениям советских поэтов.

Все в жизни человека начинается с Родины. Студенты начали свою работу со спектакля о России.

*Россия, родина моя — Россия!
Я с каждым днем люблю тебя
сильней...*

Это обращение — клятва верности, — звучащее перед спектаклем, стало камертоном всех сцен.

В постановке были и исторические отступления, много режиссерских приемов, находок, световых эффектов, музыки. Как будто это был первый и последний спектакль студенческого театра. Щедрый был спектакль. Можно много говорить о частностях, можно пожури постановщиков за некоторый перебор приемов, за излишнюю резкость. Но не это важно. Главное — мучительные поиски ответа на вопрос:

*Какие мы?
И каждый ли из нас
Сумеет повторить в свой трудный час:
«Я тот же, что и был,
и буду весь мой век —
Не скот,
не дерево,
не раб,
но человек...»?*

Каждой сценой, каждым словом актеры и режиссеры стремились передать идею спектакля: «Мы не сами по себе. Мы продолжение наших дедов и отцов. И еще мы начало. Потому что за нами пойдут наши дети, пойдут следующие поколения».

Спектакль «Продолжение следует» был показан на I Всесоюзном фестивале самодеятельного творчества трудящихся и имел большой успех. Правда, когда пришла пора оценивать его в рамках конкурса, долго не могли решить, в каком жанре работает коллектив. Какое жюри должно его судить: театральное или агитбригадное? Именно тогда и родилось это компромиссное название — агиттеатр.

Михаил Задорнов, главный режиссер агиттеатра:
В чем отличие агиттеатра от театра драматического? Этот вопрос стал перед нами с первого спектакля. В течение двух лет мы не могли ответить на него. Многие специалисты из Института культуры, Дома художественной самодеятельности, представители журнала «Клуб и художественная самодеятельность» укоряли нас

СОЗДАВАЯ СВОЙ ТЕАТР, СТУДЕНТЫ МАИ ПРОДОЛЖИЛИ ТРАДИЦИИ «СИНЕБЛУЗНИКОВ» И ПЕРВЫХ АГИТБРИГАД ЖИВАЯ ЗАИНТЕРЕСОВАННОСТЬ В ПРОБЛЕМАХ НАШЕГО ВРЕМЕНИ ОПРЕДЕЛЯЕТ ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ НАКАЛ СПЕКТАКЛЕЙ СТУДЕНЧЕСКОГО АГИТТЕАТРА.

за то, что мы не выполняли требования, предъявляемые к жанру «агит». Они считают, что агитколлективы должны работать на так называемом местном материале. А мы этого требования не выполняем. Но ведь мы ни от кого не скрывали, что задача прославлять или высмеивать студентов и преподавателей МАИ нас не устраивает. Этому можно посвятить один, ну, два спектакля (кстати, два спектакля у нас действительно о МАИ), но строить на этом всю работу, весь репертуар?! В общепринятой оценке агитколлективов мы были согласны только с одним — сценарий спектакля должен рождаться в самом коллективе. А сущность жанра «агит» для нас заключалась в ином. Любим нашим спектаклем — а их за эти годы родилось пятнадцать — мы не только поднимаем и рассматриваем какую-либо проблему, но пытаемся в этом же спектакле ее решить. Мы предлагаем зрителю наше решение проблемы, а уж его дело — согласиться с нами или нет. И еще одно. В агиттеатре все без исключения спектакли должны быть посвящены проблемам, волнующим сегодняшнюю молодежь, а значит, в первую очередь волнующим нас — актеров и режиссеров агиттеатра.

Через две недели после премьеры «Продолжение следует» агиттеатр показывает новый спектакль, определяющий еще одно направление работы коллектива, — юмористический спектакль «Прощай, Земля!». Фантастический сюжет, студенческий юмор, а за всем этим — яростный протест против бюрократизма, ханжества, против глупых и формальных традиций.

После выхода таких двух разных спектаклей определилось то, что их объединяло, что впоследствии стало отличительной чертой агиттеатра «Россия». Обращение к зрителю от первого лица, глубокая личная заинтересованность в разрешении проблем, поднимаемых в спектаклях. Наверное, именно поэтому сценарии всех постановок рождались в самом коллективе. Даже драматическая поэма «И нет нам покоя», созданная по мотивам романа Н. Островского «Как закалялась сталь», — это в общем-то самостоятельное произведение, не похожее ни на одну из инсценировок романа. Но этот спектакль был поставлен в 1978 году.

А пока приближались лето 1976 года и поездка агиттеатра по Северному Морскому пути. Первая гастрольная поездка агиттеатра.

Михаил Задорнов:

Хождение за три моря — так называли мы наши гастролы. И действительно: пересаживаясь с одного судогруза на другой, потом на лебедок, потом на танкер, мы прошли три моря: Баренцево, Карское и море Лаптевых.

Сценой стали палубы судогрузов, кают-компании пассажирских судов, зрительные залы атомодов «Арктика», «Ленин». Пожалуй, нигде не ощущали мы такой пользы от концертов, даваемых нами, как в этой поездке.

«Понимаешь, — сказал мне однажды матрос рудовоза «Дорогобуж» Виктор Антипов, — мы же по шесть месяцев в навигации. Это значит, все уже друг другу пересказано. И анекдоты, и кто кого любит, и вообще вся жизнь. Вот тут и появляется тоска по Большой земле. И никуда от нее не

дется. А вы вдруг такую разрядку внесли в нашу жизнь, после которой себя снова бодро чувствуете. Вот за это вам в первую очередь спасибо!»

Но была и другая польза. Где бы мы ни были, мы старались среди экипажей судов организовать свою самостоятельность. Например, на «Дорогобуже» нам удалось привлечь к этому трех ребят. Виталия, сейчас уже не помню его фамилии, который знал наизусть чуть ли не все стихи Блока; Виктора Антипова, играющего на гитаре и даже пишущего песни на стихи Есенина; и еще девушку Надю, которая просто любит петь. Вот вместе с ними мы и провели свой последний на «Дорогобуже», уже совместный, концерт. Надя, которая под гитару Антипова спела «Не плачь, девчонка!», так расчувствовалась, что даже расплакалась... Может быть, с профессиональной точки зрения это был не самый динамичный концерт, но зато капитан мне на прощание сказал: «Теперь я не боюсь встречать праздники в море. У нас есть своя самостоятельность».

Один из главных вопросов, который возник после этих гастролей, — как «вывозить» в такие поездки не только концертные программы, но и целые спектакли?

И ребята решили: если нельзя возить с собой световую аппаратуру — значит, спектакль делается без световых эффектов. Сложно перевозить громоздкие декорации — значит, на сцене остается минимум реквизита, а декорации исчезают вовсе. В крайнем случае используются стулья. Именно в это время определяется еще одно кредо агиттеатра: «Не зритель существует для агиттеатра, а агиттеатр существует для зрителя». Разумеется, по этому принципу существуют все театры. Но все ли театры могут похвастаться тем, что показывали свои спектакли (именно спектакли) в глухой тайге, перед отрядом лесорубов, или в музыкальном салоне теплохода, или в красном уголке далекой погранзаставы, или в заводском цеху? А агиттеатр показывал! Может быть, все было сделано за счет потери качества? Нет! Эти же спектакли были показаны на XVIII съезде ВЛКСМ и в дни празднования 60-летия ВЛКСМ в Кремлевском Дворце съездов.

Вот в этом ключе и были сделаны следующие два спектакля: романтико-героическое представление «Шестая часть земного шара» и студенческое обозрение «Но дело не в этом...».

«Шестая часть земного шара» — спектакль в агиттеатре особенный, хотя бы уже потому, что был сыгран более двухсот раз. Для самостоятельного коллектива показатель уникальный. Спектакль, в котором опять поиски жанра. Синтез патристических стихов и современных музыкальных ритмов. Спектакль о Времени.

Александр Четверкин, режиссер агиттеатра:

Работая над спектаклем «Шестая часть земного шара», мы пришли к интересному выводу. Были революция, гражданская война, первые пятилетки, опять война, трудные послевоенные годы и, наконец, наше время. Что объединяет все эти страницы истории? На наш взгляд — напряженный ритм жизни. Ритм, заданный революцией. Пока этот ритм существует внутри каждого из нас, мы будем достойны собственной истории.

«Но дело не в этом...». Это студенческое обозрение можно было бы на первый взгляд назвать просто студенческим «капустником». Миниатюра, потом песня. Опять миниатюра и опять песня. Два самых популярных студенческих жанра, объединенных в одной программе. Авторы спектакля пытаются проследить, как же и в чем меняется студент от курса к курсу. И если в миниатюрах все выглядит смешно и весело, то совсем другую нагрузку несут песни. Они прослеживают тот же путь, но уже и без тени юмора.

Нет, совсем не зря этот спектакль имеет еще одно название — «Философские комедии». В эпилоге спектакля со сцены звучат слова: «Чем первокурсник отличается от дипломника? Первокурсник — человек, который мечтает изменить мир. А дипломник — человек, которого мир уже изменил». Нет, далеко это не «капустник». Слишком заинтересован агиттеатр в том, чтобы донести до зала свою мысль, мысль, обращенную к студенту: «Взрослей, меняйся, но не изменяй своим же мечтам. Не растеряй их в пути».

А впереди было лето 1977 года. Знаменательное для агиттеатра лето. Коллектив выезжал с гастрольной поездкой на БАМ. Сказать, что актеры и режиссеры волновались перед поездкой, — значит

ничего не сказать. Что ни говорите, а в ряду Всесоюзных ударных комсомольских строек БАМ занимает особое место.

БАМ встретил агиттеатр изнуряющей жарой. Нескончаемый поток машин, двигающихся от Тынды и к Тынде, просто-таки потряс: ребята буквально прилипли к окнам автобуса. Первое впечатление от Тынды: весь город — огромная, грандиозная стройка. Пока актеры располагались на новом месте, руководители агиттеатра и штаб отряда «Московский комсомолец» составляли план выступлений. Первое из них — в этот же вечер, на семинаре культработников БАМа. Это был единственный день, когда агиттеатр выступил один раз.

Алексей Клущин, актер агиттеатра:

БАМ в моей памяти — это в первую очередь работа. Работа строителей. И наша работа. У нас в среднем было по три концерта в день. Два в обеденный перерыв, а третий, большой, — вечером. Именно на БАМе я по-настоящему понял, что такое удовлетворение от проделанной работы. И самой большой радостью для меня, да и, наверное, для всех наших ребят, был разговор после концерта в поселке Кувукта. В зале были те, кого в газетах принято называть первопроходцами. Простые ребята и девчата, они по нашей просьбе рассказывали о строительстве БАМа, видя в нас не гастролеров, которые «отчесали» концерт, а таких же рабочих, как и они. Это было здорово!

Два спектакля и большую концертную программу привез агиттеатр на БАМ. А вокально-инструментальный ансамбль театра подготовил еще и танцевальную программу. Надо сказать, что бамовцы одинаково тепло принимали и романтико-героическое представление «Шестая часть земного шара» и студенческое обозрение «Но дело не в этом...». Взаимопонимание — вот что в первую очередь рождалось на концертах агиттеатра. Сцена и зрительный зал были неразделимы.

Агиттеатр побывал почти во всех поселках центрального участка БАМа. Выступали в Золотинке, когда туда пришел первый поезд. Побывали в бригаде Степанищева. Узнали, что недалеко работает строительный отряд МАИ, и, конечно, не могли у них не выступить. В Тынде открывалась новая танцевальная площадка — первыми на ней выступали актеры агиттеатра. Мостостроители закончили возведение очередного моста — и тут же, на еще не остывшей от работы стройплощадке, их приветствовал своим концертом агиттеатр «Россия».

Весть об агиттеатре быстро разнеслась по центральному участку БАМа. Их ждали, и ребята изо всех сил старались оправдать надежды строителей. Они понимали, что выступления перед строителями — это их вклад в дело великой стройки. Недаром теперь на самом почетном месте в музее агиттеатра лежит комсомольская путевка, выданная им как строителям Байкало-Амурской магистрали.

Наверное, поездка на БАМ сыграла свою роль в выборе темы следующего спектакля. Ребятам хотелось найти такой материал, который был бы наиболее близок им. Близок в первую очередь своим гражданским звучанием. И поскольку все участники агиттеатра или студенты, или выпускники МАИ, то решили сделать спектакль об истории института.

Так возник спектакль-хроника «Наша биография». Обратите внимание — опять новый жанр. Документы, документы, документы... Сухой на первый взгляд материал. Как сделать, чтобы он обернулся для зрителей волнующей стороной? Ребята решили — это можно сделать только в том случае, если за строкой документа встанут живые люди. А значит, надо попытаться найти тех, кто помнит события, которые стали достоянием истории и отражены пока только в документах. На несколько месяцев актеры агиттеатра становятся корреспондентами. Встречи, интервью, беседы... Так в сценарии появился основной рефрен: «Из воспоминаний такого-то...». Очень трудная работа была именно над сценарием. Достаточно сказать, что уже после премьеры сценарий перерабатывался в течение полутора лет, пока не приобрел свою окончательную форму.

Н. В. Холодков, секретарь парткома МАИ:

Когда я посмотрел спектакль «Наша биография», я вдруг понял, насколько важно то, в чем каждое следующее поколение видит свое начало. И вот ребята, которых объединил агиттеатр, которые для меня и есть следующее поколение, понимают, что их биография началась не в тот момент, когда они появились на свет, а гораздо

раньше. Осознав это, они берут на себя огромную ответственность: вписать в эту биографию достойную страницу. Ребята уверены в своих силах и в том пути, которым идут. Спектакль, на мой взгляд, рождает взаимную ответственность поколений друг перед другом.

Главное же заключается в том, что агиттеатр — от лица своего поколения — обнаружил те черты зрелости, которые нам, старшему поколению, хотелось увидеть в них.

В марте 1978 года пришло радостное известие. Агиттеатру «Россия» ДК МАИ присвоено высокое звание — «Народный».

А летом опять поездка. На этот раз — Приморье. Поездки по стране стали не просто традицией — необходимостью. Встречаться со зрителем, идти к нему — без этого агитатор уже не мыслит своего существования. Только за последние два года на счету самостоятельных актеров около пятисот выступлений. Цифра почти невероятная. Это трудно, не забывайте: они студенты, и никто не освобождает их от занятий и экзаменов. Но по-другому они уже не могут.

К 60-летию ВЛКСМ агиттеатр начал готовиться за полтора года. Еще весной 1977 года Задорнов и Четверкин начали писать сценическую композицию по роману Н. Островского «Как закалялась сталь». Уже никого не удивило, что новый спектакль — опять новый жанр. Драматическая поэма — так они его определили. И здесь — мучительные поиски своего, личного и, что главное, сегодняшнего отношения к роману.

Михаил Задорнов:

Теперь, когда за идеи, выдвинутые революцией, уже не надо жертвовать жизнью, стало все больше появляться людей, приспособивших эти идеи под свою карьеру. И своим спектаклем мы стремились сказать, что если бы был жив сейчас Павел Корчагин, то он бы со всем своим темпераментом и пылом человека, отдавшего за победу коммунизма и здоровье и жизнь, бросился бы на борьбу с мещанством и обывательством, которые приняли сегодня другие, скрытые формы.

Наши светлые идеалы должны воплощаться так, как мечтали об этом Павел Корчагин и Николай Островский. Эти идеи не должны становиться кормушкой для приспособленцев.

И вот премьеры драматической поэмы «И нет нам покоя». Совершенно по-новому звучал со сцены привычный нам с детства текст. Агиттеатр выявил яркую поэтичность романа, стремительную динамику действия, напряженность буквально каждой строки.

И опять актеры ведут рассказ от первого лица. Совсем не случайным оказывается название спектакля. «Имея за спиной такое прошлое, мы не имеем права даже на минутный покой» — вот одна из основных мыслей спектакля. Чтобы играть в нем, мало быть хорошим актером. Необходимо иметь четкую гражданскую позицию, — только тогда у актера появляется право выйти на сцену. И актеры агиттеатра «Россия» имеют такое право. Они доказали это своей работой, доказывают своей жизнью.

А жизнь в агиттеатре идет своим чередом. Концерты, спектакли, выступления... Все так же агиттеатр стремится чаще выступать, хотя все больше приходится просить перенести выступление на более дальний срок: слишком много желающих увидеть агиттеатр «Россия».

В октябре 1979 года собрались все участники «России»: те, кто начинал агиттеатр, те, кто активно работает в нем сегодня, и совсем молодые ребята, которые в коллективе чуть больше месяца. Они не могли не собраться. Агиттеатр «Россия» ДК МАИ стал лауреатом премии Ленинского комсомола.

Сначала, как всегда бывает в таких случаях, то тут, то там раздавалось: «А помните?... А помните...» Но постепенно разговор перешел к плану на будущее. И в этом — весь агиттеатр. То, что будет сделано, гораздо важнее того, что уже сделано.

«Ребята из агиттеатра» — так их называют в родном институте. Они все очень разные. Иногда просто удивляешься, как они объединились в одном коллективе. Но есть одно качество, которое роднит этих ребят: всех их агиттеатр научил всегда, в любой ситуации вести разговор от первого лица, чувствовать личную ответственность за все, что происходит рядом с ними.

МОСОБОБОЕ МНЕННИИ

Однажды ко мне в редакцию пришел крайне взволнованный посетитель. Он представился как народный заседатель и просил выслушать его, не жалея времени и не перебивая. Какан-то горькая искренности звучала в его словах, и я, почувствовав невольную некую симпатию, пообещал и, не перебивая, слушал целый вечер. И, по-моему, не зря. Вот что рассказал мне неожиданный посетитель...

У меня над письменным столом, припиленное к стенке, висит изречение: «Надо бежать за безнадежным мячом». Буквы некоторые стерлись, бумага пожелтела. Еще бы! Эту футбольно-философскую мудрость припилил я перед глазами давно, когда еще на первом курсе играл левым полузащитником и занимался чистой математикой.

Теперь я молодой специалист. По всем параметрам жизнь моя, как я считаю, удалась. Во всяком случае, у меня нет поводов на что-то жаловаться. Увы, и на что-то надеяться. Никакого выдающегося вклада в науку я не внес и вряд ли внесу. Трезвая оценка этого факта пришла ко мне недавно. Но я предпочитаю твердую определенность во всем. Вот тогда-то цитата над письменным столом потеряла для меня реальный смысл.

Ну что ж, середняк так середняк. Зато за свои двадцать шесть лет я не совершил бесчестного поступка, никогда не поступался совестью, не угодничал, свою точку зрения на разные производственные проблемы высказывал открыто и ни разу не сделал того, что считал не порядочным.

Ничего не изменилось в моей жизни и тогда, когда произошло все то, о чем я хочу вам рассказать. Если не принять во внимание одного странного обстоятельства: я стал чаще читать свою цитату и вдумываться в ее немудреный смысл.

Как я уже отрекомендовался, я — народный заседатель. И началось все, когда мне пришлось выполнять эту свою двухнедельную общественную функцию.

Разбирали мы, как говорят юристы, трудовое дело: иск о восстановлении на работе. Иском был... Нет, сначала я должен рассказать вам об одном эпизоде, который произошел через несколько месяцев после процесса.

В тот вечер я шел по единственному в нашем еще совсем молодом городе подземному переходу и услышал густой, хорошо поставленный голос торговца книгами.

— Па-а-аследние экземпляры! — выкрикивал молодой человек голосом ярмарочного зазывалы. — Па-а-алитический детектив! Мафия расправляется со своими противниками. Вариант знаменитого кинофильма «Крестный отец».

Я подошел к кучке теснившихся около столика людей. И вдруг узнал его. Да, никаких сомнений. Та же идеальная спортивная фигура. Помню, когда я рассматривал его в суде, то подумал: надень на такого худшее из изделий нашей местной швейной фабрики — и изделие лишится всех своих дефектов, хоть знак качества ставь. Высокий парень и ладный. За эти несколько месяцев он не изменился, разумеется. Но как-то весь обвис.

Неожиданно он обернулся ко мне, посмотрел в упор и спросил так, что я вздрогнул:

— Вам что-нибудь говорит мое лицо?

Еще бы мне его не узнать!

— Но почему вы... здесь? — спросил я.

— А где же быть медику, поправшему свой врачебный долг? Так ведь вы обо мне решили...

Оглядываясь на полгода назад, я со стыдом сознаю, насколько несерьезно, легкомысленно (те-

перь я могу сказать даже более определенно — преступно легкомысленно!) отнесся тогда к своему общественному поручению. Помню, встретил меня в коридоре профорг и сказал:

— Слушай, старик, завтра профсоюзное собрание, ты обязательно будь. Тут мы тебя прикинули в народные заседатели...

— Куда? — искренне удивился я.

— Вершить правосудие будешь от имени народа.

До того я и в суде-то ни разу не был. Но профорг сказал, что нельзя подводить общественные организации, к тому же у меня нет поручений. Словом, уговорил. Проголосовали за меня единогласно, а расходясь с собрания, дружески похлопывали по плечу и называли Шерлоком Холмсом.

В первый раз шел я в суд с неким душевным трепетом. Представился судье Галине Леонидовне. Моей коллегой была бойкая девушка по имени Люба, продавщица из нашего универмага. За две недели мы рассмотрели дела о хулиганстве, о квартирной краже, бракоразводную историю, осудили злостного алиментщика, на выездной сессии лишили недостойную мать ее родительских прав.

Все проходило у нас без неожиданностей. Галина Леонидовна, надо отдать ей должное, подбадривала нас: дескать, вы не стесняйтесь, будьте активными. Но те вопросы, которые я мог бы задать, задавала либо сама судья, либо прокурор или адвокат, или же мне и так было все ясно. А спрашивать, лишь бы спросить, говорить, лишь бы сказать, — не в моих правилах.

Люба на заседаниях тоже молчала. Зато, когда мы удалялись на перерыв, ее прорывало:

— А почему они разошлись? А у кого ребенок был? А куда ворованное дели?

— Люба, — говорила Галина Леонидовна, — вы же судья. Вы имеете право задать эти вопросы во время заседания.

— Да ну, скажете тоже, судья, — отмахивалась Люба и отчаянно краснела.

А потом этот иск... иск Алексея Шутова к институту о восстановлении на работе. И вот теперь я думаю, думаю и думаю: выполнил ли я тогда высокую миссию судьи? Да что судьи? Выполнил ли долг честного человека?..

На другой день после встречи с Шутовым в подземном переходе я отправился в суд, взял два тома: один тощий в желтой папке — гражданское дело и потоньше в серой папке — уголовное дело, возбужденное против Шутова и прекращенное за отсутствием состава преступления.

На последней странице гражданского дела прочитал: «Кандидат медицинских наук А. Г. Шутов уволен по пункту 3 статьи 254 Кодекса законов о труде РСФСР — за аморальный поступок, несовместимый с выполнением воспитательных функций. Приказ об увольнении был издан после публикации в областной газете «Знамя труда» фельетона под названием «Шалости доктора». А. Г. Шутов с опровержением порочащих его сведений в суд не обращался. В деле имеется решение местного профсоюза, давшего согласие на увольнение А. Г. Шутова».

Итак, непосредственным поводом к увольнению Шутова послужила публикация в газете. Она тоже была подшита в деле.

«В отдельном зале ресторана «Золотой колос» гуляли чинно и благородно. Наука гуляла. Обмывалась диссертация новоспеченного кандидата С...»

Так начинался фельетон «Шалости доктора». Потом шло подробное описание тостов, перемежающееся сентенциями типа: «Медицина принимала тот самый «зеленый змей», который она кляла и клянет в своих лекциях и беседах. И принимала не без удовольствия...»

К концу застолья, как было сказано в фельетоне, появился Шутов. Он опрокинул три «штрафных», не закусывая.

— Ты же за рулем, Шутов, — сказала ярко накрашенная девица, сменившая несколько часов назад стерильно белый халат медика на платье со смелым декольте.

— Я, Галочка, всегда за рулем, — ответил Шутов, опрокидывая четвертую рюмку, и пригласил: — Карета подана. Ну, друзья, на пошопок, на счастливую дорогу!»

Дальше шло описание финала попойки: «Кадровый рабочий Зиновьев после смены шел домой. Недалеко от рынка он вдруг услышал сзади рев машины. Не успел он оглянуться, как получил сильный удар в бедро, его подбросило и откинуло к дому. «Негодяй, уйдет», — подумал рабочий и потерял сознание.

«Негодяй» не ушел. За лихачом уже гнались. Гнались дружинники из оперативного автопатруля во главе с активистом Николаем Зубцовым. Когда машину загнали в тупик и вытащили пьяного водителя, удивлению дружинников не было предела. Человека сбил... врач! Кандидат медицинских наук Шутов. Доктор, презревший свой долг, свою честь, запятнавший белый халат целителя!»

Никаких несоответствий в фельетоне я не обнаружил. Хотя одно место покорило — то, где автор упрекает одну из участниц банкета: она-де сменила белый медицинский халат на декольтированное платье. «Да в чем же ей в ресторан-то — в халате, что ли, идти?» — подумал я.

Дальше в деле были подшиты всякие обязательные бумаги: вызовы, справки, квитанции. А вот и протокол допроса главного «обвинителя» — старшего автопатруля, задержавшего Шутова после того, как был сбит человек, — Николая Зубцова.

Зубцов. Примерно в 23 часа мы проезжали около ресторана «Золотой колос». Шел мокрый снег. Я сидел рядом с водителем. Вдруг вижу — от ресторана отъезжают «Жигули». Даю светящимся жезлом сигнал остановиться. Ни в какую...

Судья. Может, водитель не видел вашего сигнала?

Зубцов. А зачем тогда уходить стал? Мы ж за ним как в кино про шпионов гнались. Настигли его у рынка — он пассажиров своих там высаживал. Остановились мы почти впритык. Я — к нему. А он «кляц» дверцей и газанул на всю железку. Пока я обратно к своей машине, пока за руль... Он в это время рванул как-то наискосок улицы, к левой стороне. Там прохожий. У меня все похолодело. Его машина левыми колесами на тротуар. Задела, видно, краем прохожего, он и повалился к дому. Думаю: к потерпевшему бежать или нарушителя ловить? Принимаю второе решение. А он уже стоп-сигналом у поворота мигает. И тут на счастье — черная «Волга». Кричу шоферу: «Скрывается преступник, быстро!» Он все понял и тоже за ним. Догнали милицейского.

Судья. Он что, был нетрезв?

Зубцов. Какое нетрезв? Пьяный! Мы посадили его в свою машину и привезли в отделение.

Шутов спросил свидетеля, нарушил ли он, Шутов, хоть раз правила движения. На это свидетель пожал плечами. Адвокат задал вопрос, отчетливо ли видел свидетель, как Шутов сбил прохожего. Зубцов подтвердил: «Вот как вас вижу».

Адвокат. Вы утверждаете, что машина Шутова «краем задела» прохожего. Из материалов дела видно, что потерпевший не получил ни одной травмы. Могло ли это быть при таких обстоятельствах наезда?

Зубцов. Вот чего не знаю, того не знаю.

Когда давал показания Зубцов, у меня не возникло никаких вопросов к нему. Все мне казалось логичным, а следовательно, с моей точки зрения, правильным. Я лишь попросил Зубцова и дальше продолжить рассказ:

— А как в отделении милиции события разворачивались?

— Не знаю! — почему-то раздраженно ответил Зубцов. — Не знаю, понимаете? Это не мое уже дело. Наша обязанность — доставить нарушителя, а там...

— Просто же любопытно, — сказал я, смущаясь, и шепнул судье, что вопросов не имею. Хотя вопросы-то были: почему пьяного в дым водителя отпустили домой? Почему в милиции не зафиксирован наезд на человека?

Странными были показания и потерпевшего. Зиновьев после происшествия не явился в больницу, не писал никаких заявлений. Лишь две

недели спустя он сообщил в милицию, что 23 ноября около полуночи его сбила машина марки «Жигули».

В нашем процессе он проходил как свидетель. Ему было, очевидно, под пятьдесят. Лицо обветренное, задубелое, как у людей, много времени проводящих на воздухе. Фигурой шупл и какой-то весь помятый—будто и впрямь только что из-под машины его вытащили.

— Зиновьев, вы знакомы с кем-либо из здесь сидящих?—спросила судья.

— Ну... вот... мне сказали, что этот гражданин меня сбил,—Зиновьев кивнул на Шутова,—а больше ни с кем.

В тот момент я не мог себе представить, как много для меня будет значить впоследствии этот факт.

Между тем Зиновьев отвечал на вопросы адвоката:

— Вы вызывали врача на дом?

— Нешто их ночью дозвесься. Да и сморю—жив, кости вроде тоже все целы. Утром пошел было в поликлинику, да там очередь. А-а, думаю, хожу—и ладно.

— Все же объясните: как могло случиться, что после удара автомобиля вы отлетели к стене дома, а у вас на теле и синяка нет?

— Синяк-то был,—сморщился в улыбку Зиновьев.

Потом в перерыве я все пытался вызвать Галину Леонидовну на разговор об этом странном происшествии. «Да он не потерпевший. Поймите,—говорила она,—уголовное дело прекращено. Мы рассматриваем гражданский иск. Надо ли возвращаться к подробностям того, на чем точка поставлена?» Я покраснел: действительно, сколько раз уже мне втолковывали, что мы не транспортное происшествие разбираем, а иск Шутова. А меня все тянуло к событию, которое мы формально не рассматривали.

Впрочем, от того прекращенного уголовного дела мы уйти никак не могли. Помню, путаницу в ход нашего разбирательства внесли показания двух свидетелей-медиков. Фельдшер, молодая яркая женщина, была вызвана в милицию, когда туда доставили Шутова. Поскольку у него была рассечена бровь, она выписала направление на пункт «Скорой помощи». В направлении указан диагноз: резаная рана над бровью. И ни слова не сказано о том, что Шутов был в состоянии алкогольного опьянения.

— Да, документ написан моей рукой. Отлично помню этот случай. Пациент был пьян так, что язык заплетался,—показала свидетельница.

— Но почему же в направлении вы не упомянули об алкогольном опьянении?—спросил адвокат.

— По рассеянности,—великолепно передернувшись, ответила фельдшерница.

Еще большую путаницу внес доктор с травмпункта, когда категорически заявил:

— По-помню, х-хорошо по-помню этого гражданина.—Доктор слегка заикался.—Я его принял, обработал рану.

— Он был выпивши?

— Аб-бсолютно т-трезв.

— А почему в вашем документе это не указано?

— А з-зачем? Т-трезвость п-подлежит не надо. В направлении не б-было указано на опьянение. В т-таких случаях мы эк-кспертизу не делаем.

— А ваше личное впечатление?

— Т-трезвым он был, я бы запах учуял, я жлиц-цо ему обрабатывал.

Теперь, снова перечитывая документы дела, я был абсолютно убежден: они никак не доказывали факт нетрезвого состояния Шутова. Моя юридическая подготовка уже столь основательна, что я знаю: если обвинение не доказано—нет и вины. Но тогда, в суде, я не успел еще прочувствовать всю неизбежность этого краеугольного камня правосудия. Слышать слышал, а точного смысла до конца не понимал. Но все же что-то, помню, говорил об отсутствии полной ясности.

— Прекращено—не прекращено уголовное дело, но истину-то мы должны найти, ведь Шутова уволили и за то, что он был пьян за рулем, а был ли он пьян—неизвестно.

— А зачем он тогда убежал?—посмотрела на меня поверх очков судья.

Да, почему убежал? Вот на этот вопрос я тогда не мог ответить. Да и сейчас, вновь читая дело, ответа не находил. Но теперь вся эта история представлялась мне не в таком уж благозвучном виде. Грызло что-то меня, сосало под ложечкой. Но материалы двух дел не давали ответа на вопрос: что же там на самом деле было?

И тогда я решил встретиться с Зубцовым. Встреча, впрочем, мало что дала. Он был вежлив, внимателен, но сух. И тем укрепил во мне догадку, что на суде он не сказал всю правду. Наоборот, небольшими штрихами он эту правду увел в сторону. Однако целиком опровергнуть версию Николая

Зубцова я не смог. Но мне удалось построить свою версию не только происшествию, но и версии—если можно так выразиться—личности самого Зубцова. Никакой юридической силы она, естественно, не имеет. Но для меня она убедительна.

Коренастый, широкоплечий, со светлыми, немного навязывают глазами, Николай нравился всем. Он поступил в автопарк после армии. И шоферы сразу приняли его как своего. Его любили, так сказать, и наверху и внизу. Когда все отворачивались от невыгодного рейса, начальник колонны знал: Зубцов не откажется. Пятерку до полочки стрелнуть—Коля последние отдаст.

С первых же дней Николай Зубцов записался в добровольную народную дружину автопарка, которая славилась в городе. Ее создал и ею руководил уже много лет пожилой механик Василий Евграфович Парамонов. Новое тогда дело привлекло многих. Парамонов на первом собрании сказал:

— Дружина—дело добровольное. Кто лично в ней состоять не желает—не надо. А кто такое желание имеет—напишите заявление, будем обсуждать.

Перед каждым выходом на дежурство он наставлял своих ребят:

— Наше дело не ловить нарушителя, а сделать так, чтобы не было его, нарушителя. В большинстве-то не лихачи нарушают—неумехи. Таким прежде подсказать надо, как ездить.

Так наставлял Парамонов свою дружину. Его упрекали: недостаточный охват, малое число задержаний. У него было на это один ответ: есть закон, вот когда я его нарушу, тогда и ругайте.

— Без вдохновения ты работаешь,—как-то сказал Парамонову инструктор,—а без вдохновения с нарушителями нельзя бороться.

— Можно,—сказал на это Василий Евграфович.—Нельзя без закона. А он у нас вполне справедливый и мудрый, если его не вверх ногами читать. Так что вдохновение, если оно помимо закона проявляется, ни к чему.

Инструктор глянул косо на Парамонова. Но от дальнейших прений воздержался: скользкая тема.

Словом, с Парамоновым хлопот было немало. Дружина росла медленно, а в иные времена вообще не росла и даже численно уменьшалась. Каково было выглядеть автопарку на радужном фоне общегородского роста рядов ДНД?! И, вполне вероятно, Василию Евграфовичу поручили бы другую общественную работу, если бы не начальник городского УВД. Полковник неизменно, хотя и вопреки статистическим данным, называл парамоновцев лучшей в городе дружиной:

— По-суворовски парамоновцы работают: не числом берут, а умением. В их районе порядок обеспечен. А что задерживают мало—так кого ж задерживать, если порядок?

Автодружинник Николай Зубцов тем, что такое закон и как его соблюдать, особенно не задавался. Он искренне и честно старался делать свое дело—бороться со злом, с нарушителями и хулиганами, которых ненавидел всей душой. Лозунг «Пусть горит земля под ногами хулиганов» он готов был превратить в самую реальную действительность. Николаю нравились эти слова, и он любил их повторять. Василий Евграфович однажды хмуро бросил:

— Ты, Коля, часом весь дом не спали.

— Стоит ли с ними нянчиться, Евграфыч,—весело и открыто ответил Зубцов,—а не ошибается тот, кто ничего не делает.

Вот этот Зубцов и был 23 ноября старшим автопатруля комсомольского оперативного отряда. Дежурство подходило к концу. Никаких происшествий. Это, конечно, хорошо. Но... Николай мыслил в тот день примерно так: «Не может же быть, чтобы в субботний вечер все ездил по правилам, не бывает такого. И чтобы все водители были трезвыми за рулем—тоже быть не может». К тому же в городе заканчивался месячник по борьбе за безопасность движения, и утром будет звонить корреспондент газеты: Николай накануне пообещал ему «интересное дельце».

...Светлые «Жигули» только что отъехали от ресторана под колеса.

— Шеф, разворачивай за ним,—скомандовал Зубцов.

«Волга», медленно набирая скорость, направилась за быстрой, верткой машиной. Нарушений правил дорожного движения водитель не совершал, но все же Николай открыл окно и вяло помахал светящимся жезлом. «Жигули» не остановились. Это задело Николая. Он велел ехать быстрее. Но как только «Волга» приблизилась к «Жигулям», те легко уходили. Николай заводился.

Наконец, машина остановилась, из нее высypало человек пять. Он подошел, когда водитель уже распрошлся с приятелями и усаживался поудобнее. Молодой, с сигаретой в зубах, водитель, как

показалось Николаю, подмигнул ему и громко хлопнул дверцей.

— Автопатруль народной дружины,—сказал Зубцов, открывая дверцу. Он хотел еще сделать повелительный жест своим светящимся жезлом, коему покорны должны быть все. Но, к своему стыду и позору, Николай вдруг ощутил в ладони непривычную пустоту. Он забыл, забыл символ своей дорожной власти. В это время жезл преспокойно лежал на коленях у Васи Хазина, другого дружинника, находившегося в «Волге», стоящей всего метрах в десяти.

Наглый владелец «Жигулей» меж тем смерил Николая ироничным взглядом.

— Детка,—сказал он,—и уважаю власть и закон лишь в официальном мундире.

Дверца мягко щелкнула замком, когда «Жигули» уже набирали скорость...

Как задержали водителя «Жигулей»—установил суд. Шутов при этом категорически отрицал, что задел кого-нибудь из прохожих своей машиной. По его словам, когда он заглушил двигатель, Зубцов сказал:

— Ты, подонок, ты... ты... человека сбил. И скрывается пытаешься. Понял!

— Очнись, парень,—рассмеялся водитель,—какого еще человека?

— Ладно, разберемся,—угрожающе процедил Зубцов, а Вася Хазин молча ахнул...

Зубцов тогда в суде все изложил по-другому, как вы помните. Когда я говорил с Васей в автопарке, то без труда уловил в нем какое-то смущение.

— Конечно, сбил, а кто же его сбил?—твердил мне Вася.

— Ты лично видел это?

— Я в ту сторону не смотрел. Но зачем бы мы погнались за ним? При чем тут видел, не видел?

Уходил Вася от прямого, честного ответа, юлил, глаза свои ясные прятал.

Но там же, в парке, у меня произошла совсем уже неожиданная встреча. Я увидел... «потерпевшего», Зиновьева. Поинтересовался, кто это такой.

— Алкаш-то этот?—переспросил Василий Евграфович.—Классный, между прочим, был шофер. Теперь в основном на заднем дворе гастронома. С год как уволили. Знакомый вам?

— Встречались...

Память высветила эпизод в зале суда. Когда Зиновьева спросили, знает ли он кого-нибудь из сидящих, тот кивнул на Шутова. Но на первой скамье сидели и Зубцов и Хазин. Их-то он знал! И они его знали, надо полагать. Но тогда...

Я пытался поговорить с Зиновьевым, пива ему даже купил.

— Ты, друг, почему заявление-то написал?—спрашивал я его.—Сначала молчал, а потом вдруг...

— А-а-а, писаки-кусаки...—болтал выпивший Зиновьев.—Сказали написать, а мне что, неграмотный я, что ли? Я тебе, хошь, целую книгу напишу.

Кто сказал—этого я у него не допытался. Но заметил, что он все время повторял странное слово: «Строкать».

— Что это за строкать?

— Строкать? Кто в газете строку гонит—вот кто.

Уж не автор ли фельетона, мелькнула во мне догадка, посоветовал Зиновьеву написать заявление? То-то мне еще на суде показания «потерпевшего» сразу показались странными, хотя сам наезд считался как бы установленным безусловно. Теперь я понял, что немалую роль сыграл в этом фельетон «Шалости доктора». Газета своим авторитетом сомнительному или, во всяком случае, юридически не установленному обстоятельству придала силу факта. Вот от этой печки все и танцевали...

Итак, все началось с фельетона. И я решил поговорить с его автором.

Направляясь в редакцию, я задавал себе более или менее определенный вопрос: а что, собственно, я скажу автору? Или о чем спрошу? В фельетоне описывался главным образом банкет в ресторане. Но банкет был—это факт. Была и погоня за Шутовым. И уголовное дело возбуждалось. Это все действительные факты. Поэтому я должен говорить лишь о том, как они изложены, о впечатлениях. То есть о том, что точному измерению не поддается. А я, математик, уверен—то, что не просчитывается, не измеряется и не взвешивается—весьма шаткая основа для установления истины.

Автора фельетона я представлял себе таким разгребателем грязи. Соответственно рисовал для себя и его облик. А мне улыбался толстый вихрастый парень в джинсах и глянцевого оранжевой куртке из кожзамента.

Я представился, объяснил, что участвовал в рассмотрении дела Шутова, подписался под решением суда. Но теперь, после неожиданной встречи с самим Шутовым, вновь вернулся к этой запутанной истории.

— Вам не кажется странным одно обстоятельство? Пожалуй, главный пункт обвинения Шутова — это то, что он был пьяным за рулем. Так? А ведь доказательств этому нет!

— Шутить изволите?

— Нет, серьезно, вы помните показания двух медиков? Девушки-фельдшера и врача с травмпункта? Их показания противоречивы! А экспертизы не было! Где ж истина?

— Истина? А истина в том, что в нашем городе за третий квартал число дорожных происшествий увеличилось на три и две десятых процента. Шутов, думаете, на банкете молочко пил?

— А если все-таки молочко?

Он ничего не ответил, но посмотрел на меня с насмешкой. Это задело меня.

— Разрешите, Аркадий, задать вам еще один неприятный вопрос. Это вы посоветовали Зиновьеву написать заявление?

— Конечно, я. Этот лопух, даже если бы его до полусмерти задавили, никуда бы не обратился.

— Вы раньше его знали?

— Нет, мы, как говорится, вместе не служили. — Моего собеседника будто подменили, и он стал говорить грубовато. — Послушайте, вы, кажется, сомневаетесь в вине этого доктора?.. Считаете мой фельетон... ошибочным?

— Ничего я не считаю. Но мне кажется, что вы допустили в изложении фактов некоторые натяжки. Вот вы бросаете упрек некоей Галочке — она-де сменила белый халат на декольте. Ей, что ж, в медицинском халате в ресторан идти?

— Во-первых, — ответил мой собеседник, — журналист картину создает... А потом разве это имеет значение?

— Но если бы не имело, вы бы, очевидно, не упоминали.

— С вами не соскучишься, — зло сказал фельетонист. — Вы о фактах беспокоитесь? Пожалуйста. Знаете ли вы, что Шутов до этого дважды лишался водительских прав? За то, что нетрезвым руль в руки брал. А почему Шутов бежал от дружинников? В третий раз пьяным не хотел попадаться — вот почему! Впрочем, товарищ народный заседатель, уж вы-то свои сомнения могли в совещательной комнате изложить. Не так ли?

Это был удар ниже пояса. Но, подумав, я вынужден был признаться себе — удар по заслугам. Ведь действительно, я имел возможность выяснять в суде то, что пытался — и пока безуспешно — установить сейчас.

И все же после этой встречи я убедился: а) в том, что фельетон предвзят и необъективен; б) в том, что доказать это мне труднее, чем казалось.

У меня опустились руки. Я пришел домой, сел за свой письменный стол и уставился в щитовую. Х-м. «Нужно бежать за безнадежным мячом!» Куда бежать-то, если не видно самого мяча?

Хорошо, сказал я сам себе после долгого раздумья, надо начинать сначала. Началось все с уголовного дела, которое прекратили. Значит, историк там...

Следователь, к которому я пришел, был молод и самоуверен.

— С кем только не приходилось мне беседовать, но с народным заседателем впервые. — Меня он, по-моему, всерьез не принимал.

— Дело Шутова вы, конечно, помните? — начал я. — И все же я вам его изложу со всеми странностями.

— Слушаю со всем вниманием, — опять этот насмешливый тон.

— ...А знаете ли вы, что потерпевший некогда работал вместе с дружинниками! — в конце рассказа выложил я свой последний козырь.

Следователь выгнул одну бровь — мое сообщение, очевидно, достигло цели. Но сказал не то, что я ожидал:

— А вам известно, что Шутов дважды наказывался за вождение машины в нетрезвом виде?

— Известно. Но разве это доказывает, что и в третий раз он был пьяным?

— Нет, конечно, — согласился следователь, — а все же...

— Все же... — перебил я следователя, почувствовав вдруг себя на коне. — Знаете, единственный, кто логичен в этой истории до конца, — это Шутов! Да, да. Даже если считать, что он лжет. Повторяю, в этом деле непротиворечива лишь позиция Шутова.

— Я тоже обратил на это внимание, — согласился следователь. — И потому дело прекратил... И Шутов, кстати, не возражал против этого.

— Не возражал, потому что полагал, что на этом все кончится. А этим все началось. Ведь его уволили.

— Слышал. У меня были общественники из института. Я им предоставил материалы дела. Но не я же увольнял Шутова.

— Знаете, кто его уволил? Фельетонист!

— Остроумно, — бровь следователя выгнулась

крутой дугой. — Н-да, фельетон, конечно, небезупречен. Но журналисты ведь не юридические акты пишут, они... творят, у них фантазия.

— Но вы-то, вы же пишете акты юридические. В вашем же акте с человека по форме вина снята, а по существу возведена на человека вина. Вы воздвигли некую кучу песка, в которой все вязнет.

Я говорил еще долго, все больше волнуясь. Следователь слушал молча, спокойно, а когда я кончил, сказал:

— Допустим, вы правы. — Он уже был серьезен. — Мы с вами представляем два начала. Я — обвинитель и, допустим, обвиняю недостаточными, как вы убеждены, средствами. Вы — судья. Не так ли? Ведь вы в самом деле были судьей в деле Шутова...

Я чувствовал, как жаркая краска заливает лицо. Впервые, пожалуй, со всей отчетливостью я понял простую истину: нужно прежде всего оценивать себя, свои поступки, свою ответственность. До сих пор в своем частном расследовании я искал виновных среди других: обвинял судью, которая все время возвращала нас на узкую стезю трудового спора; пытался уличить в недобросовестности дружинников, потерпевшего, фельетониста, фельдшерицу, представителей института, следователя.

Ну, а сам я? Я — носитель высокой миссии правосудия? Я — человек, которому доверено вершить судьбы людей? Лично я-то за что-нибудь отвечаю?

Но что я, собственно, могу? Разве в совещательной комнате я не отстаивал свое мнение?..

— Ну-с, коллеги, — сказала судья, когда мы остались втроем, — каковы ваши суждения по делу?

— Ой, Галина Леонидовна, — Люба привстала, как ученица, — этих пьяниц, особенно за рулем, надо навсегда сажать... Напротив нашего универмага на днях мальчишку сбили...

— Не будем, Люба, отвлекаться, — строго сказала судья. — Значит, вы полагаете в иске Шутову отказать?

— В иске? Н-не знаю, — вдруг растерялась Люба.

— А ваше мнение? — Вопрос был обращен ко мне.

Да, сомнения у меня были. Я их высказал прямо и честно. Галина Леонидовна выслушала и сказала:

— Восстановлю Шутова на работе, мы тем самым повергаем в недоумение администрацию и общественность института. Кроме того, ставим под сомнение фельетон в областной газете. Как воспримут там наше решение?

— Можем ли мы исходить из того, как воспримут?

— А разве можем не учитывать? Впрочем, если я останусь в меньшинстве — напишу особое мнение. Если останетесь в меньшинстве вы — имеете точно такое же право.

Я сделал самое худшее: проголосовал за отказ в иске Шутова вместе со всеми. Придя домой, стал писать особое мнение. Писал, зачеркивал, снова начинал. Наконец, бросил исписанные и исчерканные листки в нижний ящик стола. И успокоился. В конце концов разве мог я себя в чем-нибудь упрекнуть? Ведь я сделал все, что было в моих силах. Я вернулся к своим ЭВМ, в родной коллектив. На расспросы коллег о том, как я «вершил правосудие», лицемерно пожимал плечами: не боги, мол, горшки обжигают...

И вдруг эта встреча в подземном переходе. Встреча, после которой я уже не мог спокойно работать, спать, смотреть людям в глаза, особенно Шутову. Вот тогда я понял, что обязан бежать за безнадежным мячом. Иначе... Иначе я никогда не смогу уважать себя...

Вот такой рассказ пришлось мне выслушать. Я посоветовал моему посетителю обратиться в Верховный суд, заверил, что там его обязательно примут и помогут найти истину.

Он позвонил мне через несколько дней.

— А знаете, дело обещали истребовать. — Голос его звучал радостно, будто дело уже решено. — Но не в том суть — за это время я многое понял. Для себя лично. И уж до конца дней не сниму со стены свою философско-футбольную мудрость.

От редакции.

Эта история, записанная журналистом со слов народного заседателя, представляется нам заслуживающей того, чтобы поговорить о нравственно-этической стороне поступков людей, которых свела друг с другом в общем-то будничная, отнюдь не исключительная житейская ситуация.

Кто из героев очерка действовал, на ваш взгляд, в нарушение общепринятых моральных норм и какой урок извлекает они из этой истории?

Приглашаем вас к разговору на эту тему.

СПАСИБО ЧИТАТЕЛЯМ

Новый Уренгой: книги собраны — библиотека работает

«Смена» уже отработала своим друзьям и читателям, что в Новом Уренгое открыта библиотека для детей и юношества. Уже выданы и прочитаны первые книжки, которые еще совсем недавно лежали на книжной полке у русского и узбекского мальчика или у эстонской и армянской девочки. В адрес этой библиотеки поступают все новые и новые посылки.

Сообщаем имена читателей журнала, приславших книги юным читателям Приполярья: В. Исавва из Ясного, Е. Егоровича из пос. Азия Башкирской АССР, Т. и Г. Мандановы из пос. Ангарский, школьники из пос. Артем Приморского края, учащиеся школы № 23 из пос. Авангард Приморского края, Г. Огородников из пос. Березовка, учащиеся 2-В класса школы № 1 из пос. Билибино Магаданской области, учащиеся 4 класса школы № 4 из Башкирии, школьники из пос. Белокрыница Тернопольской области, А. Кузьмина из Иркутской области, В. Сотников из с. Галышманово, Лебедевы и учащиеся 6 «Б» класса школы № 2 из пос. Гаджиево Мурманской области, О. Шебаухов из пос. Домбай, учащиеся 4 «Б» класса школы № 7 со ст. Дядьковская Краснодарского края, учащиеся 5 класса Успенской школы Донецкой области, школьники из пос. Жиганск ЯАССР, школьники из с. Заянье, учащиеся 5 «Д» класса школы № 60 из с. Заиграво, работники детской библиотеки из пос. Заметчино Пензенской области, С. Шинкарев из пос. Заозерный Красноярского края, студенты 3 «Б» курса педучилища со ст. Зубова Поляна, учащиеся 5 «А» класса школы № 8 из пос. Заводской Ростовской области, учащиеся 3 класса школы № 2 из с. Ихала, В. Туманов из пос. Кадуй Вологодской области, школьники из с/з Керменчик, Ю. Зазнобин из пос. Косулино, Н. Васильева из Калининской области, Л. Харлашкина из пос. Коржма Архангельской области, учащиеся 3 класса школы из пос. Кругловский, школьники из с. Красная Звезда, Л. Ермолаева из пос. Куеда Пермской области, Н. Дулланикина из пос. Кулунда Алтайского края, учащиеся 5 «А» класса школы № 20 из пос. Красный Октябрь Краснодарского края, учащиеся 3 «В» класса школы № 2 из пос. Комсомольский Мордовской АССР, Т. Амурова из пос. Курчатов Курской области, школьники из пос. Кубово Карельской АССР, школьники из Кустанайской, Куйбышевской, Киевской и Курганской областей, М. Тихонова из с. Лев Толстой Калужской области, О. Лопатина со ст. Лысогорская, учащиеся школы № 10 из пос. Лобва Свердловской области, Г. Габрусенко из пос. Лебяжье, В. Никитина из пос. Мирный Куйбышевской области, школьники из с. Манусток, Т. и В. Мальцевы из пос. Медвежинский, учащиеся 2 «Б» класса школы из с. Мирновка, С. Осипова из пос. Михайловский, учащиеся школы № 1 из пос. Мошенск, учащиеся школы № 3 из пос. Могильно, А. Баташова и О. Звягина из пос. Медногорск, М. Калинин из г. Мустваз Эстонской ССР, Т. Андреева из с. Мареве, работники зональной библиотеки из с. Мостки Ворошиловградской области, сотрудники инженерно-строительного института из Макеевки Донецкой области, сотрудники библиотеки из с. Новопокровка, учащиеся 4 «А» класса школы № 8 из пос. Никольский, Л. и С. Куликовы из дер. Нелидово Калининской области, учащиеся 7 «В» класса школы № 1 со ст. Ново-Увельская Челябинской области, члены отряда имени Л. Беды из с/с Новопокровский Карельской АССР, учащиеся 7 «Б» класса школы № 11 с/з Октябрьской, школьники из с. Орелец, Т. Махрова из дер. Овсине Ленинградской области, А. Маркина из дер. Озеро Калужской области, школьники из Омской и Одесской областей, Ж. Романов из пос. Путилово, Н. Иванова из с. Покосное, члены КИД «Глобус» из с. Первомайское, Н. Поповникова из пос. Полевское, школьники из с. Первомайка, школьники из с. Памятное Курганской области, С. Хуснутдинова из пос. Пионер, школьники из с. Покровка, А. Бойко из с. Плетаново Оренбургской области, Т. Давыдова из пос. Ревда Мурманской области, С. Зелен-Лукских и Бессоновы из с. Сары-Тюз, школьники из с. Сурдинское, И. Соловьева из пос. Старовое, О. Жирдецкий из пос. Солнечный, Фатьянова и Ерохина из пос. Смирный, Т. Глушко из пос. Судак Крымской области, В. Рукавицын из с. Солнечное Алтайского края, Н. Стульнева из с. Садовая, А. Семакова из Свердловской области, В. Коротченко из пос. Тюльган, В. Кучер из с. Таужиня, Л. Латынова из дер. Туктагулово, школьники из с. Ушаково, члены дружины имени Л. Чайкиной из с. Черемыш, учащиеся школы № 59 из пос. Чархин Самаркандской области, школьники из с. Шатрово, учащиеся 5 «В» класса школы из пос. Шумляги, Н. Елюмова со ст. Эльтон, учащиеся школы № 2 из пос. Юрьевиц, О. Пугачева из с. Яшкино.

Редакция благодарит читателей, приславших книги в библиотеку столицы газодобывчиков.

Новые книги просим посылать по адресу: 626718, Тюменская область, город Новый Уренгой, библиотека для детей и юношества.

Как спорт строит человека

Леонид ПЛЕШАКОВ

В двадцать четыре года Юрий Варданян стал обладателем двадцати шести мировых рекордов в тяжелой атлетике среди штангистов полусреднего и среднего веса. Шесть раз он обновлял высшие мировые достижения среди юниоров. В двадцать четыре года стал олимпийским чемпионом, победителем четырех мировых, трех европейских и двух всесоюзных первенств. По два раза он был чемпионом страны, Европы и мира среди юниоров.

Такого результата в его возрасте не добивался ни один штангист за всю историю спорта. Даже феноменальный Давид Ригерт и «железный гагаец» Томи Коно, выступавшие в тех же, что и Варданян, весовых категориях.

Честно говоря, тяжелая атлетика — занятие на любителя. Вам приходилось когда-нибудь поднимать штангу? Не меритесь силой дурачась, а все-раз, регулярно, в течение многих лет приходите в спортивный зал и после хорошей разминки начинать бесконечные рыжки, толчки, приседания, тяги, всякие подсобные упражнения, до одеревенения мышц, до отупляющей усталости, пока не наберется запрограммированное количество тонн? Если приходилось, то вы поймете, насколько это изматывающее своей монотонностью дело. Тут мало эмоций, потому что твой соперник — немой металл. Одолеешь ты штангу или она вырвалась у тебя из рук — он только иронично лязгает о помосте всем весом навешанных на гриф «блинов». Может быть, оттого и сами штангисты — народ не особенно разговорчивый и эмоциональный и походка у них неторопливая, весомая, не идут — пуды отливают.

«Большим штангистом» надо родиться. Хотя сейчас в любом спорте без природного дара далеко не пробьешься. А еще нужно сразу поставить перед собой большую цель и рассчитывать силы на всю стайерскую дистанцию, ведущую к ней. И, конечно, необходима железная воля. Не для соревнований, не для единоборства с соперниками — там, и так понятно, слабым духом делать нечего — железная воля нужна для монотонного труда на изнурительных тренировках, для преодоления самого себя и предельского желания бросить все и сойти с середины дистанции.

Юрику Варданяну повезло. И в том, что обладал он всеми необходимыми качествами, чтобы стать хорошим спортсменом, и в том, что у начала его восхождения к спортивным вершинам стоял его дядя Сережа Андроникович Варданян. Юрий называет его варлетом, что в переводе с армянского значит «мастер». В этом слове улавливается оттенок: варлет — человек, не просто блестяще освоивший какое-то ремесло, но способный передать свой опыт, умение другим.

До армии Сережа Андроникович сапожничал в артели. К двадцати годам так освоил эту профессию, что мог шить модельную обувь на любой, самый привередливый вкус. Наверное, из-за специальности в армии его определили капернарусом роты. Вот тут-то и началось его увлечение тяжелой атлетикой. В роте была штанга. Варданян отобрал группу солдат покрепче, соорудил вместе с ними помост, кое-какое простейшее оборудование, начал тренироваться сам и тренировать других. Дела пошли хорошо. Упорного капернармуса заметили, даже пригласили на тренировочные сборы в Москву, в ЦСКА. Демобилизовывался Сережа Варданян перворазрядником, чемпионом Ленинградского военного округа в легчайшем весе.

Вернувшись в Ленинакан, он хотел было продолжить занятия спортом и однажды даже выступил в соревнованиях. Но тренировки тяжелоатлетической секции «Локомотива», куда он записался, проходили как-то скучно, без того азарта, к которому привык в армии. Короче, скоро он забросил штангу. А когда женился и у него родился сын, спорт окончательно ушел в область воспоминаний.

То, что произошло дальше, нелогично. Сам Сережа Андроникович объяснить этого не может. В 1962 году, после семилетнего перерыва, он неожиданно для себя снова пришел в тяжелоатлетический зал «Локомотива». Удивительно, но мышцы «помнили» металл. Ему был уже тридцать один год, но результаты, которые он показывал сейчас, были не хуже прежних. Больше всего это удивило его самого. И он снова начал тренироваться, хотя «мухачи» в этом возрасте обычно сходят с помоста. Чтобы иметь более удобный рабочий режим, Варданян переводится с обувного комбината слесарем на текстиль-

ную фабрику. Тренируется сам, набирает группу мальчишек и тренирует их на общественных началах. Именно в это время в руководимую им секцию пришли юноши, которые со временем станут перворазрядниками и мастерами спорта, и среди них Вартан Милитосян, будущий чемпион Европы, призер мирового первенства и Олимпийских игр.

Сам Сережа Андроникович сможет выступать еще три года. Он станет мастером спорта, чемпионом и рекордсменом Армении, победителем первенства ЦС «Локомотив». Но возраст — это возраст. И самое обидное, что уходить с помоста ему приходилось в тот момент, когда штанга только-только начала по-настоящему открывать свои тайны. Он не мог допустить, чтобы знания и опыт пропали бесследно, он должен был отдать их другим и с этими другими идти дальше. Он становится тренером. Если бы тогда ему удалось сбросить лет двадцать, он бы точно знал, с чего ему начинать, как рассчитать тренировочные нагрузки по годам, чтобы выжать максимум из заложенных природой данных. Но его годы оставались при нем, и Сережа Андроникович решил, что не пройденный им путь продает его племянник, сын брата Нораира — Юрий. А было тому в то время лет семь-восемь.

— Мы жили тогда с братом в доме своего отца, и Юрий был первенцем в нашей семье: первым внуком, первым сыном, первым племянником. У нас, армя, очень ценится первенец. К тому же, живя одним домом, мы не делаем разницы между собственными детьми и племянниками — все родные. Так что Юрий мне был все равно что сын. Даже теперь я отношусь к нему так же, хотя уже имею троих собственных.

Это рассказывает мне Сережа Андроникович Варданян, дядя и тренер штангиста, собравшего к двадцати четырем годам уникальную коллекцию рекордов и громких титулов. Он понимает, что сам является соавтором этих спортивных достижений и

ЭТА ТРУДН

что их золотой ответ создает вполне заслуженный ореол и вокруг его работы. Но он не упирает в своем рассказе на эту сторону дела, а старается подчеркнуть, что под будущие достижения Юрика была заложена прочная база взаимного доверия не просто спортсмена к тренеру, но еще племянника к дяде, которые любят друг друга, как отец и сын.

— Я рано увидел: из Юрика может вырасти хороший спортсмен. Он рос крепким, подвижным, координированным. С пяти-шести лет я брал его на тренировки, возил на соревнования, так что тяжелая атлетика рано стала для него понятным и близким делом. Я не разрешал ему возиться с железом. Но с простой палкой, имитировавшей штангу, Юрий еще в детстве технично выполнял темповые движения — рыжок и толчок. У него не было силы. Но она должна была прийти с возрастом.

Нораир, сам когда-то занимавшийся спортом, не возражал против планов брата. Только мать Юрика, Ася Леоновна, как-то не сдержалась:

— Сережа, а что, если из-за штанги Юрий не вырастет и на всю жизнь останется таким же маленьким, как ты?

Что он мог возражать? Всякая мать желает своему ребенку добра. А разве сам он хотел Юрику другого? Только и ответил:

— До четырнадцати лет пусть занимается любым видом спорта.

Юрик по-прежнему был завсегдадаем тренировок и соревнований тяжелоатлетов, но сам увлекался игровыми видами. В волейболе его успехи были столь заметны, что он был включен в сборную школьников Армении, а на первенстве дорожного совета «Локомотива», выступая за взрослую команду Ереванского района, был признан лучшим нападающим. Ему прочили блестящее будущее в этом виде спорта, но когда племяннику исполнилось четырнадцать лет, дядя сказал, как и обещал:

— Хватит. Теперь будешь тренироваться у меня. И на следующий день Юрий впервые вошел в тяжелоатлетический зал Ленинаканского «Локомотива» не племянником Сережи Андрониковича Варданяна, а его учеником.

Я был там. В крошечной тренерской комнате вместе с директором спортзала Робертом Ефремовичем Мурадяном и Сережей Андрониковичем мы

обсуждали проблему, которую они вот уже более двух лет пытаются разрешить без особых надежд на успех.

Первые победы учеников Варданяна сделали тяжелую атлетику популярным среди ленинаканцев видом спорта, а после громких триумфов Юрика она стала модой. Как в иных городах родители ведут своих сынов в секции плавания и фигурного катания, так здесь стараются «устроить на штангу». Спрос, как говорится, опережает предложение.

— Раньше мы тренировались в маленькой комнате, которая теперь переоборудована под раздевалку, — вспоминает Варданян. — Там не было даже помоста. Мы заасфальтовали землю, но стоило пару раз грохнуть штангой об асфальт, как он покоребился, потрескался, и при каждом подходе из трещин летела пыль... А теперь видите, какое помещение нам отдали?

«Локомотив» и вправду не поскупился. Он переоборудовал под штангу бывший игровой зал. Построили тут парилку с бассейном и душем, отвели комнаты для тренеров, раздевалки. Но дело так и не довели до ума. В огромном зале, вместившем девять тренировочных и два разминочных помоста, из спортивного оборудования имеется всего четыре штанги и один ободраный до досок гимнастический козел. Нет шведских стенок, скамеек, лежаков и станков для отработки подсобных упражнений, нет стоек и подставок для штанг. Нет элементарных стульев или табуреток для отдыха спортсменов между подходами. Нет стульев даже в раздевалках, и, переодеваясь, ребятам и их наставникам приходится прыгать на одной ноге, чтобы другой попасть в тренировочное трюко.

Все это трудно понять и объяснить. Кажется, яснее ясно: чуть-чуть больше внимания и помощи — и Ленинакан может стать крупнейшим центром тяжелой атлетики. Для этого имеется главное: мальчишки, мечтающие повторить спортивный подвиг земляка. Но увы...

Не слишком ли мы беспечны, теряя молодые таланты именно из-за сиротской неустроенности спортивных секций? История дяди и племянника Варданянов не правило, а исключение! Потому что исключительной оказалась вера обоих в реальность поставленной цели, исключительной была и их воля при достижении ее.

Теперь я буду рассказывать только о самом Юрике Варданяне.

Каждый скажет, что это везучий человек. Кажется, ему везло всегда и во всем. Даже в характере. Эмоциональный по натуре, он реагирует на все, что происходит вокруг, а потом умеет достоверно и сочно рассказывать об увиденном и услышанном. В его манере изложения фактов есть что-то артистическое. Таков он от природы. Я приехал к Варданяну в самый разгар промозглой, неровной зимы. Было холодно, ветрено, неуютно. На другой день Юрику необходимо было поехать в Ереван, и я набился в попутчики. За Ленинаканом дорога долго струилась среди голых сглаженных холмов и полей, густо усеянных камнями. Ближе к Еревану в эту суровую и в общем-то унылую картину стали врываться сады, виноградники, веселые поселки, а сама столица республики встретила ярким, теплым солнцем. Юрий объяснил, что его родной город находится в самом суровом краю Армении, что раньше его считали местной Сибирью. Но сказано это было так, что явные недостатки его города казались достоинствами: глядите, мол, какой он мужественный, не то что этот изнеженный Ереван. И это вовсе не выглядело квасным патриотизмом, а просто было мнением убежденного оптимиста.

О его физической одаренности пишут много и восторженно. Соревнуясь-де с легкоатлетами, обгоняет спринтеров, в высоту берет два десяти — два двенадцать, а в длину с места прыгает, как завзятый прыгун. Его спортивный талант отмечен и оценен официально: в последние четыре года Юрику Варданяну, лучшему тяжелоатлету сезона, присуждается специальный кубок — своеобразный «Оскар» штангистов. В прошлом году Международная федерация тяжелой атлетики по специальной формуле стала определять лучшего штангиста среди всех весовых категорий. И Юрий Варданян стал первым лауреатом Олимпиады-80.

Везло ему даже в том, как он шел вверх по спортивной лестнице: просто, легко прыгал со ступеньки на ступеньку. Участвуя в 1970 году в своих первых соревнованиях, он вырвал пятидесятикилограммовую штангу и толкнул шестьдесят пять. Сумма в два с половиной раза превышала его собственный вес. А дальше все шло по схеме: Юрик тяжелеет на один килограмм, его результат в двоеборье — на 10—15. Быстро проскочив первые весовые категории, он на полтора года задержался в легком весе, на три — в полусреднем, на столько же — в среднем. В семнадцать лет он стал мастером спорта, в восемнадцать — мастером спорта международного класса, в двадцать — заслуженным мастером спорта, к стати, самым молодым за всю историю нашей тяжелой атлетики.

Спортивное счастье щадило его нервы и самолюбие. За десять лет выступлений в соревнованиях он всего четыре раза уступил первое место. Дважды — когда еще школьником участвовал во взрослых первенствах страны. Но четвертое и шестое места, занятые им в 16 и 17 лет, были, по сути дела, его заливками на будущие победы. Еще две оески случились на Кубке СССР и чемпионате Европы: он не смог осилить первоначально заявленные веса в рывке. А в остальном все проходило гладко: его заранее считали фаворитом, и он оправдывал ожидания.

Однако было бы ошибкой считать, что высокие результаты давались ему легко. Когда вы видите его, сияющего, высоко подпрыгнувшего на помосте после покорения очередного рекорда, ради бога, не обманывайтесь и не считайте, что жизнь рекордсмена соткана сплошь вот из таких радостных эпизодов. То, что вы видели, — лишь мгновение короткого праздника, мгновение, взгромоздившееся на потные, натруженные плечи бесконечных рабочих будней, о которых почему-то не принято говорить, а тем более показывать.

Любителей спортивной статистики приводит в

Юрик вернулся, но до первенства мира оставался всего месяц, а его форма была равна нулю. Ему предстояло совершить невозможное: в какие-то недели наверстать то, что он растерял за месяцы. И он пошел на это, только поставил одно условие: на тренировочный сбор в Подольск с ним поедет мама. Я не помню другого подобного случая в истории нашего спорта.

Я попросил Юрика объяснить его необычную просьбу. Он только спросил:

— А вы знаете, как мне в то время приходилось работать?

У него со штангой особые отношения. Человек эмоциональный и темпераментный, Юрик даже спортивный снаряд воспринимает как нечто одушевленное. Для кого-то штанга — мертвый металл, для него — партнер, самое доверенное существо. Варданы признался мне, что когда выходит на помост к рекордному весу, то не испытывает к штанге ни чувства вражды, ни страха. Кроме него самого, только штанга знает, на что он способен, только ее одну он не может перехитрить, ибо только она одна по-настоящему проверяла на тренировках силу его мышц. Да и он ее знал досконально. Заглубившись от мозолей ладонями он мог уловить разницу в толщине грифа разных снарядов, пусть эта разница равнялась только одному миллиметру.

И тогда в Подольске он знал твердо: штанга не простит ему пропущенных тренировок до тех пор, пока он не вернет прежнюю форму. Он тренировался по три раза в день. Разминка. Рывки, толчки, тяги, приседания. Все по жесткому графику, рассчитанному тренерским советом так, чтобы к Салонику достигнуть пика формы. В общей сложности в день он поднимал до сорока тонн. И когда сил уже не оставалось, а Сережа Андроникович требовал продолжить подходы, Юрик говорил:

— Все, дядя, хватит. Не могу больше...

Мать ничего этого не видела. За десять лет, что Юрик занимается тяжелой атлетикой, она ни разу

вспомнил давние свои планы и остался доволен: голова теперь не кружилась, он был в полном порядке.

Планировать на грани несбыточной мечты он любил.

В 1973 году наше телевидение показывало розыгрыш очередного первенства мира по тяжелой атлетике. В полусреднем весе чемпионом стал двадцатилетний болгарский атлет Недельчо Колев, обновивший к тому же несколько мировых рекордов. Блестящее выступление болгарина вызвало у семнадцатилетнего Варданыя своеобразную реакцию: если такое сумел в двадцать лет Колев, значит, смогу и я. Слова «могу» и «должен» для него давно уже стали синонимами. Три года он тренируется, имея перед собой эту цель, и в 1976 году достигает ее: первый раз становится чемпионом планеты.

Давид Ригерт всегда был для Юрика кумиром. Не только за его победы — импониовала сама манера выступлений. Он выходил на помост сражаться, полностью отключаясь от всего: зрителей, судей, фотокорреспондентов. Казалось, что в тот момент в огромном спортивном дворце для Давида не существовало ничего, только он и штанга. Случалось, штанга не поддавалась ему, но даже после неудачи Ригерт не выглядел побежденным, он оставался бойцом, который готов вновь помериться силами с металлом. Варданы замаяхнулся на рекорды Ригерта в среднем весе и намного превзошел достижения своего кумира.

Неудачное выступление Давида на Олимпиаде-80 огорчило Юрика. Он понимал, что в интересах команды тот должен был перейти в более легкую категорию, согнать большой вес, что в конце концов закончилось срывом и «баранкой». Неудачи могут случаться с каждым, но Варданы считал, что они не должны происходить с Ригертом: он не имеет права ронять престиж своего имени. Лучше уж вообще отказаться от выступления. Он честно сказал об этом другу и даже добавил:

— Давид, я по-прежнему уважаю тебя как человека. Но как спортсмен ты уже не можешь быть для меня примером.

Ригерт не обиделся, только ответил:

— Я старше тебя на девять лет: доживешь до моего возраста — поймешь, как трудно выступать и держать форму.

— А я и не буду тянуть до твоего возраста. Уйду сразу, как только почувствую, что могу проиграть.

Для его эмоциональной натуры даже выигрыш за счет тактики неприемлем. Мне он признался, что постарается выступить на Олимпиаде-84. Но если увидит, что в его выступлении не будет прежнего блеска, уйдет с помоста раньше.

А вообще у него есть еще одна мечта. Томи Коно, выдающийся тяжелоатлет 50—60-х годов, становился сильнейшим штангистом мира в трех весовых категориях. Юрик не видел его выступлений, они встречались на соревнованиях в Москве и Лас-Вегасе, когда Коно был уже только тренером. Но Варданы приглядывался к своему кумиру как к сопернику, которого нужно победить.

Я думаю, ему это по силам. Он уже становился чемпионом мира в двух весовых категориях. Четыреста килограммов, показанные в сумме на Московской Олимпиаде, могли сделать его чемпионом не только в среднем весе, но и в двух следующих категориях. Так что очередная цель Варданыя не только достижима — он может повторить и превзойти не побитый еще рекорд Томи Коно.

И еще. Жизнь чемпиона и рекордсмена тяжела не только потому, что ему ежедневно приходится ворошить тонны металла. Гнет славы не менее тяжок. Юрик избран депутатом Верховного Совета Армении, и это прибавляет ему забот. Но к нему идут не только как к депутату. Просто для того, чтобы переборщить парой незначительных фраз, чтобы выразить свой нескрываемый восторг, просто позвать «железную» руку Чемпиона. Каждый день почтальон приносит ему письма. Кто-то восхищается успехами, кто-то шлет пластинку с любимой песней, какой-то второклассник клянется хорошо учиться и тоже стать со временем спортсменом.

Я побывал у него дома, но нам так и не дали поговорить: все время звонил телефон, кто-нибудь приходил, поздравлял, говорил комплименты, которые в умеренной дозе были бы приятны, как мед, но в избытке становились, как мед же, приторными и липкими. Он вынужден, чтобы не обидеть добрых людей, все это выслушивать с улыбкой, поддакивать и терпеть — в общем, нести свой чемпионский крест.

— Если бы вы знали, как это изматывает! Иной раз приходишь в бешенство, еле сдерживаешься... На помосте гораздо легче, — искренне признается он и снимает телефонную трубку, чтобы выслушать очередное поздравление и в очередной раз вежливо поблагодарить за него.

АЯ ШТАНГА

восторг такой факт: трижды Юрик Варданы устанавливал в одних соревнованиях по пять мировых рекордов. Сначала это случилось на первенстве мира 1978 года, потом на Спартакиаде народов СССР в 1979 году и, наконец, на Олимпиаде-80. В последний раз на помосте Дворца спорта «Измайлово» он набрал в сумме 400 килограммов, побив на десять килограммов прежний рекорд мира и на 35 — высшее олимпийское достижение. Зрителей, наблюдавших за состязаниями, особенно умилило сообщение судьи-информатора о том, что все свои рекорды новый олимпийский чемпион посвящает своей средней сестре Воски. Честно говоря, в тот момент мне показалось, что вся эта трогательная история сработана кем-то из коллег по перу, сумевшим не только найти факт, но и мастерски обыграть его в красиво преподнесенную «изюминку». Спросил о том Юрика.

— Совсем нет, — возразил он. — Я решил так за год до соревнований. Когда мне только-только прислали расписание Олимпийских игр в Москве, Воски прочла его и говорит: Юрик, средневесы выступают 26 июля, в мой день рождения. Я ей и пообещал: подарю тебе все рекорды, которые установлю в этот день. Она верила и целый год ждала.

Так вот, казалось бы, что весь этот год — от Спартакиады до Олимпиады, от одной пятетки рекордов к другой — был сплошной безмятежностью. Но когда я попросил Варданыя рассказать о самом трудном испытании в его жизни, то неожиданно услышал: чемпионат мира в Салониках в ноябре 1979 года. Он приходился как раз на вычисленный мною безоблачный период.

В спорте выматывают не только поражения, но и победы. На их достижения тратится столько нервной энергии, что уже не радуют ни награды, ни титулы, ни восторг болельщиков. Нечто подобное случилось с Юриком после Спартакиады 1979 года: он решил оставить спорт. Как раз подходила к концу учеба в институте и можно было спокойно подумать о будущей профессии. Он на несколько месяцев забросил тренировки и вышел из формы. Просьбы друзей и спортивных руководителей вернуться на помост, их советы и убеждения в том, что в его возрасте рано и глупо бросать штангу, ни к чему не приводили. Только дядя Сережа не понул племянника, видно, знал: захочет — сам вернется.

не наблюдала его во время соревнований. Даже по телевизору. Даже когда заранее был известен его очередной победный результат и телеэкран демонстрировал его выступления в записи постфактум. Ее материнское сердце не могло вынести картины, где многопудовый металл наваливается на ее сына, готовый вогнать его в помост, будто хрупкий гвоздик.

Она не особенно понимала, зачем он берет ее с собой на сборы, просто верила: зовет, значит, сыну нужна ее помощь. И она поехала в далекий незнакомый Подольск, хотя дома старшая дочь вот-вот должна была родить второго ребенка. Так она и жила между двумя тревогами: за сына и за дочь. Утром отправлялась в Москву, привозила свежие фрукты, орехи и, когда Юрик возвращался с тренировки, поила его соком своего приготовления, угощала чем-нибудь домашним.

— Без мамы я бы не выиграл чемпионат в Салониках, — признается Юрик. — Представляете, придю после тренировок в номер, прилгу отдохнуть, а в ушах стоит лязг металла, перед глазами штанга плавает. Только и слышу: Юрик, надо, Юрик, ты должен. И руководители сборной и дядя Сережа — все что-то от меня требуют. Но я уже не могу, нет сил. А подойдет мама, погладит по голове, спросит: «Устал, сынок? Брось все, отдохни лучше». И сразу откуда только силы берутся! Понимаете, чувствую, что есть человек, который всегда со мной и всегда за меня, которому я нужен не как штангист, а просто Юрик. И снова хотелось идти в зал, стараться для нее.

Незадолго до отъезда сборной в Салоники Ася Левановна получила телеграмму из Ленингана: ее поздравляли с внуком Арутюном, — и она заторопилась домой. Из Греции Юрик привез ей в подарок огромный шерстяной платок: пусть матери будет тепло в самые большие холода.

Может быть, это покажется странным, но Юрик всегда верил, что станет большим спортсменом. Любопытное воспоминание детства. В первый раз полетев на самолете, он вдруг почувствовал головокружение. Огорчился: как же буду летать в Америку, когда придется выступать на международных соревнованиях за океаном! Америка — то вон как далеко! Через несколько лет он и вправду полетел на соревнования в Соединенные Штаты,

МАЙСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Авиарейс по фальшивому билету

В преступном мире Запада появилась новая отрасль — мошеннические операции с краденными авиабилетами. Появились уже и специализированные банды, которые занимаются новым «бизнесом».

Обеспокоенный Интерпол зафиксировал ущерб в 50 миллионов франков за счет воровства 100 тысяч авиабилетов, ставших добычей этих новоявленных банд. Члены их — часто бывшие или нынешние сотрудники авиакомпаний, знающие стоимость билетов и все детали их оформления. Украденные бланки надлежащим образом заполняются и проштемпелевываются подделанными печатями. Поскольку существующий порядок позволяет обмен билетов, то фальшивые по возможности меняются на подлинные.

Вот пример: две молодые женщины с восемью авиабилетами компании «Бранифф», украденными в Далласе (США), в одном из туристских бюро в Париже обменяли их на другие, выданные греческой авиакомпанией «Олимпик эруэйз». Когда компания «Бранифф» узнала, что ее провели, авиабилеты на рейсы с

пересадками на общую сумму 20 тысяч франков были уже перепроданы и использованы.

В Голландии полиция обнаружила фургон, в котором мошенники устроили хорошо оснащенную мобильную типографию. Здесь производилась искусная замена номеров украденных билетов, что делало их идентификацию практически невозможной. Стало известно, что в Нью-Йорке мафия провела переговоры с одной из крупнейших американских авиакомпаний: преступники предложили выкупить у них большое количество краденых авиабилетов со штампом этой компании за 100 тысяч долларов. Прикинув возможные убытки, компания, как утверждают, предложение приняла.

Международное объединение авиационного транспорта (ИАТА) организовало в Монреале бюро, которое каждые две недели рассылает авиакомпаниям и туристским бюро сведения о номерах авиационных билетов, украденных в разных странах.

«ПАРАЛЕЛИ», БОЛГАРИЯ

Как спасти носорогов?

Когда-то носороги обитали и на европейских широтах, а теперь — только в Азии и в Африке. Белый носорог — крупнейшее после слона сухопутное млекопитающее. Высота его достигает двух метров, длина — до пяти.

Белых носорогов становится все меньше и меньше. Одна из причин в том, что эти гиганты крайне неохотно покидают свои исконные места обитания и зачастую гибнут от голода, хотя стоило бы пройти всего 30—40 км и было бы достаточно корма. Но основная причина резкого сокращения числа белых носорогов в том, что они были и остаются желанной добычей для охотников, особенно переселенцев из Европы, так как переселенцы охотились на носорогов не ради мяса, как африканцы, а ради рогов. Эти рога издавна считались изысканным украшением интерьера.

Сейчас, когда многие бывшие колонии стали независимыми государствами, правительства ряда африканских стран приняли законы, взявшие под охрану исчезающие виды животных. Таким образом была создана основа для положительных перемен. Но тут возникла

новая проблема — браконьерство. На белых носорогов охотятся теперь целые банды, вооруженные проволочными ловушками и автоматическим оружием. Эти банды организуются по заказу дельцов, поставляющих рога носорогов главным образом в некоторые страны Юго-Восточной Азии, например, в Сингапур. Здесь они превращаются в порошок, который будто бы укрепляет жизнеспособность и сохраняет молодость. Подобные утверждения давно опровергнуты учеными.

Расширенная программа защиты животных, строгие меры против браконьерства, формирование охранных бригад, разъяснительная работа с населением о природных богатствах — все это призвано способствовать защите таких исчезающих видов, как белый носорог. Существенную помощь в этом окажет начавшаяся под названием «Операция Рино» («Рино» — «Rhino» от *Rhinozeros* — носорог) кампания по спасению носорогов. Инициатором этой кампании стала Международная организация по охране окружающей среды.

«НБИ», ГДР

Сколько лет кукурузе?

Известно, что коренные жители Центральной Америки возделывали кукурузу еще до открытия Нового Света Колумбом. Первые колонисты в XVI веке завезли эту культуру в Испанию, откуда и началось ее распространение в другие страны Европы. Археологи изучали различные керамические изделия, найденные в ходе раскопок, пришли к выводу, что местные жители выращивали по меньшей мере 19 сортов кукурузы, из которых 9 известны только в Перу, а 10 встречаются лишь в Колумбии, Венесуэле и Эквадоре.

На снимке изображен сосуд в форме кукурузного початка, орнаментированный также початками различных сортов кукурузы. Кувшин относится к VI веку до новой эры и принадлежит культуре мочика, очень распространенной в свое время на территории нынешнего Перу.

«БОЭМИЯ», КУБА

НЕ СПИ, ВОДИТЕЛЬ, ЗА РУЛЕМ!

Призыв этот, конечно, исходит из лучших побуждений, но как ему следовать? Ведь одних напоминаний и увещаний мало...

Недавно во Франции было запатентовано устройство, которое должно помогать водителю, утомленному долгой дорогой, заснуть за рулем. По данным французских специалистов, сон за рулем является второй по числу причиной дорожно-транспортных происшествий. Утомление водителя и, как следствие, сонливость за рулем — причина 14,9 процента всех травм и 20,6 процента случаев травм со смертельным исходом. Иногда сон наступает не в результате переутомления, а после обильного обеда. Но нельзя ли как-либо воспрепятствовать тому, чтобы водитель, как говорится, «заклевал носом»?

Установлено, что заснувший за рулем водитель машинально немного наклоняет голову вперед, но никогда ни назад, ни в сторону. На этом-то и основана идея прибора, который следит за колебаниями го-

ловы водителя, измеряет различные степени наклона и после преодоления определенного порога подает звуковой сигнал. Этот порог наклона подбирается для каждого водителя индивидуально.

Форма прибора рассчитана на хорошее прилегание к области возле уха, а звук силой 86 децибел подается одновременно и через височную кость и по воздуху. Вершина акустической кривой расположена в зоне частоты 2000 герц. Считается, что эта частота лучше всего улавливается человеческим ухом. Вместе с миниатюрной батарейкой аппарат весит всего 15 граммов.

Предполагается, что аппарат может найти применение не только на транспорте, но и во всех тех случаях, когда человек во время работы должен быть особо внимательным, а сам процесс работы (например, контроль за измерительными приборами) носит монотонный характер.

«СЪЯНС Э ВИ», ФРАНЦИЯ

ПЛАСТМАССА ИЗ САХАРА

Кому же пришла в голову такая мысль — переводить ценный пищевой продукт в пуговицы и прочую галантерейную дребедень? На этот вопрос представитель английской фирмы «Тэйт энд дайл» отвечает: «Не было бы нефтяного кризиса и связанного с ним постоянного роста цен на нефть — не было бы и нашего производства. Все дело в ценах».

И, действительно, принадлежащий фирме завод в районе Ливерпуля должен производить 10 тысяч тонн продукции в год (некоторые виды пластмасс, стиральные порошки, косметические средства и прочее), а исходным сырьем для этой продукции является... сахар. Несмотря на нехватку его в некоторых странах в виде продукта питания, на европейском рынке образуются излишки около трех миллионов тонн сахара в год. Куда-либо вывозить его и продавать невыгодно — можно сбить цену и потерпеть убытки. Как полагают, переработка сахара в пластмассу и другие подобные материалы станет полностью рентабельной, когда цена нефти за баррель достигнет 48 долларов. Тогда нефть, служащая исходным сырьем для различных отраслей химической промышленности, может отойти на второй план.

Существуют два метода получения синтетических материалов из сахара. Первый основан на ферментации сахарозы, а из полученного этилового спирта вырабатывается этилен, являющийся важным сырьем для производства многих синтетических материалов. Хотя переработка сахара этим путем технически не сложна, обходится она дорого. Тем не менее в Бразилии и некоторых других странах этиловый спирт уже начал широко применяться в качестве горючего для автомобилей (опять же из-за сильного подорожания нефти).

Другой метод требует прибавления к сахарозе новых молекул с целью получения материалов с заранее заданными свойствами. Сахароза смешивается с жирами, а потом нагревается в присутствии катализатора. Образующиеся при этом сахарозные эфиры, как полагают, найдут широкое применение в косметической промышленности. Эфиры из сахарозы могут использоваться, к примеру, и при производстве грампластинок — такие пластинки обладают способностью не притягивать зарядов статического электричества.

«ВИЛЬД ДЕР ВИССЕНШАФТ»,
ФРГ

справочник безработного

Именно так можно было бы назвать книгу, выпущенную недавно организацией бельгийской христианской молодежи. В этом пособии, предназначенном для безработных, даются, например, такие советы: «В поисках работы каждый должен действовать по строго обдуманному плану, проявляя повышенную активность и стараясь с ходу понять психологию потенциального работодателя, дабы произвести на него наилучшее впечатление. При первом визите не одевайтесь крикливо — может возникнуть мнение о вашей излишней самонадеянности, не одевайтесь и подчеркнута скромно — это может свидетельствовать о вашем комплексе страха перед обществом. Молодые люди, получающие пособие по безработице, должны избегать оказывать помощь своим друзьям, например, при ремонте мопеда или квартиры, так как власти могут расценить это как попытку нелегально-

го заработка и лишить вас пособия. Очень неосмотрительно поступит молодая мать, если придет в бюро по подысканию работы с маленьким ребенком — тем самым может возникнуть впечатление, что с ребенком некому сидеть дома, и ее могут исключить из списков, как ненадежную личность...»

Увы, такие и подобные им советы не слишком-то помогают безработной молодежи Запады. Опубликованный недавно в Брюсселе отчет указывает, что в настоящее время в странах Европейского экономического сообщества насчитывается 6,7 миллиона безработных. А 41,7 процента всех ищущих работу в странах «девятки» составляет молодежь в возрасте до 25 лет. Прогнозы европейских экспертов свидетельствуют, что в ближайшие месяцы эта цифра существенно увеличится.

«МЛАДИ СВЕТ»,
ЧЕХОСЛОВАКИЯ

Еще раз о курении

В Сан-Диего, городе со сравнительно чистым воздухом, калифорнийские врачи провели обследование легких у нескольких тысяч людей, разделенных на три подгруппы. В первую входили некурящие, работавшие в помещениях, где курение запрещалось, во вторую — некурящие, но постоянно находящиеся в прокуренных комнатах и, наконец, в третью — люди курящие. Проверка выяснила, что показатель загрязненности легких даже у пассивных курильщиков был значительно выше нормы. Худшие показатели были обнаружены у тех, кто на протяжении 20 лет ежедневно выкуривал более 10 сигарет.

«ВОХЕНПОСТ», ГДР

КУДА ПОТЕЧЕТ МИССИСИПИ?

В один прекрасный день город Нью-Орлеан (США) окажется вовсе не на берегах Миссисипи: несмотря на массивные бетонные дамбы, река меняет русло. Исследования группы специалистов из Луизианского университета показали, что Миссисипи наверняка проложит новое русло. Произойти это может в ближайшие 40 лет, то есть очень скоро, если пользоваться теми единицами времени, которыми обычно оперирует геология...

«ТАЙМ», США

Ограбление по-китайски

В КНР растет преступность среди молодежи. Возможно, что способствующим фактором являются американские детективные фильмы, которые с недавнего времени начали широко демонстрироваться в китайских кинотеатрах. Так или иначе, но недавно в Пекине был ограблен банк.

Все было организовано как нельзя лучше, принимая, конечно, во внимание специфические условия Китая. Ровно в 16 часов двое молодых людей ворвались в отделение Народного банка на улице Донг Си. Лица прикрыты противоотрипозными масками и солнечными очками. Размахивая самодельными жестяными бомбами, они закричали: «Давайте нам деньги!» Служащие оцепенели от неожиданности, а один из залетчиков перескочил через перегородку и схватил лежащие перед кассиром деньги. Кассу с довольно простым замком, где в тот момент лежало пять миллионов юаней, вскрывать не стали — боялись не успеть. Когда бандиты выскочили на улицу, в помещении банка взорвалась бомба, ранив одного из служащих. Нападавшие вскочили на спрятанные неподалеку велосипеды и скрылись с добычей.

По всей видимости, они были из тех, кого года два назад начали возвращать в большие города из деревень, куда их в свое время отправил Мао Цзэдун. Работы для них не нашлось. Вернувшаяся молодежь из числа бывших хунвейбинов бродит без дела, занимается спекуляцией, участвует в торговле наркотиками и совершает уголовные преступления.

«ЭКСПРЕСС», ФРАНЦИЯ

ПРОЙТИСЬ ПО ВОДЕ...

Можно ли пройти по воде пешком? Оказывается, можно. Благодаря колесу — не совсем обычному, а универсальному. Оно может катиться не только по воде, но также и по песку, по земле, по снегу.

Это «чудо-колесо» имеет высоту 2,30 м, ширина его 1,40 м, а скорость движения — до 30 км в час. Оно сделано из высокопрочной резины и состоит из двух надувных обручей, соединенных между собой девятью поперечными мостиками. Два гибких рычага, закрепленных на вращающейся

центральной оси нейлоновыми тросами, придают «чудо-колесу» устойчивость и маневренность. В рабочем положении колесо выдерживает вес, превышающий 1 тонну, в сложенном — весит всего 19 кг и может транспортироваться вручную.

Еще одно преимущество «чудо-колеса»: его можно приспособить для бассейна или превратить в палатку. Для этого необходима лишь целлофановая пленка.

«ПТИИИЦЭ ШИ ТЕХНИКЭ»,
РУМЫНИЯ

Обзор зарубежной печати.
Материалы печатаются в изложении.

ТАЙНЫЙ ШРИК ИЗ "ВОЛЧЬЕГО ЛОГОВА"

В начале января 1981 года западногерманское агентство ДПА передало из Бонна: «Специалист СДПГ по вопросам права Альфред Эммерлих призвал к борьбе с неонацизмом с помощью всех имеющихся средств. Возникающие нацистские организации, далеко не малое число их сторонников и сочувствующих, а также слишком часто проявляющаяся тенденция преуменьшить опасность неонацизма дают основания для серьезного беспокойства, пишет Эммерлих в статье, опубликованной в бюллетене СДПГ. Оно тем более оправдано, что в неонацистском лагере увеличивается готовность к насилию и террору. Растущее число террористических акций правых представляет собой тревожный сигнал...»

ВИЗИТ К БЕРЛИНСКОМУ АДВОКАТУ

Выкроив час из календарного графика, перегруженного судебными заседаниями, приемом посетителей, научной работой и писательским трудом, известный берлинский адвокат, вице-президент Объединения юристов ГДР, профессор Фридрих Карл Кауль сообщил по телефону, что готов познакомиться со мной подробнее с «Делом о воспрепятствовании в Федеративной Республике Германии судебному преследованию убийц Эрнста Тельмана». А надо сказать, на протяжении вот уже почти двадцати лет оно занимает особо важное место в обширной юридической практике адвоката.

Я знал: в досье документов по этому делу включена и собственноручная записка рейхсфюрера СС и начальника гестапо Генриха Гиммлера с перечнем 12 вопросов, которые обер-палач «третьего рейха» 14 августа 1944 года докладывал с глазу на глаз Гитлеру в ставке фюрера «Вольфшанце» («Волчье логово»).

Двенадцатый пункт гиммлеровской «памятки» касался дальнейшей судьбы Председателя ЦК Коммунистической партии Германии, к тому времени переведенного гестапо в тюрьму Бауцен — последний этап более чем одиннадцатилетнего пребывания Эрнста Тельмана в застенках фашистского рейха. Рядом с каждым вопросом в записке Гиммлера был зафиксирован приказ, отданный Гитлером.

Против фамилии «Тельман» в «памятке» Гиммлера написано: «Казнить».

Этот документ, ставший ключевым в раскрытии одной из зловещих тайн гитлеровской ставки «Волчье логово», через двадцать лет после безоговорочной капитуляции нацистской Германии был найден адвокатом Каулем в западногерманских архивах.

...По пути в контору адвоката я проехал мимо университета имени Гумбольдта. Здесь в феврале 1980 года, еще не будучи представлены друг другу, мы с профессором Каулем присутствовали на публичном слушании «Дела о воспрепятствовании в Федеративной Республике Германии судебному преследованию убийц Эрнста Тельмана».

Профессор Кауль выступал в качестве эксперта и адвоката, которого Роза Тельман, вдова вождя немецкого рабочего класса, официально уполномочила в апреле 1962 года возбудить перед компетентными следственными органами ФРГ обвинение в отношении двух бывших эсэсовцев — соучастников убийства Тельмана (после войны они укрылись на территории Западной Германии).

В числе других иностранных журналистов, аккредитованных в столице ГДР, я как корреспондент «Правды» был приглашен Объединением юристов и Комитетом борцов антифашистского Сопротивления ГДР для подготовки материалов о ходе этого необычного публичного процесса, вызвавшего громкий резонанс.

...Старый массивный дом № 11 по Вильгельм-Пик-штрассе, на первом этаже которого разместилась адвокатская контора Кауля, стоит в центре Берлина. На сером, законченном фасаде еще сохранились щербинки от пуль и осколков — следы жестоких боев весны сорок пятого.

— Входите, входите... Рад познакомиться! — широким жестом, распахнув дверь в кабинет, пригласил профессор. Невысокого роста, плотного сложения, в больших роговых очках, выразительно подчеркивающих крутизну его сократовского лба, с расстегнутым воротом белой рубашки, за которым, мягко облекая шею, выступало пестрое шелковое кашне, адвокат Кауль производил впечатление отнюдь не служащего строгой, протокольно сухой и беспристрастной Фемиды, а скорее темпераментного драматурга или режиссера. Не случайно его перу принадлежит ряд увлекательно написанных документальных очерков из собственной незаурядной юридической практики, научных монографий, разоблачающих нацистские преступления против человечности. Последняя работа — сценарий документальной постановки «Раскрытие одного преступления» для телевидения ГДР. В ее основу Кауль положил материалы «Слушания».

Адвокат сразу приступил к сути интересовавшего меня вопроса, подведя к стене, сплошь увешанной фотографиями. Они были сняты на процессах над нацистскими преступниками, проходивших в ГДР и других странах Европы.

Я сразу заметил под стеклом факсимиле листа с собственноручными пометками Гиммлера. Вверху «памятки» характерным для Гиммлера крупным готическим шрифтом проставлено: «Вольфшанце, 14.VIII.44», а в первой строке снизу рядом с фамилией «Тельман» я прочел приказ Гитлера...

— Гестапо, эсэсовцы втайне, под покровом ночи, уже через четыре дня выполнили этот чудовищный приказ. Палачи спешили... — произнес Кауль. И, помолчав, продолжил рассказ: — Попал ко мне этот документ в руки при таких обстоятельствах... В феврале 1965 года после длительных проволочек я, наконец, получил от прокуратуры Кельна официальное уведомление, что расследование виновности и причастности к убийству Тельмана названных мною

двух бывших эсэсовцев из концлагеря Бухенвальд все еще продолжается. Поясню. До этого западногерманские органы юстиции неоднократно его прекращали «из-за отсутствия достаточных доказательств» и каждый раз возобновляли следствие лишь после моих настоятельных представлений. Правда, — горько усмехнулся адвокат, — лишь для того, чтобы затем вновь от него отмахнуться...

Так вот, — продолжал профессор Кауль, — получив сей расплывчатый, по сути, уклончивый ответ, я возбудил ходатайство о допуске меня к ознакомлению с материалами проведенного к тому времени в ФРГ следствия. После длительной переписки и переговоров с кельнской прокуратурой разрешение было, наконец, дано. И вот, просматривая папки с документами, я и обнаружил собственноручную записку Гиммлера. Эта находка произвела впечатление разорвавшейся бомбы. Ведь из сопроводительной записки следовало, что «памятка» — в числе других документов секретного характера — была извлечена из вещей, принадлежавших рейхсфюреру СС и шефу карательных органов нацистов Генриху Гиммлеру и вместе с другими фондами, захваченными американскими оккупационными войсками в 1945 году, была вывезена в Соединенные Штаты и на долгие годы скрыта от мировой общественности. Только через двадцать лет, то есть ко времени, когда определенные круги в ФРГ уже надеялись окончательно предать забвению совершенные нацистами тягчайшие преступления против человечности «за истечением срока давности», эта важнейшая улика была передана Соединенными Штатами федеральному архиву в Кобленце, где ее погребли в «архивной пыли».

— Приказ Гитлера об убийстве Тельмана значился в пункте 12. А что затрагивали остальные одиннадцать пунктов гиммлеровской записки? — спросил я адвоката Кауля.

— На листе своей «памятки» Гиммлер зафиксировал темы, которые шеф гестапо считал важными для обсуждения с Гитлером в его ставке «Волчье логово» 14 августа 1944 года. Почти все эти темы касались совершенного незадолго до этого — 20 июля 1944 года — покушения на Гитлера.

СТАВКА ВЕРХОВНОГО КОМАНДОВАНИЯ ВЕРМАХТА, 14 АВГУСТА 1944 ГОДА

Попытаемся, опираясь на документы и свидетельства очевидцев, реконструировать атмосферу, царившую в гитлеровской ставке «Волчье логово» в тот день, когда на доклад к фюреру прилетел Гиммлер, держа наготове в портфеле «памятку» с двенадцатью пунктами. Попробуем проникнуть в зловещий лабиринт скрытых от взоров «непосвященных» замыслов нацистской верхушки, решившей в тот день, говоря словами «секретного узника рейха» Эрнста Тельмана, «объявить мат» человеку, одно имя которого вызывало у фашистов злобную ненависть.

...Ударами погребального колокола звучали для нацистской камарилы и ее

фюрера известия, поступающие в ставку ОКВ с фронта и из тыла «третьего рейха».

В папке дежурного офицера подполковника переведенная на немецкий язык службой радиоперехвата абвера «Оперативная сводка за 14 августа 1944 года», посланная в эфир Советским информбюро.

«...Войска 2-го Белорусского фронта, — сверяли генштабисты ОКВ эту наверху ошеломившую их сводку с реляциями своих штабов с Восточного фронта, — продолжая наступление, 14 августа штурмом овладели мощным укрепленным районом обороны немцев на реке Бобр — городом и крепостью Осовец».

Эта брешь в обороне фашистских войск была проломлена уже на подступах к Восточной Пруссии, стало быть, в преддверии к Раценбургу, где в отдаленной лесной чаще, в кольце непроходимых болот и минных зарадителейных полей укрылось «Волчье логово» Гитлера.

Уже не призрак грядущего поражения, а отдаленный гром артиллерийской канонады наступающих войск Советской Армии кошмаром неизбежной и тотальной катастрофы нависал над многоступенчатой железобетонной толщей и бронированными щитами подземных бункеров «Вольфшанце».

...Хроника не зафиксировала, в какой именно час этих августовских суток, начавшихся на рассвете переправы наших штурмовых групп через ров шириной в 16—20 метров, наполненный водой, что со всех сторон окружал крепость Осовец, и завершившихся победным штурмом крепости и салютом в Москве, рейхсфюрер СС Гиммлер направился в бункер Гитлера, держа под рукой свою «памятку» из 12 пунктов. Но можно не сомневаться: настроение у обер-палача «тысячелетнего рейха» было мрачным, а нервы взвинчены. Час сурового возмездия и расплаты за неслыханные в истории чудовищные преступления, совершенные гитлеровским фашизмом и нацистским вермахтом на оккупированных территориях Европы, неотвратимо приближался.

...В тот день, когда Гиммлер прилетел в ставку «Волчье логово», миновало всего три недели с момента покушения на Гитлера.

О взрыве в помещении для оперативных совещаний 20 июля 1944 года в тот момент, когда генерал Хойзингер докладывал о положении на Восточном фронте, мир узнал из официального сообщения, переданного гитлеровским агентством — германским информационным бюро. «Согласно германскому сообщению, — говорилось в опубликованной в «Правде» от 21 июля 1944 года информации ТАСС из Женевы, — Гитлер отделался ожогами и ушибами, но многие лица из его свиты получили ранения».

Подробно восстанавливая картину покушения, историк из ГДР Курт Финкер впоследствии писал: «Взрыв в помещении для совещаний произвел большое разрушение: стол (за которым у расстрелянной штабной карты собрались Гитлер и его ближайшее окружение из ОКВ — В. М.) разлетелся на куски, оконные стекла были выбиты, рамы вырваны. Одного из присутствующих взрывной волной выбросило в окно. И все-таки генерал Фельдгильбер

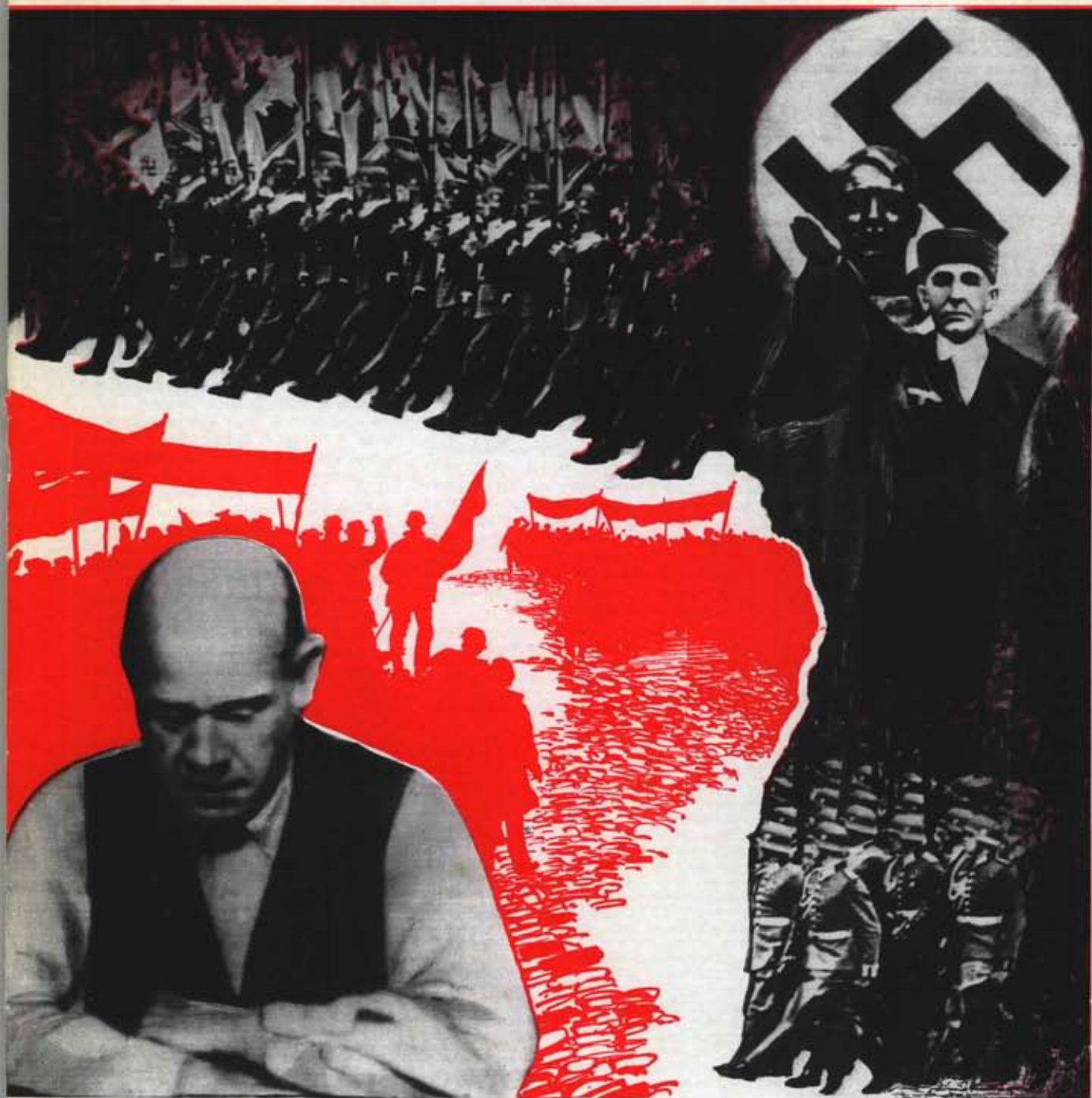

Рисунок Вениамина КОСТИЦЫНА

(один из участников заговора.— В. М.), который должен был по телефону сообщить на Бендлерштрассе (в штаб заговорщиков в Берлине.— В. М.) об удаче покушения, к ужасу своему, увидел: покрытый гарью, в обгорелом и изодранном в клочья мундире, опираясь на Кейтеля и ховьюля, Гитлер выходит из дымящегося барака! Кейтель довел Гитлера до своего бункера и приказал немедленно вызвать врачей. Гитлер получил ожоги правой ноги, у него обгорели волосы, лопнули барабанные перепонки, правая рука была частично парализована, но в целом травмы оказались легкими. Из числа участников совещания один—стенографист Бергер—был убит на месте, трое других—полковник Брандт, заместитель Хойзингера, генерал Кортен, начальник штаба оперативного руководства ВВС, генерал-лейтенант Шмундт, шеф-адъютант вермахта при Гитлере и начальник управления личного состава сухопутных войск,—вскоре скончались от полученных ран».

Сегодня, спустя почти 37 лет после взрыва бомбы в «Волчьем логове», когда ход и подоплека заговора и самого покушения на Гитлера прослежены и проанализированы многими историками и мемуаристами, нельзя не поразиться точности и глубине вскрытия основных причин этого драматического события в истории Германии, произведенного советскими наблюдателями буквально на другой день после 20 июля 1944 года. И это при условии, что они в тот момент располагали крайне обрывочной, разрозненной и противоречивой информацией, проникавшей из фашистского рей-

ха сквозь жесточайшие цензурные и гестаповские заслоны.

Приведем лишь некоторые выдержки из обозрения ТАСС «События в Германии», опубликованного в «Правде» 22 июля 1944 года:

«...в ночь на 21 июля германское радио передало ряд выступлений виднейших нацистских главарей. С заявлением по радио выступил сам Гитлер, адмирал Дениц (скончавшийся в ФРГ в январе 1981 года.— В. М.), Геринг. Лейтмотивом всех этих выступлений было требование полного подчинения как немецкой армии, так и немецкого тыла гитлеровскому правительству. Эти выступления гитлеровских главарей разоблачили, что покушение на Гитлера вовсе не представляется изолированной вспышкой антигитлеровской борьбы, а является одним из звеньев широкого военного заговора, организованного немецкими генералами и офицерами, заговора, ставящего себе, по-видимому, определенные политические цели».

В обозрении ТАСС сообщалось, что «Гитлер объявил об образовании в Германии специальной «внутренней армии» и о назначении командующим этой армией обер-палача Гимmlера. Гимmlеру представлены самые широкие полномочия для расправы с движением, направленным против гитлеровского правительства». Гитлер заявил также, «что он приказывает немедленно арестовывать и расстреливать всякого, кто распространяет указания заговорщиков. Таким образом, в своей речи Гитлер признал наличие не только организующего центра заговорщиков, но и наличие разветвленной периферийной организации заговора».

Подытоживая вырисовывавшиеся в тот момент фрагменты общей картины положения в Германии, ТАСС резюмировал:

«...Таким образом, все имеющиеся для объективного рассмотрения сведения показывают, что события в Германии приняли весьма острый оборот. Совершенно очевидно, что нынешняя Германия живет под знаком вскрывающегося политического кризиса. Под влиянием новых тяжелых военных поражений гитлеровской Германии этот кризис вылился в открытое выступление части германского генералитета и офицеров против гитлеровской правящей клики. Не только наиболее дальновидным политическим деятелям, но и рядовым офицерам германской армии становится ясным тот тупик, в который Гитлер завел Германию...»

Ход событий,—говорилось в заключение обозрения ТАСС,—показывает, что независимо от того, удастся ли сей раз или не удастся Гитлеру подавить восстание, то, что уже произошло в Германии, создает новую глубокую трещину во всем гитлеровском здании и послужит фактором, способствующим его крушению».

В той обстановке в руках главарей фашистской Германии оставалось лишь одно средство—кровавый террор для удержания в повиновении немецкого населения в тылу рейха и войск вермахта в окопах. Кровью новых бесчисленных жертв нацистские палачи пытались «сцентрировать» все умножившиеся грозные трещины в коринневом здании гитлеровского рейха, отсрочить час собственной гибели под его развалинами.

И Гимmlеровская запись из 12 пунктов была не чем иным, как очередной заявкой обер-палача нацистской Германии фюреру на жизнь и головы немцев, которых гестапо торопилось бросить под дуло пистолета и на виселицу, задушить в газовых камерах нацистских лагерей смерти.

Можно предположить, что, направляясь с этим проскрипционным списком гестапо в бункер Гитлера, помимо всего прочего, Гимmlер рассчитывал продемонстрировать фюреру неусыпное палаческое рвение—свое и «своих», черного «ордена СС» и гестапо, готовность по мановению пальца фюрера утопить в крови всю Германию (вспомним: в часы агонии «имперской столицы» эсэсовцы по приказу Гитлера открыли шлюзы берлинских каналов, затопив тоннели метро, где укрывались от бомбежек и артобстрела десятки тысяч мирных жителей).

— Убийство Тельмана,—обратил внимание присутствующих на «Слушании» профессор Вальтер Виммер,—было составной частью целой волны убийств, широкой акции, в ходе которой германские фашисты стремились систематически истребить все силы, которые при крахе их режима, военном поражении гитлеровской Германии могли стать потенциальной силой революционного преобразования, демократического обновления.

...Для расследования событий и розыска участников заговора, свидетельствуют историки ГДР, Гимmlер сразу же создал при гестапо особую комиссию по делу 20 июля, аппарат которой состоял из 400 чиновников. Результаты следствия постоянно направлялись Кальтенбруннером Гимmlеру, а тот докладывал их Гитлеру и другим нацистским главарям. Общее число арестованных равнялось примерно 7 тысячам человек. Число непосредственных жертв составляло около 200 человек. К ним следует добавить еще 700 военнослужащих вермахта из военных округов и с фронтов, приговоренных к смертной казни. Среди жертв нацистского террора после 20 июля 1944 года насчитывалось 20 генералов, в том числе один генерал-фельдмаршал.

«Более тяжелым последствием разгромленного заговора 20 июля,—отмечает в своем исследовании Курт Финкер,—было, однако, то, что нацисты использовали его в качестве повода для новой расправы с подлинными антифашистами. Жертвами кровавого фашистского террора пали многие коммунисты. Среди них были члены подпольного оперативного руководства КПГ Бернхард Бестляйн, Франц Якоб, Теодор Нойбауэр, Антон Зефков и Георг Шуман, а также руководящие коммунистические партийные работники Магнус Позер, Эрнст Грубе, Альберт Кунц, Эрнст Шнеллер и Матиас Тезен. 18 августа по указанию Гитлера и Гимmlера в концлагере Бухенвальд был убит Эрнст Тельман. Гибель Тельмана явилась тяжелой потерей для немецкого народа. В его лице германский и международный рабочий класс потерял одного из своих самых выдающихся руководителей».

Известно, что фашизм, стремясь парализовать активность антинацистского сопротивления в тылу «рейха», нередко афишировал жестокость своих приговоров, объявлял о совершенных над узниками гитлеровских застенков казнях в газетах. Сообщения о приведенных в исполнение приговорах расклеивались в городах и деревнях. Расправу же над Эрнстом Тельманом главари фашистской Германии тщательно законспирировали. Почему?

Фигура Председателя Компартии Германии представлялась им чрезвычайно опасной в силу огромной популярности вождя немецкого пролетариата среди немецких трудящихся, популярности, которую фашистам не удалось подорвать ни массовым террором, ни строжайшей, более чем одиннадцатилетней изоляцией «секретного узника рейха» в

одиночных камерах тюрем. Об этом сохранилось немало свидетельств.

За год до секретного сговора Гитлера и Гимmlера о новых казнях антифашистов, 11 августа 1943 года, Тельман был переведен из Ганноверской тюрьмы в тюрьму для уголовных преступников в Бауцене (Саксония). В пути, несмотря на принятые гестапо меры предосторожности, Тельмана узнали беженцы из его родного Гамбурга. В небольшом провинциальном городке Ошатце, расположенном между Лейпцигом и Дрезденом, «люди, — по словам Тельмана, — стоявшие на улице, улыбаясь и шепотом приветствовали меня...».

Гитлер лично испытывал неослабевавший страх перед огромным влиянием и авторитетом своего главного «внутреннего» политического врага. В одной из своих «застольных бесед» в ставке «Волчьего логова», на которые был столь ладок фюрер, он откровенно признал, сколь опасен Тельман. Сказано это было в 1942 году. При этом Гитлер заявил своим ближайшим подручным, что эта опасность, мол, исчезнет лишь с «...устранением аналогичной опасности в Советской России...».

Ни Гитлер, ни Гимmlер не рисковали в открытую расправиться с Тельманом, объявить во всеуслышание немецкому народу, что бывший депутат рейхстага, Председатель КПГ Эрнст Тельман казнен без суда и, таким образом, публично записать убийство самого популярного после Бебеля и Либкнехта вождя немецкого рабочего класса на счет гитлеровского фашизма. В «Волчьем логове» боялись Тельмана живого, страшлись мертвого. И потому скрыли одну из трагичайших преступных акций гитлеровского фашизма двойной завесой — тайны и лжи.

ВЫСТРЕЛЫ ПРОГРЕМЕЛИ НОЧЬЮ

В феврале 1944 года состоялось последнее свидание Розы Тельман с Эрнстом Тельманом — узником тюрем Бауцен. Вспоминая об этом, она говорила: «...Да, это было в феврале 1944 года. Мой муж был очень весел. Нет, больше того, он тогда был радостно настроен. Полный веры, он шептал мне: «Наконец фашизм будет скоро разбит!» Он всегда ясно предвидел предстоящие события. Так и тогда он уже знал, что конец господства нацистов приближается».

С присущей ему зоркостью мышления, способностью глубоко и до конца, мужественно посмотреть правде в глаза, как бы она ни была сурова и беспощадна, думал Тельман и о возможном исходе своего одиннадцатилетнего поединка с фашизмом в одиночных камерах нацистских застенков...

В тюрьме Бауцен Тельману стала более ясно вырисовываться его дальнейшая судьба. «Разве отступят меня так просто вновь в большой мир помимо из тюремных стен? — писал он своему товарищу по заключению. — Нет! Добровольно они этого не сделают. Вероятен один исход, как ни страшно и ни горько здесь о нем говорить. А именно: при продвижении Советской Армии в связи с ухудшающимся общим военным положением (фашистской Германии. — В. М.) национал-социалистский режим сделает все возможное, чтобы объявить Тельману мат. В такой обстановке гитлеровский режим не отступит ни перед чем, чтобы заблаговременно устранить Тельмана, то есть удалить его или прикончить... Только исторически необходимая самопомощь может принести здесь иную развязку, которая послужит на пользу всему революционному движению».

Выступая на публичном «Слушании дела о воспрепятствовании в ФРГ судебному преследованию убийц Эрнста Тельмана», вице-президент Международного комитета бывших узников фашистского концлагеря Бухенвальд, бывший председатель подпольного лагерного комитета Бухенвальда, историк из

ГДР профессор Вальтер Бартель засвидетельствовал:

«...18 августа 1944 года в фашистском концентрационном лагере Бухенвальд... Жаром полыхает солнце над апельсином. Из печей крематория бьет пламя. Ветер несет в лагерь тошнотворный, унетающий всег нас запах сжигаемых трупов. Эсэсовцы нервничают. Безостановочное продвижение Советской Армии, англо-американская высадка во Франции, упорная партизанская борьба в занятых фашистскими вермахтом областях, хотя и неудавшиеся, но тем не менее указавшие на глубокую трещину в стане нацистов покушение на Гитлера — все это пошатнуло веру в победу Германии даже у наиболее захороненных эсэсовцев...».

В тот день, 18 августа, по лагерю пронесся слух. Никто не знает, откуда он пошел... Известие ужасно, оно гнетет, придавливает нас к земле, и мы не хотим ему верить. Утверждают, будто Эрнста Тельмана расстреляли в ночь с 17 на 18 августа в крематории!

Действительно, в ночь с 17 на 18 августа узники из крематорной команды получили строжайший приказ оставаться в своем бараке рядом с печами. Также соответствует правде, что около полуночи эсэсовцы задержались в крематории. Но разве из этого следовало, что Эрнст Тельман убит был здесь, в лагере, в котором он до этого никогда не был?

Прежде чем мы получили ответ на бередивший наши души вопрос, разыгрался англо-американский воздушный налет на военный завод Густоф-верке, расположенный рядом с концентрационным лагерем.

В результате воздушного налета среди нас, узников, было убито почти 400 человек, очень многие из этого числа застрелены эсэсовцы. Не имея никаких бомбоубежищ, узники бросились бежать в ближайший лес. Эсэсовцы открыли по ним огонь...

Среди убитых оказался депутат рейхстага социал-демократ Рудольф Брейтшейд. Его жена отделалась ожогами. Оба — вместе с итальянской принцессой Мафальдой, дочерью итальянского короля, — были помещены в отдельном бараке за пределами лагеря. Узники откопали Брейтшейда и обвешали жену из слишком мелких щелей, противоосколочных. Рудольф Брейтшейд задыхался.

...Снова потекли мучительные дни в концлагере. Передо мной фотокопия «Фелькшиер бербатер» от 16 сентября 1944 года. В одном из сообщений сказано: «Во время террористического налета на окрестности Веймара 28 августа многочисленными осколочными бомбами был поражен также концентрационный лагерь Бухенвальд. Среди погибших заключенных находятся бывшие депутаты рейхстага Брейтшейд и Тельман».

Три лжи в одном сообщении! Первая ложь: воздушный налет состоялся не 28, а 24 августа. Вторая ложь: он был направлен не против концлагеря, а против военного предприятия и эсэсовский казарм и долов командования СС. Третья ложь: жертвой налета стал Рудольф Брейтшейд, а не Тельман.

Эсэсовцы в лагере говорили без обиняков: Геббельс снова наврал. Они говорили заключенным, что Тельман был еще до этого застрелен в крематории и сожжен. И, угрожая нам, добавляли: всег вас расстреляют, прежде чем СС отступит...

Наша собственная, строго конспиративная информационная служба выяснила деталь за деталью следующие: Эрнст Тельман в легкой машине в сопровождении наряда гестаповцев в штатском был перевезен из Бауцена в Бухенвальд. Перед крематорием концлагеря ему приказали выйти из машины. Когда он приблизился к входу в крематорий, раздались несколько выстрелов. Это было в ночь с 17 на 18 августа 1944 года. Эрнст Тельман не пал жертвой воздушного налета, он был злодейски убит нацистами».

...Когда 12 февраля 1980 года я вошел в «Зал сената» Гумбольдтского университета, где проходило «Слушание дела о воспрепятствовании в ФРГ судебному преследованию убийц Эрнста Тельмана», то сразу обратил внимание на большую доску, укрепленную на треножнике. На доске был изображен схематический план крематория концентрационного лагеря Бухенвальд. Возле доски давал показания бывший узник Бухенвальда, гражданин ПНР Збигнев Фукс.

Вот его свидетельство:

«...Несколько дней спустя после дня моего рождения — а он приходится на 14

августа, — после вечерней поверки на апельсинах нас всег заперли в барака, а именно — узников, которые должны были заниматься обслуживанием крематория, то есть носильщиков трупов. Оставаясь в нашем бараке, мы чувствовали, что что-то происходит в крематории. Я не знаю, сколько времени прошло, пока я услышал, как прогремели три выстрела...».

На следующий день мы получили приказ от капо (служителя из заключенных, обычно уголовника. — В. М.) Мюллера очистить одну из печей крематория от пепла и затем произвести чистку всего помещения, где должны были вымыть и полы. Мы были сильно обеспокоены, но нам было и очень интересно узнать, что же здесь произошло. Поэтому мы попытались найти какие-либо предметные доказательства того, что здесь совершилось. Когда чистили печь, из пепла извлекли маленький кусок металла. Форма металла давала повод предположить, что это должны были быть карманные часы или часть их. Капо крематория Юпп Мюллер сказал нам, что здесь был убит вождь коммунистов Эрнст Тельман».

Весной 1947 года американский военный трибунал в Дахау на процессе о злодеяниях, совершенных в Бухенвальде, неопровержимо установил, что в ночь на 18 августа 1944 года эсэсовцы убили Тельмана. Зловещую картину этого кровавого преступления рисуют прозвучавшие там свидетельские показания бывшего польского заключенного Бухенвальда Мариана Згода:

«После полудня 17 августа с телефонной станции была передана телефотограмма о подготовке печей. Телефотограмма была принята обершарфюрером Варнштедтом, который, поговорив с унтершарфюрером Штоппе, передал это сообщение заключенным».

До 16 часов ничего не произошло. Настроение было напряженным и становилось все напряженнее, так как и до 18 часов ничего нового не произошло. Вскоре появился рапортшарфюрер Гофшульте и штабшарфюрер Отто, которые имели непродолжительный разговор с двумя командошарфюрерами. Около 20 часов заключенные были заперты на замок в занимаемом ими помещении возле крематория. Капо Юпп Мюллер распорядился, чтобы бы один заключенный не выходил из жилых помещений. Как Мюллер, так и источник Гейнц Роде получили соответствующие распоряжения от командошарфюрера.

Я, однако, выбрался из помещения через вентиляционную шахту и добрался до двора крематория, где спрятался за кучей шлама. Там я лежал до 24 часов и видел, как в крематорий вошли один за другим следующие лица:

штабшарфюрер Отто,
лазершарфюрер оберштурмшарфюрер Густ,
рапортшарфюрер Гофшульте,
командошарфюрер обершарфюрер Варнштедт,
адъютант Шмидт,
лазерный врач заупштурмшарфюрер Шидлауски,
обершарфюрер Вернер Бергер,
унтершарфюрер Штоппе.

Эсэсовцы находились в канцелярии крематория, откуда часто выходили, очевидно, посмотреть, не прибыла ли ожидаемая машина. Неоднократно звонил телефон.

В 00 часов 10 минут оба командошарфюрера крематория вышли и открыли ворота, чтобы пустить во двор большую легковую автомашину. Из автомашины вышли трое штатских, из которых двое, очевидно, охраняли третьего, шедшего между ними. Заключенного я видел только издали. Он был высокого роста, широкоплечий, лысый. Это я заметил, так как он был без шляпы.

Тем временем во двор вышли и остальные эсэсовцы и стали по обе стороны входной двери крематория. Штатские приказали заключенному идти вперед них. В тот момент, когда он, пройдя между шпалерами эсэсовцев, вошел в крематорий, во дворе позади него раздались три выстрела.

Вслед за этим эсэсовцы и оба штатских вошли в крематорий и закрыли за собой дверь. Примерно через три минуты в крематории раздались четвертый выстрел. Это, по-видимому, был выстрел, который обычно приказывают человека.

Минут через 20—25 унтершарфюреры вышли из крематория. Выходя, Гофшульте спросил Отто: «А знаешь ли ты, кто это был?» Отто на это ответил: «Это был вождь коммунистов Тельман». Вскоре оба штатских вместе с Шмидтом, Шидлауски и Густом вышли из крематория. Варнштедт и Штоппе закрыли за ними ворота изнутри. Я вернулся в помещение

тем же путем, каким выбрался из него. Я слышал, как печь загружалась коксом; видеть это я, однако, не мог. Обычно эту работу выполняли Мюллер и Роде...».

На следующее утро, 18 августа, при чистке печей и извлечении из них золы я нашел лишь обгоревшие карманные часы. Судя по цвету золы, мертвец был сожжен в одежде».

«...— Мы были потрясены до глубины души, — рассказывал профессор Вальтер Бартель. — Иностранцы товарищи приходили к нам, произносили только одно слово: «Тельман» — и, глубоко сочувствуя, жали нам руки».

Товарищи решили почтить память Эрнста Тельмана траурным митингом. Они декорировали подвальное помещение дезинфекционного отделения красной и черной материей, украсили его цветами, среди которых при свете лампы был виден обрамленный черным крепом портрет Эрнста Тельмана. Окруженные эсэсовскими войсками, в условиях зверского фашистского террора коммунисты с угрозой для жизни создали «уголок Тельмана», который, несмотря на скудость оформления, производил сильное впечатление. Почти 100 товарищей, представители различных национальностей, отобранные руководителем нелегальной организации, участвовали в траурном митинге.

Были зажжены свечи, которые тускло осветили помещение. Скрипка сыграл русский траурный марш. Роберт Зиверт в своей речи напомнил о героической борьбе Эрнста Тельмана, рассказал о задачах, которые еще стояли перед нами и должны были быть решены, как учил Эрнст Тельман. Он говорил, что мы должны продолжить борьбу и достичь победы, потому что наше дело правое. В знак торжественной клятвы все присутствующие подняли руки в ротфронтском приветствии, а затем минутным молчанием почтили память нашего незабываемого Эрнста Тельмана».

СЛЕДЫ НЕ ЗАМСТИ

«После бесчисленных жертв, которые уже понесла партия, — писал Георгий Димитров в соболезновании, узнав об убийстве Тельмана, — теперь она терзает своего вождя в момент, когда он больше всего нужен партии и немецкому народу».

Вскрывая причины убийства фашистами вождя Коммунистической партии Германии, его ближайшие соратники и боевые товарищи по руководству КПГ — в их числе Аккерман, Пик, Ульбрихт — писали в «Правде» 17 сентября 1944 года в некрологе «Памяти Эрнста Тельмана»:

«...Свыше 11 лет гитлеровцы мучили, истязали, томили в тюрьмах и концлагерях Эрнста Тельмана, но не сломали его железной воли к борьбе с фашистской тиранией. Ненависть Тельмана к фашизму была безграничной, поэтому именно теперь, перед своим близким и неизбежным концом, немецкие фашисты подло и трусливо расправились со своим бесстрашным узником и непримиримым врагом, с вождем революционных рабочих Германии Эрнстом Тельманом».

...По всей Германии растет ныне ненависть к фашистским извергам и поджигателям войны. Тельман олицетворял эту ненависть. Для антифашистов Германии он был знаменем борьбы. Сквозь каменные стены и железные решетки германских тюрем извилистыми путями дошел к нам рассказ о том, как Тельман в прошлом году (1943 г. — В. М.) в тюремной камере ответил на заданный ему вопрос, как он смотрит на войну.

«Германия проиграла войну тогда, когда напала на Советский Союз, — ответил Тельман. — ...Советский Союз, антигитлеровская коалиция победят».

Близится час расплаты. Гитлеровская банда скоро понесет ответ за все свои чудовищные злодеяния. Не простится фашистским гангстерам гнусное убийство вождя Коммунистической партии Германии Тельмана! А всех нас, немец-

ких антифашистов, смерть Тельмана еще настойчивее зовет к бою, к беспощадному бою за быстрейший разгром врага всего человечества и немецкого народа — гитлеровского фашизма».

...Берлин, 12 февраля 1980 года. В зале столичного университета, где идет «Слушание дела о воспрепятствовании в Федеративной Республике Германии судебному преследованию убийц Эрнста Тельмана», присутствуют видные юристы, историки, эксперты, дочь Эрнста Тельмана Ирма Габель-Тельман, представители общественности, журналисты. В качестве свидетелей приглашены бывшие узники концлагеря Бухенвальд.

Во время слушания были представлены и оглашены многочисленные документы, заключения экспертизы, показания свидетелей. Они раскрыли картину совершенного гитлеровцами тягчайшего преступления. В прямом соучастии в убийстве Тельмана полностью уличили бывшего штабсшарфюрера СС Вольфганга Отто, подвизавшегося после 1945 года в должности школьного учителя в Гельфортне (ФРГ), и бывшего обершарфюрера СС Вернера Бергера, который после войны руководил депозитивной кассой «Ландесцентральбанк Вюртенберг» в Ротвайле (ФРГ).

Обратился лишь к некоторым из представленных обвинительных документов, которые буквально припирают к стенке преступников.

Факт убийства Тельмана подтвердил в своих показаниях перед американским судом гауптштурмфюрер СС Фрикке, признавший, что сам он неоднократно приезжал в Бухенвальд для подготовки этого убийства.

Вот выдержка из заявления в ходе «Слушания» члена секретариата Центрального правления Объединения юристов ГДР, адвоката Карлоса Фота:

«Бывший гауптштурмфюрер СС Вернер Фрикке заявил — и это зафиксировано в протоколе его допроса и в заявлении кельнской прокуратуры, — что он беседовал в 1947 году в Дахау с находившимся тогда под американской стражей обвиняемым Отто об убийстве Тельмана. Фрикке на допросе заявил буквально следующее прокурору Коршу: «...Отто не оспаривал принципиальную правильность этого изложения» (хода убийства Тельмана во дворе крематория — В. М.).

Адвокат Фот привел и выдержки из протокола допроса, проведенного в Дахау в 1947 году в ходе предварительного следствия, во время очной ставки эссовцев Фрикке и Отто:

«Прокурор Корш: — Кто дал вам, Фрикке, в свое время распоряжение засвидетельствовать смерть Тельмана? Фрикке: — По этому поводу я уже дал подробное свидетельское показание... Поручение засвидетельствовать смерть Эрнста Тельмана я получила от штабсшарфюрера Отто, который действовал по приказу Пистера (тогдашнего коменданта концлагеря Бухенвальд. — В. М.).

Руки спокойно проживающего в нарядном домике в нижнерейнском городке Гельфортн в ФРГ, вышедшего уже на пенсию, бывшего учителя, а еще ранее бывшего штабсшарфюрера СС Отто обгарены кровью бесчисленных жертв. Как засвидетельствовал в ходе публичного процесса в «Зале сената» Гумбольдтского университета бывший председатель нелегального комитета узников концлагеря Бухенвальд профессор Вальтер Бартель, «...в Бухенвальде штабсшарфюрер СС Отто руководил командой по проведению казней («Exekutionskommando»). За три с половиной года эта команда убила 8483 советских военнопленных — как правило, специально для этого построенном сооружении, приспособленном для выстрелов в затылок».

В протоколах допросов, приведенных в ходе «Слушания дела о воспрепятствовании в ФРГ судебному преследованию убийц Эрнста Тельмана», есть и показания бывшего капо крематория Бухенвальда Мюллера, лично знакомого с Отто и наблюдавшего за «работой»

эссовского заплочных дел мастера во время казней. Показания Мюллера также подтвердили прямое соучастие бывшего штабсшарфюрера СС Отто в убийстве Тельмана.

«Прокурор Корш: — Вы знаете штабсшарфюрера комендатуры Вольфганга Отто? Мюллер: — Да.

Д-р Корш: — Чем занимался Отто в концлагере? Мюллер: — Я с ним был знаком лишь при исполнении им служебных обязанностей во время казней, о чем еще скажу.

Д-р Корш: — Какого рода было участие Отто — с точки зрения формальной — в казнях заключенных? Мюллер: — Здесь я могу дать лишь показания относительно казней, совершавшихся через повешение в крематории. Впрочем, я полагаю, что обстоятельства при казнях путем расстрела были примерно такими же».

И еще один штрих к зловещему портрету эссовца Отто, убийцы Тельмана, приведенный бывшим лагерным врачом в Бухенвальде Герхардом Шидлауски — он тоже был в крематории в ночь с 17 на 18 августа 1944 года — в показаниях, данных под присягой американцам, которые вели допрос:

«Вопрос: — Кто был руководителем казни? Отвечает: — Гауптштурмфюрер Шмидт.

Вопрос: — В какой функции выступал штабсшарфюрер? Отвечает: — Он отдавал приказы.

Вопрос: — Как звали штабсшарфюрера? Отвечает: — Отто, Вольфганг».

Эти протоколы допросов бывших эссовцев и лиц, причастных к тому, что разыгралось в крематории нацистского лагеря смерти Бухенвальд в ночь с 17 на 18 августа 1944 года, как и выявленная уполномоченными ГДР в федеральном архиве Кобленца и — по настоянию ГДР — приобретенная к следственному делу кельнской прокуратурой собственноручная записка Гимmlера с приказом Гитлера об убийстве Тельмана, другие материалы, изобличающие убийц, уже не первое десятилетие находятся в руках западногерманских судебных и следственных органов. Однако начатое в ФРГ предварительное следствие захлебнулось в лабиринтах западногерманского «правосудия».

Как со всей полнотой и очевидностью вскрыло «Слушание», к причинам демонстративной снисходительности западногерманской Фемиды к убийцам вождя Компартии Германии относятся и молчаливая солидарность чиновников в судебных мантиях со своими бывшими единомышленниками из карательных органов «третьего рейха», носивших черные мундиры СС, и ненависть к коммунизму, объединяющая убийц Тельмана и тех, кто после войны простер над ними в Западной Германии длань всепрощения. Срабатывает и опасение разоблачений, которые могли бы привести следствие в высшие сферы власти, в штаб-квартиры западногерманских монополий, в спец- и разведслужбы НАТО и далее — за океан, в цитадели американского военно-промышленного комплекса. А этого в кругах западногерманской и мировой реакции никак не хотят допустить...

«Уже после Сталинградской битвы уполномоченные промышленности, банков, вермахта и СС начали создавать совместные «Arbeitskreise» («Рабочие кружки») с тем, чтобы разработать планы для послевоенного времени, — заявил в своем выступлении на процессе в Берлине профессор Бартель. — При этом они исходили из перспективы неизбежного поражения фашистской Германии. По этому вопросу в документах всплыли, в частности, имена бригаденфюрера СС Отто Олендорфа, руководителя «внутренней» разведслужбы СД и руководителя «Айнзатцgruppe Д» на временно оккупированных фашистским вермахтом территориях Советского Союза, Людвиг Эрхарда — впоследствии канцлера ФРГ, Флика, владельца концерна, Германа Шмитца из «ИГ Фарбениндустри», Абса из «Дойче банк»

и Вестрика, в то время председателя правления «Ферейнигте Алюминумверке».

Фашистами последовательно и заблаговременно устранялись выдающиеся личности, способные повести за собой массы. Число погибших неисчислимо. Среди них в первую очередь руководители немецкого рабочего класса. Поэтому Гитлер и Гимmlер в полном согласии с планами немецкой крупной буржуазии отдали приказ об убийстве Председателя КПГ, нашего товарища Эрнста Тельмана».

Профессор Кауль подчеркнул в ходе «Слушания»:

«Что имеет для нас особо важное и поныне актуальное значение, так это следующее: бездеятельность юстиции Федеративной республики в ходе расследования убийства Эрнста Тельмана и практическое обречение на провал судебного-правового наказания этого преступления — как и в отношении других процессов над нацистскими преступниками, совершившими злодеяния, — покоятся на полном и безоговорочном перенятии враждебного образа коммунизма, сотворенного нацизмом. Именно в этом подлинная причина существующего в ФРГ нежелания преследовать нацистских преступников, совершивших злодеяния против человечности».

В своей заключительной речи на публичном процессе в Берлине президент Объединения юристов ГДР, член президиума Комитета антифашистских борцов Сопротивления и президент Верховного суда ГДР Генрих Теплиц сказал, апеллируя к международной ответственности:

«...Нам приходится констатировать: судебному преследованию убийц Тельмана сознательно воспрепятствовали сначала США, затем ФРГ. Тем самым игнорировались принципы Нюрнбергского международного трибунала, подтвержденные ООН в качестве фундаментальных норм международного права».

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ...

Не до каждого советского воина, сражавшегося с фашистским вермахтом на тысячекилометровом фронте, протянувшимся от Баренцева моря до Черного моря, дошел тот номер «Правды» от 17 сентября 1944 года, где сообщалось о гибели Эрнста Тельмана от рук гитлеровских палачей в концлагере Бухенвальд. Но вряд ли можно было встретить фронтовика, который не знал, что вождь немецких коммунистов уже долгие годы томится в застенках нацистской Германии.

«...здесь, в Бухенвальде, где погиб Тельман, — написал Д. С. Давидович, автор книги «Эрнст Тельман. Страницы жизни и борьбы», — приходит на память рассказ о простом советском солдате, который спешил спасти Тельмана...

25 апреля 1945 года, за несколько дней до полного разгрома гитлеровской армии, советские части после напряженных боев ворвались в Бауцен. Фашистский гарнизон с ожесточением оборонял свои безнадежные позиции. Советские воины отвоевывали улицу за улицей, дом за домом и, наконец, вышли к старинной тюрьме. Четыре советских воина под командой гвардии сержанта Александра Маслова первыми бросились на штурм железных ворот тюрьмы. «Там Тельман!» — говорил Александр Маслов своим товарищам. Они верили, что через несколько минут освободят из фашистских застенков великого сына германского пролетариата и его соратников. Александр Маслов ворвался в тюремный двор и, предрекая опасность, бросился к казематам, но тут его настигла вражеская пуля.

...Во дворе старинной тюрьмы стоят два обелиска — вождю немецкого трудового народа Эрнсту Тельману и славному советскому воину Александру Маслову. Они не знали друг друга, но вместе сражались в одном строю, под одним знаменем, за одни и те же благородные и великие цели».

Игорь ТАРАСЕВИЧ

Бегун

Еще, бегун, достало сил лететь, не зная остановки, и элит тартановый настил от ограждения до бровки.

Победный финиш — высший суд. Он не засчитывает боли. Опержая ход минут, беги, бегун, влекомый волей.

Как накрывается земля, и забывает все на свете, лишь только дунет свежий ветер, летя в спортивные поля!

Радуга

Уже прошел ненастный день, и наверху — гляди ты — цветная облачная тень по небесам разлита.

Вослед за пленкою дождя, когда вокруг поблело, светило, мимо проходя, мне расцветило стекла.

И все свежо, пестро, светло на этом белом свете. И ливню темному назло уже играют дети.

И на сверкающем лугу, не ведаящем снега, бегут под радугой-дугу и радуются бегу.

Скоморохи

На базаре, да на празднике престольном, на пирушке, при проказестве застольном, в покосившемся тракторе при дороге выходили да шутили скоморохи.

Смейся тот, кто от забот нахмурился! Девки водят хоровод на улице. А на площади, при всем честном народе бают сказки о чудном скоморохи.

О веселье, о деяниях шутящих, о заморских одеяниях затейных, о боярине с воротником высоким, о боярыне его с лицом синееким.

А как люди удалялись за пороги, за котомки снова брались скоморохи. Шли тропинками лесными под ливнями. Шли дорогами родными да длинными.

А пришли, так снова песни запели. Началось на новом месте веселье. Мы смешинку, мол, нашли на дороге. Выходи, народ! Пришли скоморохи!

Репортаж об интересном

Олег СЛАВИН.
Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ

С чего все началось? Да, наверное, вот с таких пробирок.— Доктор физико-математических наук Анатолий Жаботинский показал лабораторный штатив, стоявший на столе.

На вид пробирки были самыми обычными. Вот только их содержимое вело себя, на мой взгляд, весьма странно. В одной пробирке жидкость то желтела, то вновь становилась бесцветной. В другой — периодами розовела. А в третьей вообще шла какая-то сине-красная чехарда...

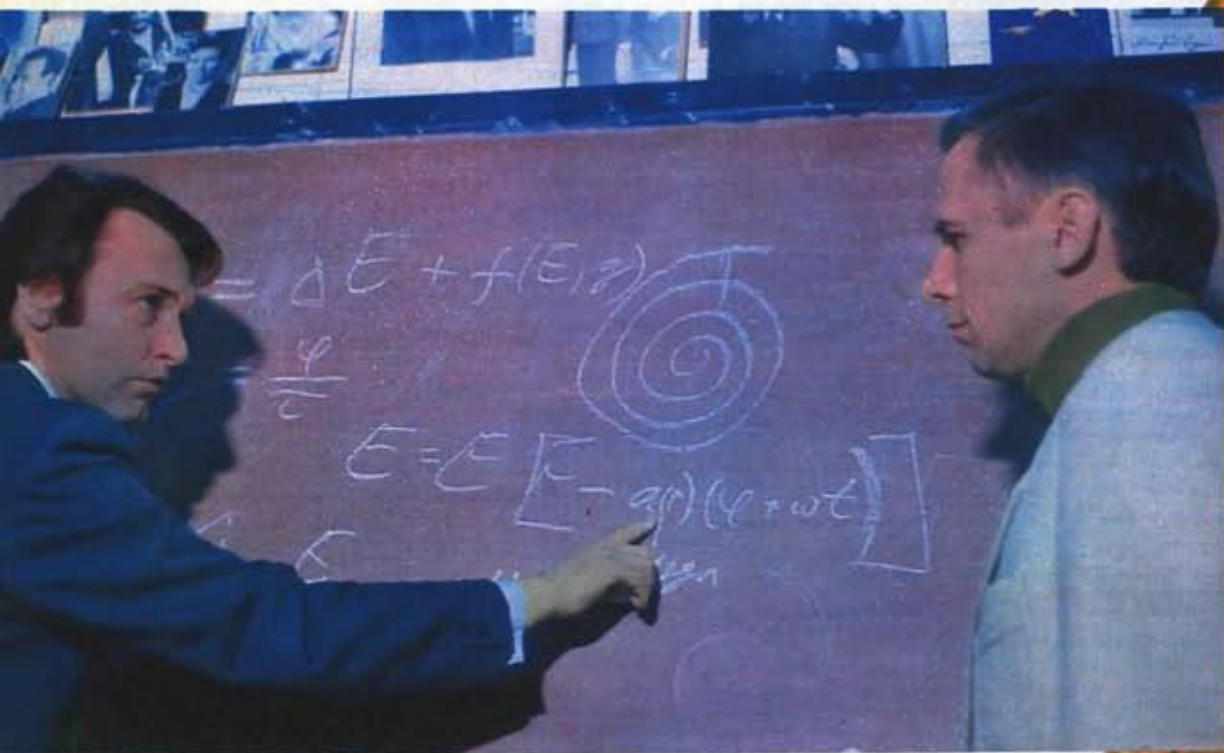
Тик-так, тик-так... Как будто передо мной работали фантастические часы. Без стрелок, без циферблата, без привычных шестеренок и пружин, они все же

существенный интерес к разного рода волновым процессам. Через некоторое время научным руководителем аспиранта Жаботинского стал С. Э. Шноль. Тот самый, который когда-то помогал Белоусову. Руководитель рассказал о белоусовских опытах ученику. Так Анатолий стал еще и химиком.

Заинтересовавшись странным феноменом, он решил повторить эксперименты Белоусова. Провел один опыт, второй, десятый, сотый, тысячный... И через десять лет мир заговорил о реакции Белоусова — Жаботинского. Первый, самый трудный шаг был сделан.

Шаг второй мне хотелось бы прокомментировать известным изречением: «На свете нет ничего практичнее хорошей теории». Жаботинский попытался подвести теоретическую базу под известные факты.

ПРОФЕССОР ВАЛЕНТИН КРИНСКИЙ И КАНДИДАТ ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИХ НАУК АЛЬБЕРТ ЗАЙКИН ОБСУЖДАЮТ МАТЕМАТИЧЕСКУЮ ФОРМУЛУ, ОПИСЫВАЮЩУЮ СЕРДЕЧНЫЕ РИТМЫ.

шли — жидкость меняла цвет с пунктуальностью хронометра.

— Впервые такой феномен был замечен в начале пятидесятых годов Борисом Павловичем Белоусовым, — говорит Жаботинский.

Исследователь вел опыты с растворами бромноватой и лимонной кислот. Когда в качестве катализатора в пробирку были добавлены соли церия, ученый вдруг заметил, что реакция окисления лимонной кислоты протекает совершенно невероятным образом: раствор безостановочно, с определенной периодичностью меняет свою окраску.

Белоусов проверяет еще и еще раз. Нет, ошибки быть не может! Налицо новый, неизвестный ранее в химии вид реакций. Исследователь пишет статью, отправляет ее в химический журнал и получает... отказ.

Борис Павлович делает вторую попытку публикации, третью... И все же в 1959 году при поддержке молодого биохимика С. Э. Шноля статья была опубликована. Но не в химическом журнале, а в медицинском. Медиков подобные реакции интересовали еще меньше, чем химиков, и публикация, а вместе с ней и научная работа были, казалось, преданы забвению.

Однако дальнейшие события развивались вот каким образом.

Профессор Марк Ефремович Жаботинский всю сознательную жизнь занимается изучением волновых процессов. Сын тоже решил стать ученым. Благополучно окончил школу, поступил на физфак МГУ и... оказался одним из первых выпускников первой в Союзе, а возможно, и во всем мире кафедры биофизики. Словом, Анатолий Жаботинский стал физиком с биологическим уклоном.

— Или, если хотите, биологом с физическими наклонностями, — улыбается он.

Чем же должен заниматься полуфизик-полубиолог? Испробовано было многое. Начинающий ученый занимался и проблемами онкологии, и защитой окружающей среды, и исследованиями токсичности выхлопных газов автомобиля... И каждый раз чувствовал: все это не то...

В конце концов, видимо, сыграл свою роль наслед-

В результате его разработок стало понятно, что химическая система, обнаруженная Белоусовым, — всего лишь один пример огромного класса так называемых распределенных возбудимых систем. И дело тут не только в том, что, помимо известных кислот и церия, были найдены другие исходные вещества и новые катализаторы.

Распределенная возбудимая система потому так и называется, что раствор, содержащий смесь способных реагировать между собой веществ, обладает запасом свободной энергии, равномерно распределенной в пространстве и способной высвободиться в любой точке этого пространства, причем сигналом к высвобождению энергии служит реакция в соседней точке.

Непонятно? Хорошо, давайте попробуем разобраться в этом важном моменте при помощи простого примера. И вовсе даже не из химии. Представьте себе лес, в котором живут зайцы и лисы. В хороший год, когда в лесу много травы и другого корма, количество зайцев увеличивается. Лисам становится легче охотиться, они приносят больше еды потомству, что, в свою очередь, приводит к увеличению числа лис на следующий год. Но большее число лис съест больше зайцев. Количество зайцев уменьшится. В лесу меньше станет ободранных стволов и объеденного кустарника. Растительность станет набирать свою былую зеленую мощь. А тем временем малое число зайцев приведет к сокращению числа лис. А малое число лис и большое количество корма приведут к росту поголовья зайцев. А большее количество зайцев...

Кажется, достаточно. Вы уже поняли, как работает подобная распределенная возбудимая система. Изменение ситуации в одной точке, на одном этапе, немедленно ведет к перестройке реакции в других: система постоянно колеблется вокруг какого-то оптимума. То есть, говоря другими словами, в распределенных возбудимых системах имеются условия для возникновения автоколебаний или автоволн.

В природе, повторяю, множество таких систем. И среди них распространение нервного импульса. Нерв, будучи раздраженным в одной точке, посылает сигнал, который не затухает; волна возбуждения, попав

на соседний участок, вызывает в нем ответную реакцию, которая, в свою очередь, передается дальше.

Почему именно на эту систему стоило обратить особое внимание, вы сейчас поймете. Рассказывает кандидат физико-математических наук Альберт Зайкин:

— В конце пятидесятых годов активно обсуждался вопрос о возможности создания так называемого нейристора — устройства, моделирующего нервное волокно. Идея эта была привлекательна тем, что такие элементы способны выполнять все необходимые логические операции, а соединяя нейристоры между собой различными способами, можно было бы создавать вычислительные машины любой сложности...

В то время речи могла идти о создании только какого-либо технического устройства, скажем, модели на радиоплампах. Однако из этой затеи ничего хорошего не получилось, поскольку даже тех небольших отличий, которые всегда есть в характеристиках электровакuumных приборов, оказалось достаточно, чтобы оставленная из ламп активная линия не

ОТКР

работала. Еще хуже обстояло дело с транзисторами того времени — у них разброс характеристик был еще больше.

— Но тут появились работы Жаботинского, — продолжает Зайкин, — и я подумал, а не эта ли система представляет собой идеальную активную среду, в которой не может быть никаких неоднородностей? Нельзя ли в ней запустить автоволны? Мы встретились с Жаботинским и попробовали провести простейший эксперимент. Взяли большую круглую коробку из-под киноплёнки, залили дно воском, сделали в нем кольцевую канавку, наполнили ее раствором и стали смотреть, что из этого получается...

Однако реакция не пошла. Много позже ученые узнали причину неудачи: просто в той химической системе, которую они использовали (с ионами церия), возникают слишком длинные волны, и в канале такой небольшой длины, что был в коробке, их попросту нельзя заметить. Кроме того, система с церием дает малозаметные цветовые переходы — из прозрачной жидкости делается всего лишь слабо-желтой.

Когда же три года спустя была использована более коротковолновая система, катализатором в которой служили соединения железа, дело сдвинулось с мертвой точки. Налитый на дно плоской чашки тонкий слой раствора сразу же продемонстрировал автоволны. Причем интересная особенность: стоит сделать слой раствора чуточку толще, и колебания пропадают: происходит перемешивание раствора и автоколебательный эффект становится просто незаметен. В тонком же слое перемешивания уже не происходит, и несопадение колебаний по фазе в разных точках проявляется замечательным образом — в виде кольцевых и спиральных волн.

Вот с этого опыта все и пошло на лад. Таким образом, как видите, исследователям удалось выявить еще один химический феномен — существование кольцевых и спиральных волн.

Замечательное свойство активных сред заключается в том, что они не только поддерживают постоянными амплитуду и скорость распространения этих волн в растворе, но и сами подпитывают энергией источник этих волн. Говоря иными словами, это означает, что всегда можно подобрать такие условия, когда источник волн будет работать автоматически. Эти волны будут обладать не совсем обычными свойствами. Так, например, если мы бросим в пруд два камешка, то волны, которые станут распространяться от мест их падения по поверхности воды, пересекаясь, не мешают друг другу: между ними происходит интерференция — сложение и вычитание колебаний в разных точках. Активные же волны друг друга только гасят. Расходясь от нескольких центров, они вступают друг с другом в конкуренцию; в результате победителем оказывается лишь один сорт волн — от наиболее высокочастотного источника. Отсюда и расходятся концентрические, кольцевые волны.

Но чисто концентрические волны наблюдаются только в случае идеально однородной среды. Если же среда неоднородна (скажем, раствор плохо перемешан), фронт разрывается, и возникает спиральная волна.

Почему все это происходит? Чтобы подробнее разобраться в этом, давайте снова обратимся к

АСПИРАНТ КОНСТАНТИН АГЛАДЗЕ ПРОВОДИТ ОПЫТЫ ПО РЕГИСТРАЦИИ ВОЛНОВЫХ ПРОЦЕССОВ.

менной микроэлектроники позволяет надеяться, что в скором времени такие модели будут созданы при помощи более компактной электроники.

Но все это вовсе не снижает ценности проведенных опытов. Они пригодились при исследованиях другой важной проблемы — современной биологии и медицины — помогли разобраться в причинах фибрилляции сердца.

Чтобы понять суть дела, войдем в лабораторию Института биофизики АН СССР, которой заведует профессор Валентин Кринский.

На лабораторном столе лежит препарированная лягушка. Ее сердце полностью отделено от организма. Но что это?! Сердце продолжает сокращаться как ни в чем не бывало.

— Группа клеток, спрятанная в предсердии, продолжает помнить о своем долге, — поясняет профессор. — Не случайно это место в сердце называется «водителем ритма»...

ЫТМЕ : ВОЛНЫ СЕРДЦА

примеру из обыденной жизни. Представьте себе степь, покрытую сухой травой. Если бросить горящую спичку, во все стороны, по кругу, побежит кольцевая волна огня, за которым останется выжженная земля. Но пройдет год, и на пожарище снова зазеленеет, вырастет и высохнет трава. Пал можно повторить, снова бросив спичку в то же место. Так из года в год мы можем наблюдать кольцевые волны огня. Если же во время пожара кольцевой фронт разорвать (поставить, например, на пути огня какую-то преграду, а через некоторое время убрать ее), то часть волны будет иметь теперь не только фронт, но и фланг. Двигаясь вперед и вбок, волна будет все больше заходить самой себе в тыл, пока не закрутится спиралью...

Исследователи подробно разобрались во всех этих кругах и спиралах, а вот химическую модель нерва им так и не удалось создать. Дело оказалось слишком уж сложным технически. Да и подробность в таком моделировании, по существу, отпала. Бурный рост совре-

Сердце продолжает биться, и по темному экрану стоящего по соседству дисплея пробегают светлые полосы — электрические сигналы от датчиков, введенных в сердечные клетки.

Но вот исследователь рассказывает сердечную мышцу. В одной ее части остается водитель ритма, в другой — только желудочек. Ткани подключают к двум разным приборам. На телевизионном первом дисплее, где остались клетки водителя ритма, мы видим все тот же волновой процесс.

Однако вот что удивительно: вскоре и на втором телевизионном дисплее появляются полосы — через минуту-другую желудочек начинает самостоятельно сокращаться. В сердце заработали запасные датчики импульсов.

Этот опыт наглядно показывает, насколько велик запас прочности сердца. Известно, что, кроме двух миллионов клеток водителя ритма (согласитесь, сама по себе цифра немалая), по мере необходимости генераторам импульсов могут стать и клетки других мышц сердца. Они как бы подстраховывают работу первых. Мало ли что...

Но если все это так, откуда берутся сердечные болезни? И среди них одна из самых страшных — фибрилляция сердца, иногда появляющаяся при инфаркте. Водитель ритма как будто забывает о своем долге, и все сердечные мышцы начинают сокращаться вразнобой, асинхронно. Сердце перестает нагнать кровь.

Спасти человека в этом случае бывает очень трудно. Врачи порой прибегают даже к такому крайнему средству — через сердце пропускают электрический разряд в несколько киловольт. А если под рукой нет столь мощного источника?.. И главное, почему все это происходит? Причины фибрилляции долгое время оставались неизвестными.

И вот за дело взялись математики, физики, химики — люди, казалось бы, далекие от медицины.

Тридцать лет назад Норберт Винер попробовал создать математическую модель работы сердца, ис-

пользуя для этого концепцию конечных автоматов. По его расчетам получалось, что причины фибрилляции сердца следует искать в каких-то странных вихрях, возникающих в сердечных тканях.

Ознакомившись с работой Винера, другие математики пожалели плечами: математически все как будто правильно, но кто знает, не была ли математическая модель слишком упрощена? Быть может, поэтому и получились столь странные результаты... Медики высказались еще более категорично: «Волны в сердце?! Это что за выдумки?!»

Понадобилось три десятилетия, работа многих ученых, в том числе В. И. Кринского, А. Н. Заикина, А. М. Жаботинского, члена-корреспондента АН СССР Г. Р. Иваницкого, чтобы понять: сердце — такая же возбуждаемая система, как пожар в степи, зайцы и лисы в лесу, синие-красные волны в чаше на лабораторном столе... Теория автоволновых процессов смогла точно определить: фибрилляция происходит, когда вместо одной автоволны (мышечного сокращения) возникают многочисленные спиральные волны. Иногда возникает одна мощная спиральная волна, вызывающая приступ тахикардии.

ПРОФЕССОР АНАТОЛИЙ ЖАБОТИНСКИЙ ВЕДЕТ ЗАНЯТИЯ СО СТУДЕНТАМИ И АСПИРАНТАМИ, УВЛЕКШИМИСЯ ИДЕЕЙ ИЗУЧЕНИЯ ВОЛНОВЫХ ПРОЦЕССОВ В ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ СЕРДЦЕ.

Ну, а когда известен яд, легче отыскать противоядие. Теория автоволн дает возможность фармацевтам целенаправленно искать эффективные противоритмические лекарства, намного быстрее проходить путь от химической лаборатории до койки больного.

И это только одно из практических применений новой теории. Автоволны также поддерживают капиллярный кровоток, обеспечивают продвижение пищи по желудочно-кишечному тракту, стимулируют жизнедеятельность мозга... Более того, по мнению исследователей, автоволновые процессы являются первоосновой «живых часов», которые есть в каждой клетке, благодаря им люди обладают чувством времени.

— С помощью теории автоволновых процессов, — говорит Анатолий Маркович, — можно также вести исследования флаттера в аэродинамике, решать проблемы устойчивости плазмы в термоядерной энергетике, создавать системы оперативной памяти в микроэлектронике...

Исследование закономерностей, протекающих в активных средах, привело к возникновению новых разделов биофизики, физической химии, математики... И даже послужило одной из основ новой науки — синергетики — изучающей процессы в любых активных средах, будь то химическая реакция, физический прибор, живая клетка, организм или целое общество.

Важность проведенных исследований подчеркивает и такой факт: группа исследователей в составе Б. П. Белоусова (посмертно), А. М. Жаботинского, Г. Р. Иваницкого, В. И. Кринского и А. Н. Заикина была удостоена Ленинской премии в области науки и техники.

...А началось все так обыденно — с пробирки на лабораторном столе.

СОВРЕМЕННЫМ БИОЛОГАМ НУЖНЫ СЕРЬЕЗНЫЕ ЗНАНИЯ ПО ЭЛЕКТРОННОЙ ТЕХНИКЕ.

УРОК, НЕУЖЕБНЫЙ ВСЕМ

В 7-м и 8-м номерах этого года мы опубликовали первые отклики на дискуссию «Далекie близкие», возникшую после письма читательницы А. С. Квасовой из Подмоскoвья. Надо сказать, что во всех откликах читатели выходят за рамки разговора лишь о родественных чувствах и связях. Поднимаются проблемы взаимоотношений не только людей, близких по крови, но и рассматривается проблема «человек — общество — человек».

В письмах, которые мы публикуем, разговор этот продолжается.

НЕ ПО ФОРМАЛЬНЫМ ПРИЗНАКАМ...

Уважаемая редакция!

Есть, по-моему, в письме А. С. Квасовой тревожные строки: «А сегодня, мне кажется, в нас все больше и больше проникает какая-то духовная, родственная разьединенность...»

Озабоченность автора письма не беспочвенна. Вряд ли стоит делать глобальные обобщения, но и отмахиваться от такой проблемы нельзя. Она нет-нет да завладевает о себе весьма болезненно.

Как ни странно, на память пришла шутка, которая много лет в ходу у одеситов: «Если вы хотите узнать всех своих родственников, вам надо летом не выезжать из Одессы». Имеется в виду навязчивая бесцеремонность тех, кто в курортный сезон штурмует близких и дальних родственников, проживающих у моря. Даже если они, как говорится, седьмая вода на киселе. Летом в Одессе — паломничество племянников, двоюродных тетей, свяжков по линии шуринов, подруг маминого детства, а порой и просто многочисленных знакомых. Однажды летом один мой приятель посетовал:

— Третий месяц живу на балконе. В комнаты не пробраться — постоянный двор. Едут и едут. Многих увидел первый раз в жизни. А степень нашего родства толком установить так и не удалось...

Что это — частное явление? Вероятно. Но оно из того круга вопросов, которые затрагивает А. С. Квасова. Думаю, что понятия «родство кровное» и «родство духовное» — вовсе не одно и то же. Без мировоззренческого единства, общности духовных принципов, без нравственной согласованности кровное родство вновь и вновь рискует превратиться лишь в форму, лишенную содержания.

Основы подлинно родственных связей — это подкашивает опыт многих поколений — должны складываться в семье с раннего детства. Обратите внимание, не так часто услышишь сейчас о семейных чтениях, собирающихся вместе старших и младших, о домашних концертах, о совместных воскресных турпоходах родственников. Тем более — о коллективном ремонте квартиры, дружной совместной работе на садовом участке. А жаль! Как это сблизает, сплачивает, роднит, как помогает жить, что называется, душа в душу.

На мой взгляд, в наше время над этими вопросами люди в житейской текучке просто не задумываются. Ни наедине с собой, ни в коллективе, ни в комсомольской или в профсоюзной организации. Отчетности ведь в такой сфере не предусмотрено!

Только не будем сгущать краски. Все-таки жизнь куда ярче и многоцветнее, чем может показаться, если смотреть на нее только через щелочку личных неурядиц и огорчений.

Более трех десятилетий судьба моя неотделима от армии. Не раз задумывался я над тем, почему в армейской жизни неотвратимо разрушаются барьеры человеческой разобщенности и происходит прямо-таки порождение совершенно чужих людей. Дело, на мой взгляд, в том, что в армии существуют благоприятные условия, при которых и кровь и плоть множества людей в процессе их тесного взаимодействия входит потребность всегда поступать в соответствии с нравственными принципами коллективизма, патриотизма, интернационализма, гуманизма, сознательного, добросовестного отношения к порученному делу.

В армии всё и все ежечасно на виду друг у друга. Здесь, как правило, нет почвы для микрочаек эгоизма. Верность требованиям военной присяги и

воинских уставов, общий дом — родное подразделение, совместное преодоление трудностей, единство взглядов, стремление объединить людей духовно.

Этим и объясняется, что, уволившись в запас, воины нередко целыми взводами уезжают на ударные стройки в необжитые края. Или, разъехавшись по домам, потом всю жизнь переписываются, приезжают друг к другу, свято дорожат своей армейской дружбой и рассказывают о ней внукам. Чем эти люди не родня!

Говоря о разрушении родственных связей, А. С. Квасова спрашивает: «Как остановить это?» Думается, единого рецепта нет. Но неоспоримо одно. Никакое «официальное родство» не может быть прочным и животворящим без поиска точек духовного соприкосновения, без нравственных контактов. Найдутся они — будет и взаимопонимание и моральное взаимообогащение. Жизнь станет содержательней и интересней. Человек никогда, ни в радости, ни в беде, не останется один. Не найдутся — и самое близкое родство может стать не более чем анкетной формальностью. А допускать это — значит предать и себе и обществу!

Всеволод КИРЮЩЕНКО,
Одесса

ДЕТИ И ГОРЕ-ДЕТИ

Прочитал письмо А. С. Квасовой и задумался: вот ведь какими далекими бывают близкие люди... Что же, и часто такое встречается? Я лично далеко от подобной мысли. Дело в том, что это письмо вам я пишу под впечатлением золотой свадьбы, на которую недавно был гостем. Свадьбу справляли мой двоюродный брат Дмитрий Филиппович и его жена Евдокия Павловна Загородние — члены нашего колхоза «Кубань» от времен коллективизации и до настоящих дней.

Мы с женой приехали на свадьбу, когда она была в самом разгаре. Однако сразу заметили, что «молодожены» чем-то опечалены.

— В чем дело? — спросили мы.

— Пантюши нет. Почему-то не приехал...

И только мы успели почувствовать супругам, как в комнату с шумом вбегает... Пантелей.

— Ну, теперь все собралось, — облегченно вздохнула «молодые». Все тринадцать детей приехали, чтобы поздравить отца и мать с замечательным юбилеем. И вот что еще ценно: все они унаследовали от матери-героини и отца — ветерана войны и труда любовь к детям. В каждой молодой семье — по четыре-пять детей. Сорок два внука и пять правнуков приехали поздравить дедушку и бабушку, прадедушку и прабабушку. За праздничным столом собралась великая, красивая, дружная семья!

А вот еще пример, только другого свойства. Жила в нашем хуторе вдова (муж ее погиб на фронте). На ее попечение остались пятеро детей и все мал мала меньше. Предлагали Феодоре Максимовне двоих-троих детей сдать в детдом, да только она не согласилась.

— Как-нибудь переберемся, — всегда говорила она, — а детей мне всех одинаково жалко.

Как ни трудно было, а все же ребята своих вырастила, всем образование дала. Постепенно дети разлетелись, женились, замуж повыходили. Пока мать была еще крепка-здорова, частенько навещались, внучат оставляли нянчить, когда самим трудно было. Но и старость брала свое: трудно стало обрабатывать участок, за внуками ухаживать. И дети перестали ездить к матери. А когда она уж совсем слегла в постель, то попросила одинокую, чужую женщину пожить с ней до конца ее дней.

Вскоре она умерла. Через некоторое время в хутор стали навещаться сыновья с женами, дочери с мужьями. И не стало места одинокой женщине в скромной мазанке.

Но женщина уходить не собиралась, поскольку покойница успела на нее оформить завещание. И вот теперь горе-дети обивают пороги судов, юридических консультаций. А ведь живут все в больших городах, имеют прекрасные квартиры, материально обеспечены. Что им надо, где их совесть? И откуда такая алчность?

Теперь о письме А. С. Квасовой. Думаю, что в данном случае на родественных отношениях действительно пагубно отразилась цивилизация. Не дай бог, подумад, наверное, Сергей, чего доброго придется еще забирать тетю к себе в квартиру, где на первое место, очевидно, поставлены ковры, дорогая мебель, да и лишние работы тоже ни к чему. Хотя, когда самому Сереже трудно было, тетя его и пошла и кормила, и стирала, и деньги взаимно давала, хотя у самой их не густо было.

А вот у нас в хуторе если свадьбу играют, или какое-то другое торжество, или, наоборот, если горе к кому-то пришло, собираются все родственники — далекие, близкие, все равно. Часто и без приглашения. Так идет из поколения в поколение. Так учили нас родители, так учим мы детей своих.

Алексей ЗАВГОРОДНИЙ,
агроном.

Краснодарский край,
хутор Бараниковский

РАЗДЕЛЕННАЯ РАДОСТЬ — ДВОЙНАЯ...

Дорогая редакция!

Мне пришлось по душе справедливые суждения читательницы В. С. Катинковой из Ставрополя, которая пишет в своем письме («Смена» № 7): «Люби сам своих близких, делай им добро — и они ответят тебе тем же...» И далее: «Если наши дети плохо к нам относятся — виноваты мы, взрослые».

Да, с этим нельзя не согласиться. Но жизнь не сад, в котором растут одни цветочки. Она сложна и многообразна. В ней подчас честность вынуждена соседствовать с корыстью, добро со злом, величие души с подлостью... Мы прекрасно научились отделять хорошее от плохого, хотя и не смогли пока избавиться от некоторых пороков человеческого характера, но знаем, что и то и другое — и плохое и хорошее — определяется уровнем человеческой и гражданской зрелости личности.

Поступки человека — зеркало его воспитанности. Хорошо воспитанный человек — это тот, кто умеет жить с другими людьми, умеет с ними ладить, умеет быть к ним внимательным, ласковым, добрым. Такого человека хотел видеть В. И. Ленин: «Мы будем работать, чтобы внедрить в сознание, в привычку, в повседневный обиход масс правило: «Все за одного и один за всех». Сегодня эта ленинская мечта осуществилась, стала законом нашей жизни, отражена она и в Конституции СССР.

Ну, а по поводу возникшей в письме А. С. Квасовой мысли — дескать, с ростом благосостояния людей, улучшением жизни, как правило, черствеют и их души, скажем прямо: нет и нет! И не может быть такой закономерности. Потому что несовместимо это с самой сутью коммунистической морали.

Теплое общение с родными, друзьями, знакомыми — поистине счастливый дар, назначенный человеку природой. Это то благо, которое облегчает жизнь человека и делает ее красивее. Не зря ведь народная мудрость издавна определила: «Разделенная радость — двойная радость, разделенное горе — половина горя!»

Подельсь с читателями, как складываются у меня отношения с родственниками, близкими и далекими. У моей матери и отца — рабочего, коммуниста было семь детей. Родителям так удалось воспитать нас, что все мы дружим друг с другом, спаяны общностью интересов, взаимным доверием, уважением и глубокой сердечной привязанностью. Отец и мать для нас всегда были самым большим авторитетом. Братья даже и работать пошли по стопам отца: сегодня в Тихорецке на машиностроительном заводе имени В. В. Воровского трудится целая династия Рудневых. И о каждом из членов династии идет добрая слава.

Все мы — родственники — духовно близки друг другу. Мы часто встречаемся и постоянно поддерживаем письменную связь. Вообще письма — это барометр человеческих отношений. Ведь пишут, когда есть что писать и когда нельзя не писать. Сегодня, к сожалению, в других семьях даже этот вид отношений не очень-то поддерживается: иному взрослому дяде открыточку к празднику лишь послать матери. А жаль... Так вот и теряется очень ценное, необходимое всем нам чувство — любовь к ближнему.

Мне в жизни повезло — меня окружали всегда люди добрые, с чистой совестью, простые, с приветливым нравом. Это — большое счастье. Да и самому приходилось оказывать многим товарищескую поддержку и словом и делом. Вот в этом — в желании делать людям добро, — мне кажется, и заключается истинная радость жизни. Радость, которая вдохновляет, обогащает духовно и не позволяет душе лениться.

В. Ф. РУДНЕВ,
Москва

Конкурс одного стихотворения

Александр ТРОФИМОВ,
рабочий,
Москва.

Сорок третий год
Горем расплескался...
Старой бабке снится дед,
Что войне достался:
— Щей домашних я хочу,
Ты свари, Петровна—
И ушел, как по лучу,
Не бывало словно.
Наварила бабка щей,
Нет обеда горше.
Он сказал спасибо ей
И не снился больше.

Македоний ФЕДОТОВСКИХ,
пожарный инструктор,
Москва

Баллада о верности

Тополь.
Пряслю прислонилось к дому.
Три окошка.

Избяной уют...
Анна, Анна—Нюра по-простому,
Расскажу ли про любовь твою?

В сорок первом для тебя,
невесты,
В милом замыкался мир земной.
Только милому пришла повестка—
Восемь строк,
подписанных войной.

Свадьба наспех—
не пилось, не пелось.
Вам—полночи на любовь сквозь грусть.
До утра на Митю ты гляделась,
Повторяла:
— Все равно дождусь!

Провожала в кофте васильковой,
За селом стояла дотемна.
Воин Дмитрий!
Где твой взвод стрелковый?
Знал бы ты, как ждет тебя жена!

Принесли беду-бумагу на дом,
Что убит ты,
в Познани лежишь.
Не взяла. Ответила:
— Не надо.
Это все неправда... Митя жив!

И когда обедать накрывала,—
Всем вестям назло,
назло судьбе—
Хлеб и ложку рядом мужу клала,
Словно вот
придет он на обед...

От ветров скрипят тоскливо двери,
Пряслю пало—некому поднять.
Слышишь, Дмитрий!
Анна в смерть не верит,
Вот опять пошла тебя встречать.

В сохраненной кофте васильковой
За село уйдет—и не зови.
Ждет-стоит...
Строга, седоголова.
Светлый символ
горестной любви.

ПОЮ МОЕ ОТЕЧЕСТВО

Виктор ЖИГУНОВ,
журналист,
г. Ликино-Дулево,
Московская область

П. И. КЛИМУКУ

Поленья отшумели и потухли.
Еще заслонку рано бы снимать.
Но загляделся в трепетные углы
Деревню навестивший космонавт.

Темно, и задувает к непогоде.
А печь его уютом обвила:
Чуть слышным гулом тяги в дымоходе
И отсветом домашнего тепла.

Потом уж было:
страны, толпы, флаги...
И завтра будет: рев и пламя дюз—
Дрожа от миллионной тяги,
Опять к орбите вырвется «Союз».

А начиналось так: сажались хлебы,
Ухватом мать носила чугуны...

Вот стенки, как космическое небо,
Искристы и от копоти черны.

Здесь грелся, спал и плакал от обиды...
Не зря, когда корабль пошел в разгон,
Неясно показалось: это было—
Лежал, а там, внизу, гудел огонь.

С таким теплом—
и в жизнь ушел бесстрашно.
И доведется снова в полный рост
Подняться над Землей—не будет странно
Смотреть в иллюминатор, полный звезд.

А жар в печи—темнее, глуше, дальше...
И вдруг взметнется, красотой дразня,
Сама Земля—по черноте летящий
Язык голубоватого огня!

Михаил КАРАМУШКО,
военнослужащий,
Москва

Березы

Много встретишь берез на Руси,
Вечно стройных,
По-русски красивых.
Каждый скажет, кого ни спроси,
Что без них он не мыслит России.

Не любить их, поверьте, нельзя,
Хороши они в зной и в морозы.
А недавно в Берлине, друзья,
Я плакучие видел березы.

В Третов-парке
Стоят среди роз,

Как знамена, склонив свои ветви,
Две шеренги плакучих берез
В память павших героев советских.

Чуть качаясь, листва на ветру
Опадает на алые розы.
Приглядись—и покажется вдруг,
Что действительно плачут березы...

Много бед принесла нам война,
Путь к победе был долг и труден...
В Третов-парке всегда тишина,
Тихину эту слушают люди.

Рисунки Виктора БЫЛИНКИНА

Владимир БОЛОХОВ,
журналист,
Новомосковск

Песенка точильщика

— Ножи точу,
точу ножи!—
кричал, как пел, точильщик.
И круг под сталью—
«вжик» да «вжик»,
к восторгу всех мальчишек.

Я под иголки желтых брызг
тянулся, словно к чуду.
А дед усы топорщил:
— Брысь!
Уж доберусь до чуба.

Но я, как маленькая тень,
сновал за ним повсюду:
— Дедуся, дай крунуть ремень,
под камень лезть не буду...

И постоянству малыша
старик воздал сторицей:
— Валяй, ежиная душа...
Но так, чтоб можно бриться.

— Ножи точу,
точу ножи!—
я пел под свист металла...
Наставник мой в земле лежит.
Но песенка осталась.

Георгий
ЖЕЛЕЗНОГОРОВ,
доцент,
Харьков

В ответе— мы!

Опадали снежинки тихо,
Словно белых роз лепестки.
Возле школы с веселым криком
Детвора играла в снежки.

И мне вспомнился
сорок третий.
Город Вязьма.

Ноябрьская стынь.
Первый снег припорошен пеплом.
Плач ребенка в безмолвьи руин.
Мы назвали его сынишкой,
Каждый нес свою долю пайка,
Но пришлось расстаться

с мальчишкой—
Был он мал для сына полка.
Не заплакал,

нахмурил брови,
Вышел к розвальням не спеша.
Безотрадность сиротства снова
Леденела в глазах малыша.
Санний след замело порошей,
Но не меркнет память войны...
Отозвался в сердце тревожно
Гомон радостной ребятни.

Пусть лучатся на юных лицах
Бронза лета,
румянец зимы.
Лихолетье не повторится.
И в ответе за это—
мы!

Напоминаем: в конкурсе могут принять участие все пишущие стихи (не члены Союза писателей СССР), указав фамилию, имя, отчество, возраст, профессию, домашний адрес; лучшие стихи публикуются, победители конкурса, итоги которого будут подведены в конце 1981 года, награждаются дипломами и премией «Смены»; присылать следует только одно стихотворение; рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Ждем ваших стихов.

Конкурс Эрудитов

В минувшем году редакция журнала «Смена» объявила Конкурс эрудитов. Большой поток писем и отзывы на них свидетельствуют, что игра пришлась по душе очень многим нашим читателям. Причем с каждым туром число желающих участвовать в ней растет. Практически все участники единодушны в одном: конкурс интересен тем, что повышает знания и развивает эрудицию, учит работать с различного рода литературой.

Итак, прошло три тура. Каждый имел самостоятельное значение, так как итоги подводились сразу, в конце его.

Продолжая конкурс, напоминаем, что условия не изменились. Авторы его — вы сами, дорогие читатели. Вопросы из разных областей общественной жизни, науки, литературы, искусства редакция отбирает по вашим письмам. Просим вас и дальше составлять и присылать их в любом количестве. К каждому вопросу обязательно надо прилагать ответ и четко указывать первоисточник.

Отвечая на вопросы и прилагая свои для следующего тура, желательно писать их на одной стороне листа.

Как показывают результаты предыдущих туров, претендовать на победу могут те читатели, которые наиболее полно и точно ответят на большинство вопросов. Победителей конкурса жюри определит в конце тура. Призы — книги и альбомы.

УЧАСТВОВАТЬ В ПОСЛЕДУЮЩИХ ТУРАХ МОЖЕТ КАЖДЫЙ, ДАЖЕ ЕСЛИ ОН ДО СИХ ПОР НЕ ВСТУПАЛ В ИГРУ.

Ждем ваших писем с содержательными ответами на очередной тур и вопросами для следующего тура. Срок их отправки — до 1 августа.

Итак, задание очередного тура:

1. У художника П. Андрианова есть картина «В. И. Ленин и Я. М. Свердлов на Красной площади 1 Мая 1918 года наблюдают за полетом самолета». Какой это был самолет, где построен и кто его пилотировал?

В. ИШУТКИН, пос. Чернь Тульской области

2. Когда было издано первое Собрание сочинений В. И. Ленина и как оно называлось?

А. ГРИШАНОВ, Ленинград

3. Селение Москва стоит близ реки Волга. Где это?

В. ПОЛИКАРПОВ, пос. Угловка Новгородской области

4. Шла вторая мировая война... Какой писатель и по какому радио произнес тогда самую короткую в мире речь? процитируйте ее.

В. ПУТИЛОВА, Красноуральск Свердловской области

5. Где и когда была открыта первая советская сберкасса? Кто был ее первым клиентом?

А. ШУВАЕВ, Анапа

6. В четырех крупных произведениях русского поэта у героинь одинаковое имя. Назовите поэта, произведения и имя героинь.

Г. БАЛАШОВА, Москва

7. Во время какой демонстрации и кто впервые в России нес красное знамя?

В. ЮРЬЕВ, г. Энгельс Саратовской области

8. Когда и где был впервые описан полет на Луну?

П. СТАРЫЙ, пос. Талнах Красноярского края

9. Кто был первым в истории Франции композитором, которого восторженная публика аплодисментами вызвала на сцену? Назовите его полное имя. Широкую известность он заслужил успехами в другой области. В какой?

Л. МОСКВИТИН, Бирюсинск Иркутской области

10. Какая рыба и когда плавает хвостом вперед?

Б. МОЩИЦКАЯ, Иркутск

11. Назовите самую удаленную сейчас от Солнца планету.

Р. ТЕМИРГАЛИЕВ, Ташкент

12. Знаете ли вы самый древний военный орден?

С. ДАНЧЕНКО, Бердянск Запорожской области

13. В основу произведения популярного писателя легла романтическая история одного из декабристов. Назовите писателя, произведение, декабриста. Кто послужил прототипом героини произведения?

О. БАГРОВА, Харьков

14. Среди античных ученых была женщина. Назовите ее имя. Где она жила? В каких областях науки она известна? Она изобрела несколько приборов. Каких?

А. ЛОПАТИН, Новосибирск

15. В какой стране растет патриарх деревьев? Каков его возраст?

В. РАЗИН, Москва

Ждем ваших писем с ответами на этот тур и вопросами для следующего тура.

Рисунок ЮНАКА

Рисунок Николая БЕЛЕВЦЕВА

Рисунок Валентина ДРУЖИНИНА

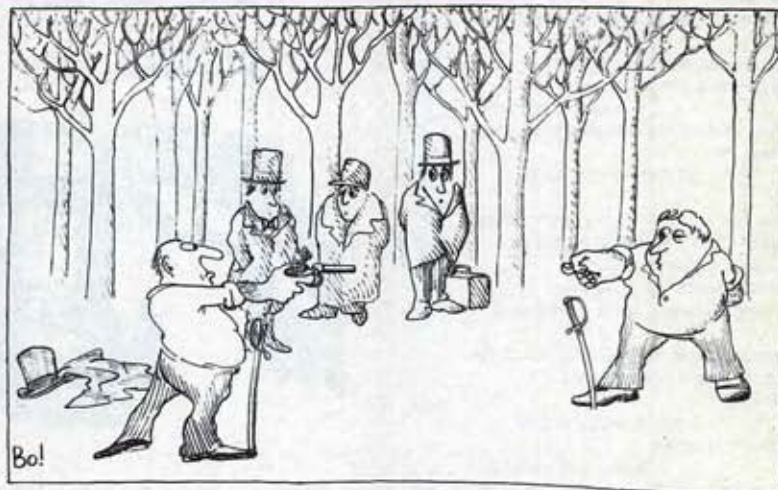

Рисунок Петра ВОСКРЕСЕНСКОГО

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 212-15-07. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 03.04.81. Подписано к печати 16.04.81. А 05087. Формат 70×108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 17,50. Тираж 1155000 экз. Изд. № 1049. Заказ № 495. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

23 ШАХМАТНАЯ ОЛИМПИАДА

СМЕНЫ

(Окончание.
Начало см.
в №№ 1, 2, 5—9
нашего журнала.)

ДЕСЯТЫЙ ТУР

Белые начинают и выигрывают (3 балла).

Ход белых. На какое поле нужно поставить черного короля, чтобы можно было объявить ему мат в шесть ходов? (5 баллов).

Обратный мат в четыре хода (5 баллов).

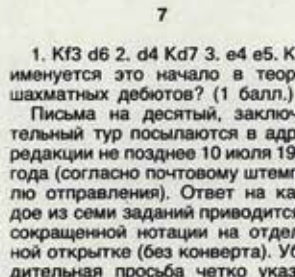
Кооперативный мат в пять ходов (5 баллов).

Ход черных. Могут ли они добиться победы? (5 баллов).

Ход черных. Как вы оцените возможности сторон в этой ситуации? (6 баллов).

1. Kf3 d6 2. d4 Kd7 3. e4 e5. Как именуется это начало в теории шахматных дебютов? (1 балл).

регистрационный олимпиадный номер и проставлять пометку «23-я шахматная олимпиада «Смены», тур десятый».

МОЛОДЕЖЬ СРАЖАЕТСЯ В ТАЛЛИНЕ

Интересной, увлекательной борьбой отличился шахматный чемпионат СССР 1981 года среди молодых мастеров, организованный в Таллине. Победителем нелегкого соревнования стал международный мастер Евгений Владимиров из Алма-Аты. Его результат — 10 очков из 15 возможных (без поражений). Второе призовое место с 9,5 очка занял другой международный мастер — Андрей Харитонов из Иванова.

В том, как искусно играют лауреаты молодежного первенства страны, читатели «Смены» могут убедиться по двум фрагментам, которые мы ниже приводим.

Здесь изображена позиция, сложившаяся после 25-го хода черных во встрече Е. Владимиров (у него были белые фигуры) с мастером из Севастополя Владимиром Маланюком. Белые, дабы сохранить немаловажный козырь — преимущество двух слонов — отклонили выгодное партнеру предложение о размене.

26. Sc3—d2! Fb6—c5 27. b3—b4 Fc5—b6 28. Cg2—f1 c6—c5 29. b4:c5 Kc6:c5 30. Kpg1—g2 Fb6—b1 31. f2—f3!

Выясняется, что на вид не защищенная пешка белых «отравлена», и ее взятие обернулось бы для черных потерей ферзя. Впрочем, и в дальнейшем уничтожение этой пешки разъединяет черного ферзя со своим королем, и последний оказывается беззащитным.

31. ...Kc5—a4 32. Fe2—c4 Fb1—b2 33. Fc4—c1! Fb2:a2? 34. Kph2—h3 h7—h5 35. Cd2—h6+ Kpg7—h7 36. Ch6—f8! h5:g4+ 37. f3:g4 g6—g5 38. Fc1:g5, и черные сдались.

Перед вами положение, создавшееся после 23-го хода белых в партии А. Харитонова (он играл черными) с мастером из Тбилиси Зурабом Стурца. В данном случае предложение о размене слонов также отклоняется в целях осложнения борьбы.

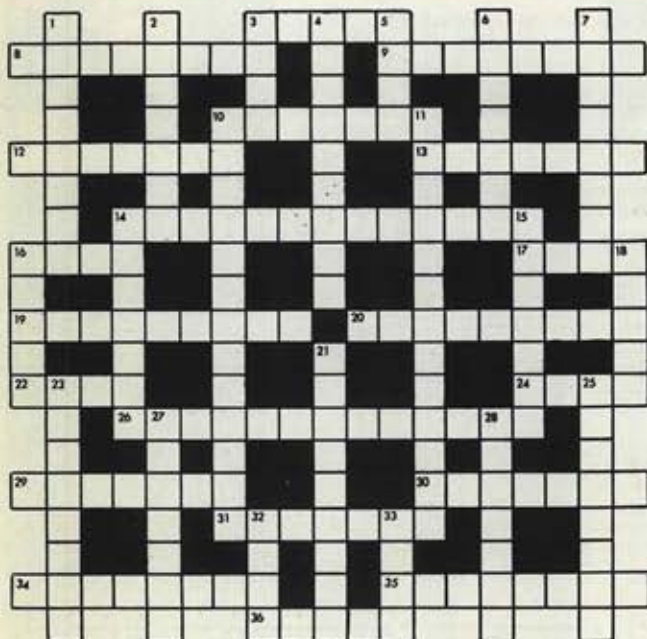
23. ...Ce7—f6! 24. Cd6—b4 Kd7—e5 25. Kf3:e5 Cf6:e5 26. Kc3—b1 Kb6—a4 27. b2—b3 Ka4—b2 28. Ld1—f1 Fb7—d5! 29. Kb1—d2 Kb2—d3 30. Lc1:c8 Le8:c8 31. e3—e4 Kd3—f4 32. Fe2—d1 Fd5—d3 33. Kd2—f3.

Полоса лавирования завершается красивой комбинацией с жертвой ферзя. Избегай матовых угроз, белые несут невосполнимые материальные потери.

33. ...Kf4—e2+ 34. Kpg1—h1 Lc8—c1!! 35. Fd1:c1 Ke2:c1 36. Lf1:c1 Ce5—f4! 37. Lc1—e1 Fd3:b3 38. e4—e5 a6—a5 39. Cb4—d6 Fb3—d3 40. Kph1—g1 Kpg8—h7 41. Cd6—e5 g7—g5!, и белые пошли на капитуляцию.

КРОССВОРД

Составил Р. КЛИМЕНКО
Свердловск

По горизонтали:

3. Плод пальмы. 8. Киноактриса, народная артистка СССР. 9. Картина В. М. Васнецова. 10. Специалист, изучающий растения. 12. Французский поэт-песенник XIX века. 13. Животное, обитающее в тропических лесах Америки. 14. Отрасль сельского хозяйства. 16. Колесо с широким ободом, деталь передачи. 17. Единица освещенности. 19. Горный массив в Северной Америке. 20. Очистка растительных масел от примесей. 22. Стихотворение В. В. Маяковского. 24. Добываемые охотой птицы, звери. 26. Устройство для преобразования напряжения переменного тока. 29. Стихотворение В. А. Солоухина. 30. Областной центр в РСФСР. 31. Автономная советская республика. 34. Балльный танец. 35. Старинный город в ФРГ. 36. Небольшая чашка без ручки, употребляемая в Средней Азии.

По вертикали:

1. Конструктор, один из создателей реактивных снарядов для «Катюши». 2. Опера Г. И. Майбороды. 3. Город в Армении. 4. Писатель, автор романа «Весна на Оudere». 5. Женская одежда в Индии. 6. Авиаконструктор, лауреат Ленинской премии. 7. Ученое звание. 10. Пьеса А. Н. Островского. 11. Система распределения однородных предметов, понятий по признакам. 14. Сорт сухого печенья. 15. Декоративный вечнозеленый кустарник. 16. Круглый шип для соединения столярных деталей. 18. Передача и прием информации с помощью технических средств. 21. План деятельности, работ. 23. Устройство, преобразующее электрические колебания в механические при записи звука. 25. Басня И. А. Крылова. 27. Мыслитель, писатель, провозвестник революционных идей в России. 28. Вид флейты, керамическая свистулька. 32. Плотная, с густым ворсом ткань для верхней одежды. 33. Растение семейства розоцветных, медонос.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 9

По горизонтали:

4. Свирель. 7. Шопен. 8. Волан. 10. Гаага. 12. Багряна. 13. Телефон. 16. Днепр. 17. Соколова. 20. Увертюра. 22. Хормейстер. 23. «Марсельеза». 25. Бригадир. 28. Просодия. 31. Чехов. 33. Семинар. 34. «Лорелея». 35. Лиана. 36. Нерис. 37. Сайка. 38. Гордеев.

По вертикали:

1. Авангард. 2. Хризантема. 3. Элеватор. 5. Сопрано. 6. Ханенде. 9. Кашло. 11. Сонет. 14. Хронограф. 15. Березники. 18. Лиена. 19. Автор. 20. Укроп. 21. Рельс. 24. «Шехеразада». 26. Гусев. 27. Досифей. 29. Отметка. 30. «Ответ». 31. Чарлстон. 32. Веласкес.

МАСТЕР ИЗ БОГОРОДСКОГО

Еще совсем недавно Михаила Дворникова, молодого резчика с Богородской фабрики художественной резьбы, знали только в своем селе. Теперь, когда он получил за свои работы диплом ВДНХ, стал лауреатом премии Ленинского комсомола, его все чаще посещают искусствоведы и журналисты, знатоки и просто любители народного искусства.

Свою известность он осознал медленно. Пожалуй, все началось с «Олимпиады», которая на Международной ярмарке в Лейпциге была признана его лучшей работой. Как-то, сидя в номере лейпцигской гостиницы, он глядел в окошко на острове крыши домов. И вспоминалось почему-то Богородское, крошечная мастерская и медовый запах липовой стружки. Михаил режет свою веселую зверушку — быстрым, неуловимым движением, как говорят у них в селе — «с маху». Поэтому богородская манера резьбы и называется еще «маховой». Он будто извлекает из кургузой «балбешки» лукавую мордочку, округлые уши, косопалую фигуру, убирая все лишнее.

Стены его комнатки, которая громко именуется «мастерской», уставлены стеллажами. А на них чего только нет: и лесные коряги, подработанные им под леших и разных чудных зверей, и занятные сучки всякие, и деревянная скульптура. Все свое, нарядное, знакомое, найденное не сразу.

Вот эти смешные и симпатичные мишки, которые залихватски играют на балалайке, отчаянно дерутся за мяч на футбольном поле или катают своих медвежат на качелях.

ему дороги особенно. Михаилу с самого начала удавалось все жанровое, легкое, веселое, фольклорное. Он сразу подружился с этим любимым героем богородских резчиков — мишкой, Михаил Ивановичем, Топтыгиным. И заставлял его «чудить», как ему вздумается, подчиняя своей фантазии.

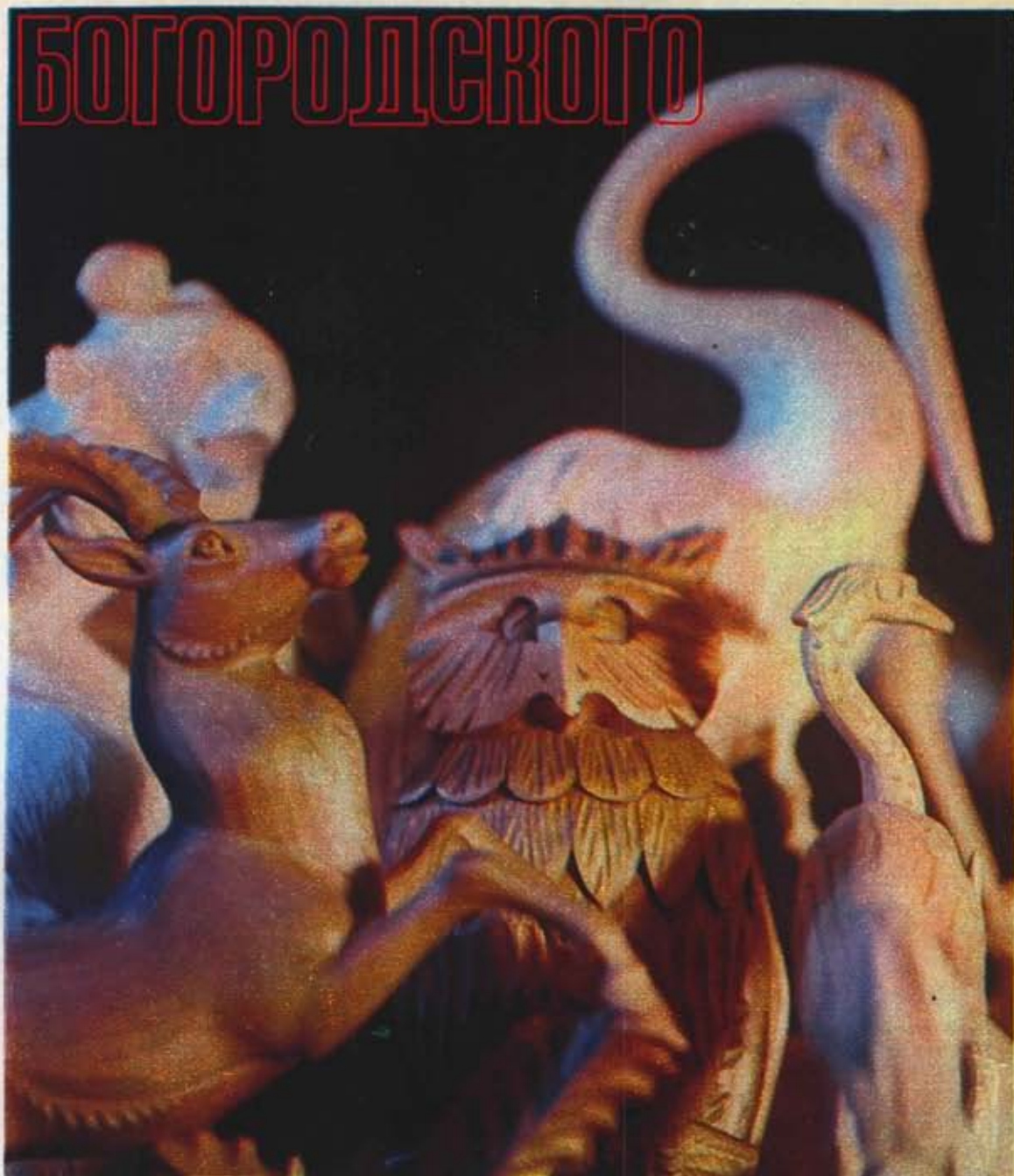
Иные, глядя на его рукоделье, не верили, что пришел он в село всего-то шесть лет назад, так удивляло их Мишино мастерство. А ведь так и было. Увидел объявление в газете, где говорилось о наборе учеников на Богородскую фабрику, и понял: это его. Пришел на фабрику в военной гимнастерке, только что без погон (всего неделя прошла, как демобилизовался из армии). О художественной резьбе знал понаслышке, хотя с ручным ремеслом знаком был с детства.

Отец его, Яков Андреевич, был мастером на все руки — и часовщик, и печник, и бондарь, а уж как плотник и столяр на всю округу славился. Все братья Дворниковы отцу помогали с тех пор, как себя помнят. Была у отца славная поговорка: «Мастерство за плечами не таяет». И детей своих сызмальства приучал к инструменту, к дереву, к глине. Вот и вырос Михаил умельцем отцу под стать. Однако весь талант свой сберег для одного дела — деревянной резьбы. Но даже постигнув основы ее и кое-какие секреты, не успокоился, зачастил в Загорск.

И был в том свой резон, в селцо Богородское игрушечное дело перекинулось именно из Загорска. И в Загорск же носили богородские мужики свои игрушки на продажу. Это были белые нераскрашенные игрушки из мягкого дерева липы — зверушки, среди которых особенно славился мишка, неуклюжий напарник крестьянина во всех его трудах. Крестьянские свадьбы и чаепития, гулянья да веселье, но чаще мужик в поле, на севе и пахоте, в кузнице и на рубке леса. Тут же были и «хитрые» игрушки — с движением, на раздвижных планках.

Не раз ездил Дворников в Загорский музей игрушек, смотрел, искал истоки деревянного чуда, пробовал повторить. Трудно давалось, но зато как радовался, когда находил свое...

Не однажды сам же и разрушал фигурки, уже законченные. Не нравились, и все тут. Понимал, только так и надо, если хочешь обрести в резьбе свой почерк.

КАК ДОЛОЖИТЬ И НЕ ПРОСТ ПУТЬ ДЕРЕВЯННОГО БРУСКА ДО УДИВИТЕЛЬНЫХ, ВСЕГДА НЕПОВТОРИМЫХ БОГОРОДСКИХ ИГРУШЕК!

МОЛОДЫЕ МАСТЕРА УСПЕШНО ПОСТИГАЮТ ТАЙНЫ И ПРОДОЛЖАЮТ ТРАДИЦИИ ИСКОННО РУССКОГО ИСКУССТВА РЕЗЬБЫ.

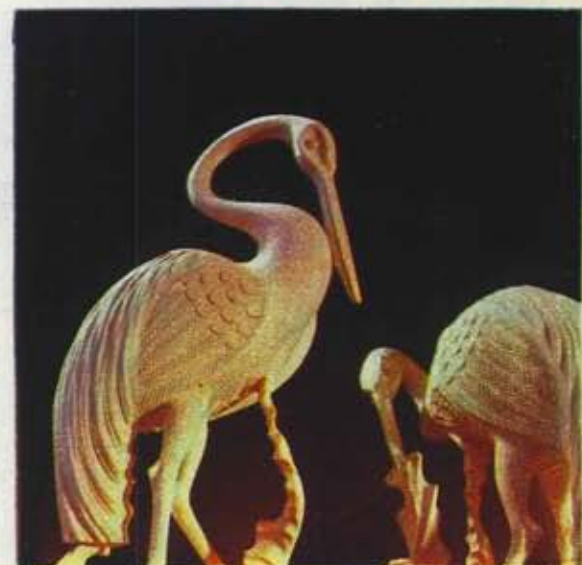
Завершив «Олимпиаду» — плод долгих, мучительных, но радостных месяцев работы, — в тот же вечер пошел, страшно волнуясь, к старому мастеру Николаю Ивановичу Максимову, заслуженному художнику РСФСР. Пусть он оценит первый. Максимов, как и все мастера, в совете не отказывал. Встретил он гостя в валенках и меховой телогрейке, хотя в избе было жарко натоплено. Повел в горницу. А там глаза разбегаются. На полках, на столах, на шкафах — великолепная деревянная скульптура, сработанная широко, размашисто, со страстью. Большею частью это кони — стоящие, пляшущие, бешено скачущие. За одну из его знаменитых «троек» на Всемирной выставке в Париже давали на выбор любой автомобиль — Максимов не взял.

Насупленный мастер колючим взглядом окинул «Олимпиаду». Долго молчал и наконец произнес:

— Композицию нужно не разрывать, делать все в одном ритме. А то у тебя мишки — каждый сам по себе гуляет. И центр нужно найти: вот этот — медведь с факелом — понял?

Миша лихорадочно мотнул головой. Как это он сам раньше не додумался?

Потом Максимов долго смотрел ему вслед в оттаявшее окошко. Он, этот Дворников, еще себя покажет... Думает парень, ищет, страдает. Так ведь без этого настоящему мастеру нельзя.

Татьяна КОРЗО